АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ

АВГУСТ 91-ГО

А БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анатолий Иванович Лукьянове 1990–1991 гг. был председателем Верховного Совета СССР. Привлекался к уголовной ответственности по делу «Об августовском путче 1991 года». В состав ГКЧП Лукьянов не входил, однако, по мнению многих, был одним из инициаторов событий августа 1991 года.

С 29 августа 1991 г. по декабрь 1992 г. находился в следственном изоляторе «Матросская тишина», после чего он был освобожден под подписку о невыезде. 23 февраля 1994 г. постановлением Государственной Думы была объявлена амнистия для всех участников путча, и уголовное дело было закрыто.

В своей книге А. И. Лукьянов решил рассказать обо всех обстоятельствах так называемого заговора ГКЧП. Как показывает А. Лукьянов, никакого заговора в действительности не было или, вернее, был другой заговор — тех, кто желал разрушения СССР и ликвидации советского строя в нашей стране.

- Анатолий Лукьянов
  - Вместо предисловия
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3
  - Часть 4
  - Часть 5
  - «СССР уничтожили осознанно и целенаправленно»
  - Часть 6
    - Анатолий Лукьянов в студии радио «Свобода»
    - «В России создано Олигархическое государство»
    - «Сегодня надо, прежде всего, понять — от чьего имени политик выступает и кого защищает»
    - «Нам не следует отдавать понятие «демократия» на откуп тем, кто использует это слово для прикрытия подлинной сущности современного буржуазного строя»
  - Приложение
    - Единство союза на основе единства Советов
    - Судьба Союза и роль Верховного совета СССР
    - О сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик
    - О проведении референдума СССР По вопросу о Союзе Советских Социалистических Республик

- О названии Советского государства
- Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года
- В договоре о Союзе отразить результаты всесоюзного референдума
- Мы подошли к водоразделу

Анатолий Лукьянов
84 Август 91 — го. Был ли заговор?

Вместо предисловия

Я родился и вырос в одном из самых древних русских городов на стыке России, Белоруссии и Украины — Смоленске. Этот город, стоявший на пути к Москве против многих чужеземных завоевателей, неоднократно сгорал дотла, а потом воскресал из пепла и разорения. Смоленщина, пожалуй, одна из самых многострадальных частей России.

Мое детство кончилось 28 июня 1941 года, когда от прямого попадания бомбы сгорел дотла наш дом, стоявший на самом берегу Днепра… Тогда же, в июле, я последний раз увидел отца: он приехал с фронта повидаться с нами. Капитан инженерно-саперных войск…

Хорошо помню, как с бабушкой, младшим и двоюродным братьями добирались из Смоленска через Сухиничи и Козельск до Калуги… Дорогу простреливали фашистские самолеты. Еще воспоминание: страшный голод в эвакуации. Заглушить его можно было только махрой. Это уже в Балашове, в Саратовской области. Там я пошел на военный завод, который восстанавливал поврежденное оружие, поступавшее с фронта. Разборка, выправление того, что можно исправить, чистка — все это делали мы, мальчишки. Нам доверяли. Хотя многие из нас подставляли ящики, чтобы достать до супиорта станка.

Потом уже, много лет спустя, во время одной из командировок мне показалось, будто увидел именно свой станок. И вдруг захотелось к нему подойти. Было неловко: а что как не сумею, не вспомню? Но руки легли на металл, и все получилось, руки помнили. Школу закончил в Смоленске с золотой медалью.

Потом был юридический факультет МГУ. В те годы он оставался центром большой науки и высочайшей школой знаний для тысяч детей войны. Здесь преподавали академики Несмеянов и Зелинский, Шмидт и Тарле. На юридическом факультете читали лекции многие из дореволюционной школы: историки Юшков и Галанза, такие виднейшие специалисты по гражданскому, международному и уголовному праву, как Новицкий и Дурденевский, Трайнин и Меньшагин, блестящий знаток политических и правовых учений Кечекьян. Скажу прямо, я с огромным интересом поглощал идущий от них поток знаний, учился той удивительной увлеченности, с какой они относились к научным исследованиям.

Но это была только часть того, что давал университет. В наше университетское общежитие на Стромынке, 32 в первые послевоенные годы часто приезжали известные литераторы,

композиторы, артисты. Мы их, конечно, боготворили. Но, думаю, и им было интересно с нами! Тогда я увиделся, был очарован Михаилом Светловым, молодым Юрием Трифоновым, Николаем Тихоновым, Ярославом Смеляковым, Константином Симоновым. Слушал Рихтера и Гилельса, Михайлова и Максакову, Яхонтова и Качаряна. Соприкосновение с этими людьми оставило след на всю жизнь.

Для недавних фронтовиков и для нас, приезжих, многое в столице было внове. И ребята-москвичи часто над нами подшучивали: то-то мы не читали, то-то не видели, о том-то не знаем. Наверное, это и стало стимулом: ночи напролет мог читать Флобера, Джека Лондона, Канта… А еще ночами приходилось грузить на вокзалах уголь, дрова, овощи. Стипендия-то была — 290 рублей, как говорится, на старые деньги. Грузили, зато назавтра шли в консерваторию или во МХАТ на галерку.

В 1953 году закончил университет, а в 1956 году — аспирантуру по кафедре теории государства и права.

После аспирантуры я был направлен на работу в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. Здесь занимался главным образом сравнительным правоведением, был экспертом при заключении первых договоров о правовой помощи с зарубежными странами, прежде всего с государствами Варшавского Договора.

В 1961 году меня перевели из правительственного аппарата в Верховный Совет СССР. Тут предстояла большая работа по обновлению законодательства и подготовке проекта новой Конституции страны. В связи с этим пришлось основательно изучать документы по истории становления и развития нашего конституционного строя, в том числе материалы из личного архива Сталина. Работая в отделе по вопросам работы Советов, секретарем парткома аппарата Президиума Верховного Совета СССР, часто выезжал на места, побывал практически во всех союзных республиках. Защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию.

Тема диссертации: «История и теория законодательства о советских представительных органах». Исследовал закономерности развития органов государственной власти, законодательства об их функциях. В диссертации есть глава — по вопросам сравнительного права, западного и нашего. Начал заниматься этими вопросами еще в 1956 году, когда меня взяли в правительственный аппарат. Продолжал анализировать, сравнивать зарубежные и наши правовые институты. Так постепенно профессиональная работа начала сливаться с политической. Тяга к науке осталась, и, честно говоря, в моменты

разочарования, а они, по-моему, бывают у каждого думающего человека, мечтал снова заняться наукой.

В 1976–1977 годах участвовал в подготовке проекта союзной Конституции, работая в аппарате ЦК КПСС. Затем снова вернулся на работу в парламент, где до 1983 года был начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1983 года по предложению Ю.В. Андропова был переведен на работу в ЦК КПСС. Там был сначала первым заместителем заведующего, а потом заведующим Общим отделом, обслуживающим непосредственно Политбюро и Секретариат Центрального Комитета партии. Дальнейшие мои назначения состоялись уже в эпоху перестройки.

Часть 1
Последние годы СССР

О заседаниях Политбюро в ночь с 10 на 11 марта 1985 года и на следующий день написано уже немало. Когда-нибудь и я расскажу о них подробнее…

В ту бессонную ночь была подготовлена речь М.С. Горбачева на Пленуме ЦК, который открылся на следующий день выступлением А.А. Громыко, внесшего предложение о новом Генеральном секретаре Центрального Комитета. Избрание на этот пост М.С. Горбачева было подготовлено всем ходом событий, многочисленными встречами и беседами Е.К. Лигачева и других членов Политбюро с местным партийным активом, с членами Центрального Комитета. Скажем прямо, поддержка была достаточно внушительная. Уж очень надоели людям дряхлые старцы во главе страны, догматизм, неэффективность управления, экономический и политический застой.

Теперь нужна была программа практических действий, четкие ориентиры развития общества. В этом ключе шла подготовка к апрельскому (1985 г.) Пленуму Центрального Комитета. Материалы к нему готовились в пригороде Москвы Волынском — рядом с бывшей ближней дачей И.В. Сталина. День и ночь шли горячие споры, высказывались прямо противоположные точки зрения. Но уже тогда наметились сначала не очень ощутимые, а потом все более заметные трещины в нашей тогда еще более или менее единой команде. Там, в частности, уже в те апрельские ночи 1985 года у нас были споры с А.Н. Яковлевым и о частной собственности на землю, и о введении многопартийности, и об отношении к странам Восточной Европы. В одном из своих интервью «Литературной газете» в 1991 году Яковлев признал, что еще весной в 1985 году он предлагал ввести в Советском Союзе двухпартийную систему.

На апрельском Пленуме был провозглашен курс на усиление научно-технического прогресса, на развитие активности в различных областях общественной жизни. Нужно было обновлять кадры партии, налаживать новый ритм, новые методы партийной работы. 14 мая 1985 года Политбюро утвердило меня заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Теперь мне было суждено постоянно быть в курсе важнейших событий, которые были связаны с работой Политбюро. Народное хозяйство, снабжение населения, основные узлы международных отношений — все это находилось в то время в поле зрения Политбюро и Секретариата

ЦК. Конечно, были среди их решений того времени немало поспешных, недостаточно продуманных документов, — таких, как решение о ведении выборности директоров предприятий, о нечем не регламентированном развитии кооперации, об антиалкогольной компании, — но было и немало точных, выверенных шагов, особенно в сфере усилений информированности людей и организации партийной работы на местах.

Много сил потребовали подготовка и проведение в конце февраля — начале марта 1986 года XXVII съезда партии. Принятые на нем документы, резолюции по вопросам партийного и государственного строительства, гласности, укрепления законности и правопорядка — должны были прежде всего служить ускорению развития общества. На XXVII съезде партии я был избран членом Центрального Комитета КПСС, того Центрального Комитета, политика которого уместилась в одно трудное, многозначное и спорное слово — перестройка.

То, что вмещало в себя это понятие и что оно принесло нашему народу, видимо, еще не раз будет оцениваться историками, да и я отношусь к нему критически и пристрастно. Ясно, что это был перелом, перелом крутой, не всегда продуманный и последовательный, в чем-то оптимистический и в то же время глубоко трагический для миллионов людей. Дело в том, что расковать потенциальные силы общества, освободить их — это еще не все. Главное состояло в том, на что, на разрушение или созидание, будет использован этот потенциал, насколько шаги по разрушению старого будут согласовываться с созданием новых форм жизни, удастся ли удержать эти процессы в нормальном русле, обойтись без острых столкновений и конфронтации.

Трагедия была в том, что удержать разрушительные процессы все-таки не удалось. Все, как говорят на Руси, пошло комом, а потом покатилось под откос. Задачи наращивания научно-технического прогресса довольно быстро были заменены общей задачей «ускорения», затем внедрением рыночных отношений. Вскоре вперед вырвалась политическая реформа, в ходе которой разрушительные политические процессы обернулись дезинтеграцией экономической жизни, межнациональными конфликтами, войной суверенитетов и законов, разрушением Союза ССР. Но все это было еще впереди.

* * *

На мою же долю после XXVII съезда партии выпала как раз та часть этих трудных процессов, которая была связана с политической и правовой реформой. 28 января 1987 года Пленум ЦК КПСС избрал меня секретарем Центрального Комитета, в ноябре 1987 года к этому прибавилось заведование Отделом административных органов ЦК КПСС. Скажу прямо, что почти два года пребывания на этих постах позволили основательно вникнуть во все сферы работы наших правоохранительных органов, армии, милиции, разведки. Немало пришлось решать возникавших тогда проблем — и кадровых, и законодательных, и организационных. Описание их заняло бы много страниц. Отмечу только, что ничего не прошло тогда мимо меня — ни реабилитации жертв 1936–1937 годов, ни чернобыльская катастрофа, ни смена военного руководства страны после посадки Руста на Красной площади, ни трудные решения по выводу наших войск из Афганистана, ни проблемы разоружения. Не минул меня и разгоревшийся пожар межнациональных конфликтов, когда в январе 1988 года вместе с В.И. Долгих пришлось выехать в Армению, где бушевали страсти в связи с событиями в Нагорном Карабахе и Сумгаите.

Работа секретарем ЦК фактически ввела меня в большую политику. Еще острее пришлось ощутить, насколько сложное это дело — политическая, государственная деятельность. Недаром английский лорд Галифакс говорил, что «государственная деятельность — бессердечное ремесло. Тому, кто от природы добр, здесь делать нечего». Боюсь, что это сказано и обо мне.

Трудные решения не даются без борьбы. Сентябрьский (1988 года) Пленум Центрального Комитета освободил в связи с переходом на пенсию большую группу ветеранов — членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Всего более ста человек. Был ли этот шаг оправдан, мне трудно сказать. Думаю, что нет. Но в том составе, который тогда был, Политбюро в полную силу работать не могло. Взаимопонимания не было…

Решением Пленума 30 сентября 1988 года я был избран кандидатом в члены Политбюро и рекомендован на работу в Верховный Совет СССР. 1 октября 1988 года Председателем Президиума Верховного Совета был избран М.С. Горбачев. Меня избрали его первым заместителем.

Так судьба снова привела меня в парламент страны, с которым была связана четверть века, а теперь уже и 50 лет моей работы. Но тогда это были последние месяцы деятельности Верховного Совета СССР. Ему предстояло внести существенные изменения в Конституцию СССР и обеспечить проведение выборов на совершенно новой, альтернативной основе. В соответствии с

принятым тогда законом предстояло избрать более двух тысяч народных депутатов СССР от территориальных и национально-территориальных округов, а также от общественных организаций. Вот эта задача и стала моим главным делом того периода. Здесь все было ново. Вопросы этой радикальной политической реформы пришлось многократно докладывать на заседаниях Политбюро и в парламенте, на многочисленных встречах с партийным и советским активом.

Выборы, которые прошли весной 1989 года, стали действительно поворотным моментом в развитии нашей государственности. Встречи с возникшей тогда «московской», а затем «межрегиональной» депутатской группой показали: впервые за послеоктябрьский период родилась легальная оппозиция, требующая совершенно новых форм работы парламента. Беседы с академиком А.Д. Сахаровым, депутатами Поповым, Афанасьевым, Станкевичем, Кузьминым и другими представителями «новой волны» были трудными и жесткими. Начинался период, когда появлялась возможность пробудить наш спящий депутатский корпус и в полной мере осуществить старый лозунг «Вся власть Советам!»

Открывшийся в мае 1989 года первый съезд народных депутатов СССР подтвердил этот прогноз. Стенограмма съезда, за которым следила у телевизоров вся страна, дает представление о том, как труден был этот шаг политической реформы. Комментарии ученых, государствоведов и социологов даются сегодня самые разные.

Съезд тайным голосованием избрал М.С. Горбачева Председателем, а меня — первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР — нового постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти страны. Работа в нем шла достаточно интенсивно. Постепенно выкристаллизовался обширный план законодательных работ, формировались отношения с правительством, начался складываться парламентский коллектив, способный решать стоящие перед ним трудные задачи.

Когда весной 1990 года М.С. Горбачев стал Президентом страны, третий съезд народных депутатов избрал меня Председателем Верховного Совета СССР. Эти выборы, проходившие 15 марта 1990 года, были проведены на альтернативной основе из восьми кандидатур и завершились уже в нервом туре.

Естественно, что загрузка большой государственной работой, причем работой с депутатами различной политической ориентации, поставила передо мной вопрос о возможности

оставаться в составе руководящих партийных органов. Поэтому, когда в июле 1990 года XXVIII съездом КПСС я был снова избран членом Центрального Комитета партии, мы с Н.И. Рыжковым поставили перед первым, после съезда, Пленумом ЦК вопрос о нецелесообразности избирать нас в состав Политбюро. Пленум поддержал это мнение. Изменение статьи 6 Конституции СССР о новой роли Коммунистической партии с необходимостью предопределило этот наш шаг.

* * *

Конечно, судьба каждого человека, соприкасающегося с решением вопросов большой политики, не может и не должна рассматриваться изолированно от того, что в целом происходило в нашей стране в середине девяностых годов, как складывались тогда отношения в руководстве партии и государства. Ведь, так или иначе, каждый из нас, если он мало-мальски честно и критически относится к себе, обязан разделить ответственность и за просчеты, и за ошибки, и за провалы того курса, который проводился и назывался «перестройкой».

И здесь речь пойдет, прежде всего, о партии, нашей Коммунистической партии, которая была становым хребтом советской общественной системы. Сейчас, пусть очень схематично, можно сказать, что в работе партии, Политбюро, ее Центрального Комитета после апреля 1985 года было как бы три периода.

Первый период я назвал бы периодом надежд. Он был связан с общим энтузиазмом, доверием, которое вызывала тогда политика Горбачева и его окружения. Ему верили, его защищали, ему симпатизировали. Политбюро того времени действовало напряженно, заседая иногда по восемь — десять часов в неделю и решая самый широкий круг острейших проблем. Руководство партии работало достаточно коллегиально, без особых обид воспринимая критику, прислушиваясь к голосу каждого. «Старики», как правило, не давили на «молодых» своим авторитетом. Горбачев, в отличие от Брежнева и Черненко, старался не выступать первым, взвешивал мнения, спорил, присоединялся к наиболее дельным предложениям.

Особенно активные позиции занимал Егор Кузьмич Лигачев, которому было поручено вести заседания Секретариата ЦК. Все более ощутимой становится роль Николая Иванович Рыжкова, особенно в обсуждении и решении крупных хозяйственных вопросов. Политбюро было практически едино в том, что борьба

идет за упрочнение социалистических общественных отношений, ускорение научно-технического прогресса, обновление производства, смягчение международной напряженности. В то же время ясного плана реформ тогда, конечно, не было. Было очевидно, что надо покончить с авторитарными методами управления, внедрять гласность, быть ближе к людям, развивать их общественную активность. Этими идеями был проникнут Политический доклад ЦК XXVII съезду партии. Но вместе с тем Политбюро того периода уже не олицетворяло былого «монолитного единства» и ортодоксальности. Все осязаемее становятся в нем позиции людей, которые, на словах поддерживая лозунг «Больше социализма», занимали все более антисоциалистические позиции, проповедовали «несомненные преимущества» частного предпринимательства, частной собственности на землю, свободного рынка, капиталистического пути развития. Особое место принадлежало тут А.Н. Яковлеву, ставшему к тому времени заведующим отделом пропаганды ЦК, а затем очень скоро секретарем ЦК, кандидатом в члены и членом Политбюро. К нему все чаще примыкал избранный в июле 1985 года членом Политбюро Э.А. Шеварднадзе. Появление в окружении Горбачева этих будущих его «злых гениев» вызывало недовольство стариков — членов Политбюро, накаляло в нем и без того непростую обстановку.

Горбачеву все труднее становилось маневрировать между этими крыльями своих соратников. Не обладая твердыми позициями, да, скажем прямо, и глубокими познаниями в области экономики и социологии, он прислушивался то к Яковлеву и стоявшим за ним академическим и другим кругам либерального толка, то к ортодоксам, которых защищал активный и напористый Лигачев.

* * *

Вывод Б.Н. Ельцина из состава Политбюро в январе 1988 года ещё более накалил обстановку. Правда, на ноябрьском (1987 года) Пленуме ЦК и Яковлев, и Шеварднадзе дружно громили Ельцина, о чем они потом старались по возможности не вспоминать. Но борьба между Горбачевым и Ельциным (борьба, скажем прямо, зачастую без всяких правил и приличий) становится с тех пор постоянным фактором жизни наших партийных и государственных верхов.

Однако это было только прелюдией второго периода работы Политбюро, когда напряженность стала повседневным спутником

его жизни. Весной 1989 года, когда Горбачев был в зарубежной поездке, с разрешения Лигачева «Советской Россией» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Воспользовавшись этим, Яковлев, Медведев и Шеварднадзе наносят по Лигачеву давно задуманный удар, обвиняя его в поддержке консервативных сил, выступающих против перестройки. Проводится целое партийное расследование, за кулисами которого, несомненно, витала тень самого Генерального секретаря. Главным же режиссером этого политического спектакля был, несомненно, Яковлев. Яростное выяснение отношений состоялось на закрытом заседании Политбюро. Сохранившиеся у меня с того времени записи полны вопросов, как две капли воды похожих на идеологические экзекуции пятидесятых годов. За этим последовало отстранение Лигачева от руководства заседаниями секретариата ЦК КПСС. Теперь их стал вести послушный и тишайший Медведев, а иногда и сам Яковлев.

Время было сложнейшее. Экономика трещала по швам. Шла подготовка к выборам народных депутатов СССР, которые должны были проводиться как по территориальным округам, так и от общественных организаций. Требовалась максимальная концентрация сил. А ближайшие помощники и соратники все дальше оттаскивали Генерального секретаря ЦК в сторону от повседневных забот, связанных с укреплением социалистических устоев жизни общества. Недаром именно к концу 1989 года относятся откровения Горбачева одному из своих помощников: «Не думай, — говорил он, — что меня может что-то остановить, что есть порог, через который я не могу переступить. Все, что потребуется для самых глубоких преобразовании системы, меня не смущает. Я пойду так далеко, как это будет нужно. А если говорить о конечной цели, насколько она может сегодня быть определена, то это — интеграция в мировое сообщество мирным способом. По убеждению я близок к социал-демократии». Теперь-то мы знаем, насколько далеко зашли эти устремлении и к чему они привели. Но факт остается фактом. Уже тогда за кулисами Горбачев вел речь о переходе от одного общественного строя к другому, а на публике все еще звучали его клятвы о «приверженности социалистическому выбору» и «гуманному, демократическому социализму».

Естественно, такое сползание с социалистических позиций не могло получить поддержку у партии. Не было ее в полной мере и в Политбюро. Оно собирается реже и реже. Избранный Председателем Президиума Верховного Сонета, а затем Председателем Верховного Совета СССР, Горбачев нее меньше

нуждается в советах своих товарищей по партии.

Отсутствие устойчивых позиций в политике, эклектика в мировоззрении бросали Горбачева из одной крайности в другую. Стремясь примирить непримиримое, он мечется, принимает под воздействием то одной, то другой стороны противоречивые, поспешные решения, все дальше отступает от установок Программы партии, принятой XXVII съездом КПСС.

Важнейшие вопросы жизни страны стали все чаще решаться не коллективно, а в узком кругу ближайших советников Горбачева. Его выступления, многократно воспроизводимые по радио и телевидению, становятся вязким повторением одних и тех же прописных истин о «судьбоносности перестройки», о «начавшемся процессе», о «новом мышлении». Под влиянием Яковлева в речах появляются округлые слова о приверженности социалистическому выбору при общем движении к свободному рынку, все более размывается классовый подход к событиям, катастрофически нарастают межнациональные конфликты. Авторитет Горбачева быстро ползет вниз. Он уже, в общем-то, не очень скрывает свои социал-демократические, а порой откровенно либеральные позиции. Неумение удержать в руках ход политической реформы делало свое дело. Все глубже становилось непонимание между лидером партии и ее Центральным Комитетом.

* * *

С избранием Горбачева в марте 1990 года президентом страны и с внесением в то же время поправки в статью 6 Конституции СССР решение узловых политических вопросов общественной жизни уходит из поля зрения Политбюро ЦК КПСС, как вода в песок. Мы вступили в третий период — период распада, который закончился не только крушением партии, но и самой советской союзной государственности.

Для этого периода характерны резкое ухудшение экономического положения страны, вползание ее в социально-политический кризис, повсеместное ослабление порядка и дисциплины. Теперь партии противостояли реальные оппозиционные силы, которые требовали устранения ее от власти. Грозные межнациональные конфликты в Прибалтике, Закавказье, Молдавии разрывали хозяйственные и политические связи, несли с собой тысячи жертв и сотни тысяч беженцев. Сильнейшим ускорителем этого разрушительного процесса и вместе с тем последнего акта трагедии Горбачева стало принятие

первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете России и избрание Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации.

Объявление всеобщей «суверенизации», приоритета республиканских законов над союзными, изображение центра как некоего имперского монстра поставили Союз ССР на грань распада.

Что требовалось, в этих условиях прежде всего? Требовалось максимальное единство партийных рядов, единство воли членов Центрального Комитета партии, Политбюро. А его не было. XXVIII съезд КПСС, проходивший летом 1990 года, этого единства укрепить не смог. В программном заявлении съезда обосновывается, прежде всего, необходимость движения к рынку и многоукладной экономике, развитие же социалистических общественных отношений отодвигается на второй план. Такой подход, естественно, не устраивал не только значительную часть делегатов съезда, но и очень многих членов вновь избранного Центрального Комитета. Правда на съезде не получили поддержки ни ортодоксы во главе с Лигачевым, ни сторонники социал-демократической ориентации, требовавшие прямой поддержки частного предпринимательства, во главе с Яковлевым.

Утвержденный XXVIII съездом новый Устав партии, и «федеральная» структура Политбюро сразу же обрекли его на малую работоспособность. Достаточны было перелистать протоколы Политбюро и Секретариата ЦК того времени, чтобы убедиться, что круг решаемых ими вопросов сузился до минимума. Партия становилась бездействующей, в значительной мере обезглавленной организацией. Она была неспособна уже противостоять как право-либеральным тенденциям, так и возможным путчистским устремлениям сторонников «жесткой руки».

* * *

В этом воочию убеждали два последних Пленума ЦК 1991 года. Уже на апрельском Пленуме восьмая часть членов Центрального Комитета выступила против М.С. Горбачева, который вынужден был пригрозить отставкой. Перед июльским Пленумом 32 из 72 секретарей обкомов Российской Федерации поставили вопрос о привлечении Горбачева к ответственности. Этот Пленум принял решение о созыве внеочередного съезда партии в конце 1991 года, на котором смена руководства Центрального Комитета была, на мой взгляд, во многом

предрешена.

Ни в малой степени не погрешу против истины, если скажу, что подавляющее большинство членов ЦК КПСС выступало против ослабления социалистических устоев жизни общества и развала Союза ССР, не было согласно с возникновением нового класса предпринимателей, с углублением социального расслоения, массовым обнищанием и безработицей.

И это в полной мере отражало те настроения, которые были характерны для значительной части рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции.

Люди не могли и, уверен, долго не смогут воспринимать всемирно пропагандируемые идеи о том, что собственник, а не труд людей, зарабатывающих себе на жизнь силами своих рук и ума, являются движущей силой общественного прогресса, что ничем не ограниченному рынку, социальному неравенству и безработице «нет никакой альтернативы».

Семьдесят послеоктябрьских лет не прошли даром. В общество глубоко вросли многие социалистические понятия, коллективистская психология, презрение к эксплуататорам и нахлебникам. Да, этот строй нуждался в радикальных изменениях. Да, многоукладность, равноправие различных форм собственности, демократические свободы, политический плюрализм, раскрепощение личности — все это отвечало требованиям времени. Но ведь все должно было находиться в рамках социалистической, а не откровенно прокапиталистической модернизации. Никто не сможет отрицать, что именно эти, а не какие-нибудь другие соображения, преобладали весной и летом 1991 года у большинства членов Центрального Комитета, которые давали острую и нелицеприятную оценку действиям своего Генерального секретаря.

В то же время было ясно, что такое несовпадение мнений большинства Центрального Комитета и лидера партии являлось противоестественными. Оно не могло долго продолжаться. За ним неизбежно следовало бы крушение партии, лишенной боеспособного руководства, либо устранение самого этого руководства.

Так и произошло. В августе 1991 года партия оказалась безоружной, неспособной противостоять развертыванию оголтелой кампании травли коммунистов и реставрации псевдодемократических, а по сути авторитарных порядков. Президент страны публично отказывается от выдвинувшей его на этот пост партии. Стало фактом парадоксальное явление — не руководитель оказался недостойным своей партии, а сама

многомиллионная партия коммунистов была объявлена «недостойной своего лидера». То есть хотим мы того или нет, перед нами было предательство дела партии человеком, который был ей обязан всем своим существом и продвижением. Этим шагом был подписан приговор и самому президенту. Дни Горбачева на этом посту были сочтены.

* * *

Наверное, эти страницы покажутся читателю несколько абстрактными, изобилующими общими оценками. Где здесь мое личное отношение к событиям, — спросит он, — где воспоминания? Отвечу просто: я был не только участником всей этой большой общепартийной драмы. Драма партии была и моей личной драмой так же, как, думаю, и драмой миллионов коммунистов по всей стране.

До какой-то поры я был сторонником Горбачева. Мы нередко спорили, по-разному оценивали обстановку, но в целом курс на перестройку объединял нас. Газеты даже стали писать, что мы похожи на двух стоящих спина к спине бойцов, отбивающихся кулаками от нападающих слева и справа. В этом была доля правды. Для меня была в ряде случаев неприемлема ни сугубая ортодоксальность Лигачева, хотя в личном плане это глубоко честный и последовательный в отстаивании своих взглядов большевик. С другой стороны, для меня были совершенно неприемлемыми идеи десоциализации и капитализации советского общества, проповедуемые Яковлевым.

Но чем дальше в политике Горбачева социалистическая перестройка превращалась в антисоциалистическую, тем тяжелее становились мои отношения с президентом. Если раньше разница в наших оценках сложившейся ситуации не выплескивалась наружу, оставалась за кадром, то теперь даже газеты стали все чаще писать, что у Лукьянова «есть своя особая, противостоящая президенту позиция». Эта тема старательно муссировалась, малейшие расхождения утрировались и разжигались. По договоренности с Горбачевым мне пришлось даже давать ответ на эти выступления прессы в официальном заявлении, опубликованном 27 марта 1991 года. Президент, в свою очередь, отвел эти домыслы газет в одной из своих речей в парламенте.

Однако попытки прессы, либеральных и других сил противопоставить Председателя Верховного Совета Президенту страны не только не ослабевали, а, наоборот, усиливались. Об этом мне не раз приходилось говорить с Горбачевым. В последний

раз такой разговор состоялся у нас вечером 1 июля 1991 года. Входе этой беседы я уже в который раз просил Президента согласиться с моим переходом на научную работу, поскольку, продолжая линию на налаживание диалога и взаимодействия различных политических сил в парламенте, я, разумеется, не мог отказаться от своих партийных коммунистических позиций, связанных с защитой социалистических устоев общества, с сохранением нашей федерации, с развитием советской реформы демократии.

В тот момент, когда в Москве и Ленинграде возникло движение демократических реформ, руководимое Яковлевым, Шеварднадзе, Собчаком и Поповым, в беседе с президентом мне пришлось напрямую спросить у Горбачева, правда ли, что он собирается примкнуть к этому движению, отойдя от руководства Коммунистической партии. Я сказал президенту: «Если среди приверженцев нашей партии останется, в конце концов, всего один человек, то этим человеком буду я». «Нет, — ответил Президент, — нас будет двое».

Беседа наша продолжалась в тот вечер около двух часов и касалась самых разных трудных вопросов жизни страны, включая и подготовку к июльскому Пленуму ЦК КПСС, на котором, по имевшимся тогда сведениям, могли быть острые выпады против Генерального секретаря. Поэтому я считал, что на Пленуме стоило бы выступить Председателю Верховного Совета СССР, определив свое отношение к с либералам-рыночникам, сохранению Союза и взаимодействию парламента с президентской властью.

* * *

Выступая 26 июля 1991 года на Пленуме ЦК, я особо отметил недопустимость попыток мешать Верховному Совету СССР выполнять свои задачи по стабилизации обстановки в обществе и обеспечению конституционного характера проведения социально-экономических реформ. Одновременно я однозначно высказался против поворота общества к такому строю, где вообще не будет места социалистическим ценностям и общественной собственности, против тенденций к ослаблению социальной защиты трудящихся и прав человека, а также против стремления сепаратистов создать вместо обновленного Союза советских республик рыхлую и беспомощную структуру конфедерации или содружества, которые противоречат самому ходу экономической интеграции, происходящей во всем мире.

Пришлось предостеречь членов ЦК КПСС об имеющейся опасности ослабления позиций Советов и подмены их назначаемыми сверху администраторами. Я прямо сказал, что объявленная в те дни ельцинская программа департизации — это лишь часть общей кампании, направленной, по существу, против Советов, против партии, профсоюзов и других общественных организаций.

Отдельно говорилось тогда и о проблеме отношений президента с его партией и партии с президентом. Выступая на Пленуме, я сказал: «Давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять сегодня президента и что значит для президента потерять партию? Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для президента Горбачева потерять партию значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для партии же потерять президента значит утратить ключевую позицию в государственном руководстве, но не только. Это значит, уже сейчас дать возможность оппозиционным, в том числе уже властвующим, силам развернуть не просто травлю, а фактически погром партийных организаций».

Трагично, что это печальное предсказание стало реальностью. Хотя нашлись люди, которые увидели в этом моем выступлении призыв к путчу и замене Генерального секретаря ЦК КПСС. Показательна в этом отношении статья члена ЦК КПСС О. Лациса в «Известиях» от 31 декабря 1991 года. Он писал: «На пленуме открыто началась подготовка к тому, чтобы на предстоявшем в конце года съезде сместить Горбачева, отклонить его реформистскую программу и повернуть перестройку вспять. О подготовке военного переворота большинство участников пленума, очевидно, не знало, но политический переворот в стиле 1964 года готовили вполне открыто. Самые нетерпеливые уже не хотели ждать декабря, требовали созвать съезд в сентябре. Судя по тому, как принял зал речь Лукьянова, они уже и преемника наметили. И Горбачев не в силах был сдержать волны злобы, непроизвольно прокатывавшейся по залу время от времени, когда звучали, например, требования расправиться с Александром Яковлевым или с ослушниками из независимой компартии Эстонии. Нет, конечно, это давно уже не была единая партия!»

Да, Лацис прав: единство партии было разрушено. Но чьими усилиями? Не самого ли президента и его радикального псевдосоциалистического окружения.

А разрушить партию — значило разрушить всю сложившуюся после Октября советскую политическую систему. И от этого вывода нам уйти просто некуда.

* * *

Вспоминая минувшее, конечно, не могу пройти мимо той роли, какую играли в то переломное время Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР. Именно с этим, как оказалось последним, периодом жизни союзных законодательных органов и была в основном связана моя работа с весны 1989 года.

Сказать об этом необходимо еще и потому, что до сих пор подлинная роль парламента бывшего Союза искажается и, если можно так сказать, намеренно оглупляется нашей прессой, радио и телевидением. Каких только эпитетов не обрушивают они на голову ушедшего с политической сцены союзного парламента. Тут и «неаппетитная каша», и «странный мутант», и «кукольный театр», и «бой цирковых петухов». Бывший депутат И. Заславский договорился до того, что объявил союзный Съезд и Верховный Совет СССР, их депутатский корпус вообще «в большинстве своем состоящим из двурушников, сыгравших колоссальную роль в создании тяжкого положения страны». Они «сначала устраивали «одобрямс» Горбачеву — Рыжкову, потом Горбачеву — Павлову, потом их собирал Лукьянов, чтобы обеспечить такой же «одобрямс» и августовскому перевороту, да не успел». «Агрессивно-послушный», «штампующий чуждые народу решения», «прокоммунистический» парламент и так далее и тому подобное.

Со всей ответственностью могу сказать, что все это откровенная и злобная ложь. И хотя, конечно, окончательный диагноз поставит история, последние двадцать пять лет нельзя, невозможно будет ни осмыслить, ни понять без анализа той борьбы, которая шла в Верховном Совете СССР и вокруг него.

Дело в том, что Верховный Совет СССР того периода был, если можно так сказать, рыцарем на распутье, как на распутье стояло тогда и все наше общество. В нем все жарче разгоралась борьба социалистических и антисоциалистических тенденций, федерализма и сепаратизма, дружбы народов и национализма. Народные депутаты, избранные весной 1989 года, принесли эти противоречивые тенденции на свой первый Съезд и в Верховный Совет СССР.

Депутатский корпус стал зеркальным отражением того соотношения политических сил, которое господствовало в то время в советском обществе. Водораздел борьбы между стремлением обновить социалистические устои жизни страны, проводить реформы применительно к возможностям народа, с одной стороны, и попытками внедрить иные, по сути своей капиталистические начала, путем сознательной ломки всего и

вся, с другой стороны, проходил буквально по рядам парламента. Но даже в этих условиях в Верховном Совете СССР делалось все возможное, чтобы противостоять таким тенденциям, сохранять стабильность и законность в стране, ее государственное единство (некоторые документы, принятые в этом направлении Верховным Советом, приводятся в Приложении к данной книге).

При этом я, конечно очень далек от какой бы то ни было идеализации работы высших органов власти Союза ССР на последнем этапе их существования. Время было невероятно трудное. Не оправдались многие и многие наши надежды. Масса огрехов было в подготовке законов, в контроле за управленческими структурами, в самой организации работы парламента. Парламент бросало из стороны в сторону. Немало сил ушло на то, чтобы умерить азарт многоговорения, пустых дебатов, усадить в общую лодку и радикалов, и консерваторов, заставить их грести в одном направлении или хотя бы не мешать своими распрями решению острейших вопросов жизни общества.

Все это, конечно же, было. Но можно ли за деревьями не видеть леса, можно ли, как писал однажды Даниил Гранин, «до бесконечности заниматься самоистязанием»? Попытаемся все же взглянуть на происходившее тогда по возможности спокойно и без предвзятости.

* * *

Здесь необходимо будет прежде всего сказать, что большинство депутатов, составлявших Съезд народных депутатов и входивших в Верховный Совет СССР, с самого начала достаточно твердо были настроены в пользу решительного реформирования, но ни в коем случае не разрушения того общественного строя, который сложился в нашей стране. Именно под этим углом зрения депутаты подходили к решению сложнейших вопросов, которые стояли в то время перед советским обществом. И можно с уверенностью сказать, что ни один их этих трудных вопросов внешней и внутренней политики не миновал Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Если обратиться к проблемам международного характера, то это было время, когда почти одновременно рухнули социалистические режимы в странах Восточной Европы, когда остро встали задачи концентрации усилий всех народов на преодолении опасности ядерной войны, экологических и других катастроф.

Тут на счету у союзного Съезда и Верховного Совета СССР было немало принципиальных решений. Вывод советских войск из Афганистана, кардинальные меры в области разоружения, преодоление кризиса в Персидском заливе, договоры о Германском урегулировании, ратификация более шестидесяти международных документов, все эти внешнеполитические шаги нашей страны оставили серьезный след в Европе и на плане в целом.

Каждый такой шаг был плодом довольно острых дискуссий и на союзном съезде, и в Верховном Совете СССР. Достаточно вспомнить, как жестко шло обсуждение вопросов оценки пакта «Молотов — Риббентроп» или скажем, ратификации соглашений о выводе советских войск с территории Германии. Прошли времена единодушных голосований. Критика и слева, и справа сгущалась над головами ранее неприкасаемых внешнеполитических ведомств. Депутаты требовали объяснений Президента СССР о целях его поездок на Мальту и в Рейкьявик, во Францию, Японию, на совещание «семерки», добивались ежедневной информации о ходе военных действий в Кувейте и Ираке, все придирчивее спрашивали, как используются бюджетные средства, идущие на помощь иностранным государствам.

Дело, как известно, дошло до того, что Верховный Совет не утвердил назначение главы министерства внешнеэкономических связей и принял вызов Шеварднадзе, демонстративно заявившего о своей отставке. Правда, последний не удержался и попытался объяснить свой демарш происками Председателя Верховного Совета СССР. Я и депутатская группа «Союз» были обвинены бывшим главой МИДа, в частности, в умышленной затяжке обсуждения вопроса о денонсации Договора с ГДР, хотя в действительности этот вопрос был рассмотрен Верховным Советом немедленно после получения соответствующих документов из президентского аппарата. Здесь была «чья-то режиссура — крепкая, стальная, политармейская», — сетовал Шеварднадзе, так и не понявший до конца сути борьбы, которая шла в парламенте (см. Э. Шеварднадзе. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., «Новости», 1991). К тому же он никак не смог осмыслить, почему парламент довольно прохладно отнесся к сообщению о присуждении Горбачеву Нобелевской премии мира. Ведь Президент вроде бы даже сказал, что эту премию он разделяет с Шеварднадзе. Этот жрец «морали во внешней политике» не удержался и от того, чтобы не возмутиться поведением самого Президента, якобы не защитившего его от нападок Съезда народных депутатов СССР и определившего

заявление своего давнего единомышленника как «политический спектакль».

* * *

Но внешняя политика была лишь одной, скажем прямо не самой главной, частью той работы, которую вел Верховный Совет СССР в последние два года. Главным полем сосредоточения сил союзного парламента оставалось, несомненно, решение вопросов проведения экономической реформы, перехода к регулируемым государством рыночным отношениям, создания обновленного хозяйственного механизма. Это потребовало в сравнительно короткий срок принятия целого блока новых законов: основ законодательства о земле, об аренде, законов о собственности, о предприятиях, о кооперации, об общих началах предпринимательской деятельности, об основных началах разгосударствления, об основах антимонопольного законодательства, об инвестициях и валютном регулировании, о таможенном деле и другие. Среди этих актов следует отдельно отметить принятые в середине 1991 года Основы гражданского законодательства, которые депутаты не без гордости называли «Хартией рыночной экономики».

На глазах у своей страны, в горячих схватках радикалов и консерваторов шло обсуждение не только важнейших законопроектов, но и долгосрочных программ стабилизации экономики и реформирования народного хозяйства.

И надо отдать должное политическому чутью союзных депутатов. Связанные со своими избирателями, остро ощущающие нарастание кризиса и разрушение хозяйственных связей, они делали все возможное для того, чтобы перестройка не ударила по простому человеку, не сказалась столь губительно на каждой трудовой семье. В подавляющем своем большинстве депутаты хорошо понимали необходимость изменений, утверждения разнообразных форм собственности, преодоления уравниловки и голого администрирования. Но не менее твердо они стояли за то, чтобы программы построения обновленной экономики не обернулись массовым обнищанием народа и обогащением кучки новоявленных бизнесменов. Достаточно взять парламентские стенограммы того времени, чтобы увидеть насколько пророческими оказались выступления многих депутатов, довольно далеких от каких бы то ни было политических пристрастий.

Верховный Совет СССР, по сути дела, оставался последним

редутом, отстаивавшим реализм в экономической политике, недопустимость крутой ломки общественного организма в угоду политическим амбициям и схемам, навязываемым социалистической экономике. Это буквально бесило сторонников быстрой капитализации страны. И, скажу прямо, быть арбитром на этом политическом ринге иногда было просто невыносимо.

Особенно острая и жесткая борьба шла в союзном парламенте при разработке мер социальной защиты населения, удовлетворения самых насущных потребностей человека, охраны его прав. Напомню некоторые из законов и решений Верховного Совета СССР по этим вопросам, на которые особенно остро реагировали миллионы людей. Это законы о пенсиях граждан и военнослужащих, об изменениях в законодательстве о труде, о порядке разрешения индивидуальных трудовых споров, об общих началах государственной молодежной политики, о защите прав потребителей, об индексации доходов населения, о помощи инвалидам и жертвам Чернобыля. Не говоря уже о том, сколько времени и сил было отдано разработке нормативных актов, гарантирующих политические права человека. Среди них — законы о гражданстве, о недопустимости ограничения национальных прав людей, о печати, об общественных объединениях, о правах профсоюзов, о свободе совести, о въезде и выезде из страны.

Перелистывая сегодня стенограммы Верховного Совета СССР, не устаешь удивляться выдержке и напору депутатов, их стремлению защитить честного труженика от произвола нарождающегося клана предпринимателей. В этом сказывался сам социальный состав Верховного Совета СССР, наличие в нем людей, пришедших с заводов и фабрик, из сельского хозяйства и сферы обслуживания. И здесь слово рабочего П.П. Кустарева или экскаваторщика Т.К. Пупкевича, токаря А.М. Крышкина или колхозницы О.П. Яровой, шахтера АЛ. Царевского или текстильщицы Л.В. Афанасьевой, бульдозериста И.А. Ждакаева, или учительницы И.А. Крюченковой было, что называется, «томов премногих тяжелей».

* * *

Да, говорят критики бывшего союзного парламента, законов было принято в то время много. Но ведь все они шли вхолостую, иногда не работали ни одного часа. Этот тезис до сих пор не сходит со страниц наших далеко не беспристрастных газет. Но так ли это? Ведь если присмотреться попристальнее, то нельзя

будет не признать, что немало союзных законов работало и работало на полную мощность. Разве не действовали, скажем, законы о предприятиях и о кооперации? Разве не работали законодательные акты, касающиеся профсоюзов, общественных организаций, религиозных общин, помощи пенсионерам и инвалидам? Работали, конечно, подкреплялись ассигнованиями, помогали людям. Но кое-кому из наших «либерал-демократов» и по сей день до этого нет никакого дела. Их газеты продолжают по инерции твердить свое, не забывая при этом пользоваться принятым тогда законом о печати, и старательно обходя его при наступлении на действительно демократические народные газеты.

Вместе с тем, правда и то, что немало союзных законов требовали создания гораздо более надежного механизма их проведения в жизнь. Многие из них должны были конкретизироваться в республиканском законодательстве. Например, на базе союзных Основ земельного законодательства было разработано и принято около тридцати республиканских законов. Но так было далеко не везде. К тому времени начала тлеть, а потом разгоралась все жарче и жарче пресловутая «война законов», фактически парализовавшая правопорядок в стране. Повинны здесь были и Союз, и республики. Казалось, всем была ясна пагубность такой войны, но война эта не утихала, а наоборот, дополнялась войной бюджетов, банков, прокуратур и, особенно, президентских амбиций, буквально с каждым днем все слабее становилась система органов, ответственных за исполнение законов. Иногда казалось, что страна мчится под уклон на автомашине, в которой вообще не работает сцепление. Все это было причинами того зияющего кризиса законности, в который мы незаметно вползли и уже не смогли из него выбраться.

* * *

Отдельно надо сказать о том, как складывались отношения Верховного Совета СССР с правительством и другими органами управления. Ведь, откровенно говоря, классического разделения властей у нас в те годы не было, да и вообще, вряд ли оно могло быть в стране, где прочно укоренились традиции объединения в Советах и законотворчества, и исполнения законов, и направления работы нижестоящих органов власти.

В то же время распорядительная деятельность Верховного Совета СССР, который нередко брался за рассмотрение

управленческих вопросов, не могла и не должна была заменять работу правительства по руководству народным хозяйством и другими сферами жизнистраны. С учетом этого и строились наши отношения с председателем Совета Министров, его заместителями и министрами. И хотя руководящие деятели правительства нередко жаловались на то, что они вынуждены слишком много времени проводить в парламенте, Николай Иванович Рыжков и я в целом хорошо понимали друг друга.

Опытный производственник, пришедший с «Уралмаша» и вкусивший все сложности госплановской, а затем и цековской работы, Н.И. Рыжков разбирался в вопросах экономики. Конечно, он не мог сравниться с Косыгиным, который был в буквальном смысле энциклопедией решения хозяйственных проблем, но и вопросы, обрушившиеся на Рыжкова, оказались не менее, а наверняка более тяжелыми, чем те, что стояли перед Косыгиным. Там была в общем-то накатанная дорога централизованных партийно-государственных методов управления. Здесь же предстояло вступить на совершенно неизведанный путь создания новых механизмов, самонастраивающейся хозяйственной системы при разумном государственном регулировании.

Судьба свела нас с Николаем Ивановичем Рыжковым в начале 1983 года, вскоре после того, как по предложению Ю.В. Андропова Рыжков стал секретарем ЦК КПСС. Юрий Владимирович довольно часто, минуя Черненко и Боголюбова, поручал мне подойти к Рыжкову в связи с юридическим оформлением тех или иных экономических решений. В то время по заданию Андропова именно Н.И. Рыжков, В.И. Долгих и М.С. Горбачев вплотную занимались в ЦК КПСС анализом экономического положения страны, поскольку опираться на заскорузлый правительственный аппарат, возглавлявшийся тогда И.А. Тихоновым, в этом деле было довольно трудно.

Николай Иванович Рыжков — человек конкретного мышления. На любую сложную экономическую проблему он смотрел как бы снизу — через призму крупного предприятия. Но чем дальше вникал в общие вопросы экономики этот в целом сдержанный и немногословный и проницательный человек, тем более точными становились его оценки. Назначенный в 1985 году главой правительства, Рыжков довольно быстро подобрал себе помощников, хорошо владеющих экономическим анализом. Его альянс с академиком Л.И. Абалкиным, рядом других экономистов и хозяйственников стал постепенно выдавать на-гора все более весомые народно-хозяйственные решения. И сколько бы ни силились нынешние «прорабы капитализма» присвоить себе идеи перехода к рынку, на общегосударственном уровне именно

Рыжкову принадлежало первое слово во внедрении регулируемых государством рыночных отношений, конкуренции и борьбы против монополизма.

Конечно, программа, представлявшаяся Рыжковым, была достаточно умеренной. Она исходила из того, что вступление в рынок может быть только постепенным. Нельзя было не видеть, что в стране еще не было инфраструктуры рынка. Постоянно давала себя знать огромная сила привычки к плановому распределению ресурсов и централизованному управлению, глубоко укоренившаяся психология потребительства и уравнительности. Выработанные правительством Н.И. Рыжкова в мае 1990 года меры по переходу к рынку, включающие реформирование цен и в том числе повышение цен на хлеб, вызвали бурю в Верховном Совете. Даже эти умеренно-радикальные шаги не были сразу поняты многими депутатами, насквозь пропитанными популистскими настроениями безоглядной защиты интересов своих избирателей. Либеральный же блок и в первую очередь Межрегиональная депутатская группа воспользовалась этой программой для того, чтобы дискредитировать и свалить только что образованное правительство. Поднимается невероятный шум о «наступлении на интересы народа», о «шоке без терапии» и т. д. После острейшей дискуссии правительству было поручено, к сентябрю 1990 года, представить доработанный комплексный план перестройки экономического механизма на основе внедрения рыночных отношений и всемерной защиты населения от неизбежных трудностей переходного периода.

* * *

Став в марте 1990 года президентом страны, Горбачев уже в скором времени начал пробовать себя в роли арбитра между правительством и Верховным Советом. При этом он умело играл на естественно возникающей напряженности между законодательной и исполнительной властью, поддерживая то ту, то другую сторону. К счастью мы с Николаем Ивановичем Рыжковым хорошо это видели и понимали. В конце мая 1990 г. на образованном тогда Президентском совете СССР, в заседаниях которого мне приходилось участвовать, группа ученых во главе с С.С. Шаталиным дает бой экономической программе правительства. Дело доходит до прямых оскорблений взрывным и самоуверенным Шаталиным обычно выдержанного и спокойного Ю.Д. Маслюкова. Усилиями Е.М. Примакова из сообщения о

заседании Президентского совета было снято упоминание об одобрении правительственной программы.

В конце июля Горбачев получает через своего помощника Петракова письмо Григория Явлинского, в котором тот предлагал разработать новую правительственную программу экономических реформ, которая, как теперь стало известно, была разработана так называемой Гарвардской школой в Соединенных Штатах. Вопрос о поддержке этой программы перехода к рынку был согласован Горбачевым с Ельциным и Силаевым. Скрепя сердце, с этим предложением вынужден был согласиться Н.И. Рыжков.

Опираясь на это согласие, Горбачев поручил Шаталину, Явлинскому, Петракову, Абалкину и ряду других ученых-экономистов подготовить соответствующий документ, получивший затем название «программы 500 дней». Суть этой программы выработанной коллективом экономистов, ориентировавшихся на рекомендации Международного валютного фонда и Гарвардской экономической школы, сводилась к безоговорочной либерализации цен, установлению экономического союза республик и в целом к отказу от существующей социалистической модели. С.С. Шаталин не скрывал этого. Он с гордостью заявлял, что и американской профессуре, и американским бизнесменам, и американскому правительству «500 дней» понравились. Хозяева Америки увидели в ней желанную попытку «построить реальную рыночную экономику, новую социально-экономическую и политическую систему».

Естественно, что для союзного правительства такой подход был неприемлем. Оно предлагало гораздо более централизованное, регулируемое государством раскрепощение цен, постепенное разгосударствление предприятий, составляющих экономический костяк советской экономики. Вот почему в начале сентября 1990 года в Верховный Совет СССР были представлены два проекта экономических реформ — правительственный, подготовленный во исполнение поручения парламента, и «проект Шаталина — Явлинского», которому так или иначе симпатизировал Горбачев и который авторы пытались выдать за президентский проект.

Однако Верховный Совет очень быстро распознал в этом недоброе. Уже первые ответы Шаталина на вопросы депутатов показали, что за принятием его программы неизбежно последуют гиперинфляция, падение жизненного уровня основной части населения, а, главное, развал Союза. Совершенно неудовлетворительными были признаны разделы программы, посвященные аграрному сектору, конверсии оборонного

производства, социальной защиты трудящихся.

Но отпор большинства союзных депутатов только подогрел либералов-рыночников. В начале октября в пику союзному парламенту Верховный Совет России по предложению Ельцина практически без обсуждения принимает «программу 500 дней», хотя в других республиках эта программа поддержки не получила.

Полемика в Верховном Совете СССР раскалилась докрасна. Нужен был какой-то выход. В двадцатых числах октября перед заключительным голосованием Горбачев, Рыжков, Шаталин и я еще и еще раз прошли подготовленный проект постановления Верховного Совета, содержавший поручение выработать уточненную программу на базе «президентского» и правительственного проектов. Не хочется передавать, какие выражения применялись на этой встрече и как явственно тогда проступила неприязнь между президентом и главой правительства. Попытки снизить накал этих взаимных атак стоили мне ударов от обеих спорящих сторон.

Верховный совет СССР в конечном итоге поддержал этот компромиссный вариант постановления, в соответствии с которым впоследствии были подготовлены, а затем одобрены основные направления экономической реформы для Союза ССР и республик.

Но кризис продолжался нарастать. Огонь всех своих пушек либерал-демократы и лично Ельцин сосредоточили на Н.И. Рыжкове. Лозунг отставки правительства стал основным лозунгом митингов и забастовок. Рыжков стойко переносил эти удары, но в его речах в парламенте, в еженедельных выступлениях по телевидению все более слышалось справедливое недовольство отсутствием президентской поддержки, несогласие со «слишком гибкой» политикой Горбачева. В свою очередь, президент не раз говорил, что в политике Рыжкова, в его выступлениях он видит слишком много конфронтационных моментов. Находя пути соглашения со своими открытыми противниками, Горбачев не хотел и не умел поддерживать согласие с теми, кто его поддерживал.

* * *

В те дни у нас состоялся резкий и откровенный разговор о будущем. Я сказал Горбачеву: «Если сейчас под давлением оппозиции допустить смещение Рыжкова, то это будет только началом цепной реакции. Следующий удар либералы

сосредоточат на Съезде народных депутатов и союзном парламенте. По главная цель так или иначе все равно будет состоять в том, чтобы убрать президента, который без поддержки Съезда и Верховного Совета не продержится и трех месяцев. Поймите, сказал я, сегодня Рыжков, завтра — председатель парламента, послезавтра — президент. Но дело не в личностях. Сегодня это раскачка союзных структур, завтра их разрушение, а послезавтра — гибель Союза!».

Однако Горбачев оказался глух к этим соображениям. Он избирает свой путь. Для того чтобы освободиться от Н.И. Рыжкова, он решает преобразовать Совет Министров СССР в Кабинет министров, работающий под непосредственным руководством президента. Для того чтобы убрать неугодное лицо, ликвидируется орган, который это лицо возглавляет. Горбачев просто элементарно не просчитал, что в конце этой цепи разрушений союзных структур рано или поздно будет он сам.

О желании заменить Совет Министров Кабинетом Горбачев сказал мне по телефону вечером 16 ноября 1990 года, а Николай Иванович узнал об этом буквально за час до внесения вопроса на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Здесь уже скрывать было нечего. Выступая на сессии, а потом на IV Съезде народных депутатов, Рыжков дает откровенную оценку всем этим шагам президента. Но нервы Николая Ивановича были напряжены до предела. Утром 25 декабря 1990 года мы узнали, что за несколько часов до открытия очередного заседания Съезда Рыжков был увезен в больницу с тяжелейшим инфарктом. То, что не решили политические игры, решила болезнь. Рассказываю об этом столь подробно лишь потому, что все последующие события, к сожалению, с точностью до месяца подтвердили мой начальный прогноз. Цепь роковых шагов М.С. Горбачева была запрограммирована.

* * *

Между тем все больше нарастала и борьба против союзного парламента. В начале 1991 года жесткость критики Верховного Совета СССР достигает огромной силы. Теперь уже она сопровождается и требованиями отставки союзного президента. С таким требованием 19 февраля 1991 года выступил по телевидению Ельцин. В связи с этим Верховный Совет СССР вынужден был на следующий день принять постановление, в котором выступление председателя Верховного Совета России было расценено как открытый призыв к замене законно

избранных высших органов власти СССР, противоречащий Конституции и создающий чрезвычайную ситуацию в стране.

Тут же в газетах появились открытые заявления о том, что с таким парламентом и его руководителем вообще невозможно решить задачи «денационализации» и «десоветизации», которые были объявлены главными целями «демократической оппозиции». Само собой разумеется, это не могло не вызвать встречной волны со стороны патриотически настроенных сил. Они требовали наведения жесткого порядка, восстановления уважения к Конституции СССР и союзным органам, принятия решительных мер для обуздания разгула демократии.

В такой обстановке хрупкого равновесия противостоящих политических сил позиции руководства Верховного Совета СССР, его Президиума находились как бы под двойным обстрелом — «слева» и «справа». Все труднее было удерживать баланс, договариваться с фракциями, представителями различных движений. Но нагнетание страстей продолжалось. Оно отражалось в печати, в острых парламентских дискуссиях, выступлениях политиков. Многие из них открыто стремились столкнуть президента страны с Верховным Советом СССР и его председателем.

В таком противопоставлении позиций и подогревании отношений между президентом и руководством парламента немало преуспело и президентские окружение. Думаю, что именно ему принадлежала идея выдвинуть неподатливого спикера на другую должность и таким образом сделать парламент более сговорчивым и послушным.

В моем календарном дневнике сохранилась запись за 26 апреля 1991 года: «В 12.00 совещание у Горбачева в «Ореховой комнате» (Янаев, Шенин, Болдин, Догужиев и др.) Предложение о выдвижении моей кандидатуры в президенты РСФСР и мой решительный отказ… 1830 — снова у Горбачева. Разговор о попытках вбить клинья между президентом и В.С. Я уйду сам». Короткая эта запись напоминает о многом. Тогда Горбачев при поддержке Болдина и других участников совещания в преддверии выборов первого президента России попытался «нажать» на меня с тем, чтобы я дал согласие на выдвижение своей кандидатуры. Я ответил твердым отказом. Понимая, что речь идет прежде всего о том, чтобы вытеснить меня из союзного парламента, вечером я снова зашел к президенту. Разговор был прямой. Я сказал: «Не надо искать поводов. Эти игры не по мне. Я уйду из Верховного Совета сам, уйду с великим удовольствием потому, что так работать просто невозможно». Более того, выступая на следующий день в телепрограмме «Кто есть кто», я уже на всю

страну заявил, что ни в коем случае не собираюсь выдвигаться на выборах и вообще моя давняя мечта — вернуться на научную работу.

Однако разговоры о противостоянии президенту и спикера не утихали. Они стали проникать в парламент. И снова критика шла с двух сторон. В Верховном Совете председателю ставилось в вину то, что он «растворился в политике президента» и плохо защищает интересы парламента. В свою очередь, люди из президентского окружения, наоборот, считали, что руководитель союзного парламента все дальше отходит от поддержки президента и даже готов «в конституционных формах вообще выступить против президента». Подобное сообщение со ссылкой на одного не назвавшего себя сотрудника президентского аппарата поместила американская газета «Бостон глоб» 1 июня 1991 года.

Поскольку в этом заявлении анонимного деятеля речь шла уже не просто о разнице во мнениях, а о противопоставлении главы государства и руководителя парламента, я вынужден был пойти еще на один разговор с Горбачевым. Показав ему сообщение американской газеты, я сказал, что чувствую, как вокруг меня сгущаются тучи недоброжелательства и в парламенте, и в самом окружении президента. Я снова просил дать согласие на свой уход из Верховного Совета СССР. Президент ответил, что видел американскую публикацию и считает, что на нее не следует обращать внимание.

Но попытки прессы, оппозиционных и других сил углубить отчужденность между парламентом и президентской властью не прекращались. Это послужило поводом для еще одного разговора с президентом в начале июля 1991 года. Теперь я гораздо более решительно настаивал на своем переходе на другую работу, поскольку, добиваясь взаимодействия различных политических сил в парламенте, я в то же время не мог отказаться от своих партийных взглядов и своего понимания роли Верховного Совета СССР и в целом Советов как органов, направляющих и контролирующих все сферы общественной жизни. Никакого вразумительного ответа я тогда снова не получил. Президент, как всегда, от него уклонился.

На деле же речь шла о принципиальнейшем вопросе. Он состоял в том, каким государством является Советский Союз — парламентской или президентской республикой, удовлетворяют ли Советы, как представительные органы власти реальностям нынешней эпохи.

Насколько я понимал позицию большинства союзных депутатов, они прочно стояли за парламентскую республику

советского типа с сильной, но хорошо контролируемой исполнительной властью. Поэтому вплоть до самого своего роспуска после августовских событии Верховный Совет СССР оставался последним на союзном уровне защитником полновластия Советов, развития именно советских, а не привносимых извне, форм осуществления государственной власти.

* * *

Однако нам усиленно старались навязать президентскую форму правления, поставить исполнительную власть над законодательной. Президент получил право законодательной инициативы и право «вето», которое могло быть преодолено двумя третями голосов депутатов Верховного Совета СССР. За президентом было закреплено командование Вооруженными Силами, координация деятельности государственных органов по обеспечению обороны страны, объявление чрезвычайного и военного положения. Но даже эти достаточно большие полномочия, закрепленные за главой государства, и избрание его Съездом народных депутатов не гарантировали от возникновения острых конфликтов между президентом и советским парламентом по поводу дальнейшего развития страны.

Все эти вопросы мне пришлось остро поставить на июльском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС назвав все своими именами. Я тогда прямо сказал, что мы подошли к водоразделу, когда каждый должен определиться: идем ли мы к социализму, либо приоритетом является частная собственность, каким должен быть переход к рынку — стихийным или управляемым, какой мы видим нашу страну в будущем — союзным государством или аморфной конфедерацией с разными законами, банками, таможнями и тысячами беженцев. Наконец пришлось сказать, что превращение М. Горбачева в президента привело ко все более жесткому противостоянию его с Верховным Советом СССР. Тем более, что к этому времени и президентская вертикаль, и Верховный Совет СССР уже оказались перед лицом реального разрушения советского союзного государства.

Несмотря на все усилия союзного центра в течение 1988 и 1989 гг. три союзные республики (Эстония, Латвия и Азербайджан) заявили о своей независимости, а Литва вообще объявила о незаконности своего вхождения в СССР в 1940 году.

Летом 1990 года разгорелся разрушительный процесс, который пресса назвала «парадом суверенитетов». Начало этого

процесса положила Россия, когда на первом Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года была принята «Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации». Эта Декларация установила верховенство Конституции и законов РСФСР на всей территории России, указав, что «действие законов СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами Российской Федерации, приостанавливается республикой на своей территории».

Прошло некоторое время, и многие депутаты российского парламента вынуждены были признать, что именно с принятия этой «Декларации» началось ускоренное разрушение союзного государства в политическом, экономическом и военном отношении. «Первый шаг в этом направлении, — заявляли депутаты, — сделали мы сами на первом Съезде, из благих побуждений приняв решение о государственном суверенитете Российской Федерации… Виноваты мы все. И те наши руководители, которые борьбу против недостатков, а также конкретных политиков, находящихся у власти в Союзе, превратили в борьбу против государства и основ этого государства» (см. «Советскую Россию» от 11 апреля 1992 года).

Так самой большой и мощной республикой страны безответственно был брошен вызов Союзу ССР. За ним последовали декларации о суверенитете Узбекистана, Молдовы, Украины, Белоруссии, Туркмении, Армении, Таджикистана, а затем и автономных республик. Началась война суверенитетов, законов и бюджетов, противостояние президентов, правительств и министерств Союза и республик. Верховный Совет СССР был вынужден ответить на эту войну принятием законов, регулирующих ряд наиболее существенных вопросов национально-государственного строительства. В их числе были законы: «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «Об ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О языках народов СССР», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом республик из состава Союза», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». Начались консультации по выработке первых вариантов нового Союзного договора.

Но силы, противостоящие центру, на этом не успокоились. Ельцин даже подписал указ об уголовном наказании для граждан и должностных лиц, посмевших исполнять союзные законы, не ратифицированные Россией. Так впервые в истории уголовное наказание было установлено не за нарушение, а за соблюдение

законов.

Однако М. Горбачев продолжал политику компромиссов и уступок. На закрытой встрече с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым 30 июля 1991 года он сдал последние позиции Союза, согласившись на одноканальную систему налогообложения и на подписание Союзного (точнее конфедеративного) договора фактически без участия представителей Верховного Совета СССР, как это было предусмотрено в решении Союзного парламента от 12 июля 1991 года, что означало в целом полное игнорирование парламента страны и воли народов СССР.

Вся эта ситуация, содержащая реальную угрозу распада Советского Союза вопреки решению всенародного референдума, и стала главной причиной создания ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению), который был образован группой руководителей страны во главе с вице-президентом Г. Янаевым и премьер-министром В. Павловым.

Часть 2
Август 91-го. «Путч» в защиту Советской власти

Начиная разговор об августовских событиях 1991 года, прежде всего следует отметить, что у ГКЧП были правовые предпосылки. Фактически Комитет по чрезвычайному положению под руководством Янаева был создан самим Горбачевым еще 28 марта 1991 года. Вспоминая об этом, бывший первый секретарь Московского горкома КПСС Ю. Прокофьев пишет, что на совещании, проходившем в так называемой Ореховой комнате в Кремле, президент впервые высказал мысль о введении чрезвычайного положения в стране. «На этом совещании Горбачев создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева. В комиссию входили все будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек — Тизякова и Стародубцева. Это были Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Павлов, Шенин и Болдин. Мы по поручению Горбачева после совещания перешли в кабинет Янаева и там договорились, что сотрудники Крючкова (председателя КГБ), Пуго (руководителя МВД) и Болдина (руководителя аппарата президента) проработают формы введения чрезвычайного положения в стране… Собиралась эта комиссия дважды — у Янаева и Язова. В принципе предложения о том, что вводить чрезвычайное положение в стране с учетом существующей Конституции, с учетом международной практики законов, были проработаны. Группа генералов и офицеров Крючкова из идеологических подразделений даже готовила воззвание к народу, которое в августе было озвучено. Когда проходило совещание у Язова (в Министерстве обороны), возник острый вопрос: Горбачев может вести дело по принципу «вперед-назад», потом остановиться. Кто-то сказал, что тогда придется Янаеву брать руководство страной в свои руки».

О ГКЧП или так называемом августовском «путче», «заговоре» или даже «перевороте», который продолжался всего 72 часа, писалось и до сих пор пишется очень много. Состоялся суд над его участниками. Он признал, что никакого заточения Горбачева на даче в Форосе не было и что у него имелась полная возможность приехать в Москву, чтобы не допустить так называемого путча. Но не таков был Горбачев. Как заметил один из депутатов Тельман Гдлян, Горбачев неплохо обсчитал сложившуюся ситуацию: если побеждает ГКЧП, президент возвращается в Кремль на «красном коне» и использует плоды

победы, если ГКЧП терпит поражение, то, покончив с «путчистами», президент опять же въезжает в Кремль, только теперь на «белом коне», поддержанный Ельциным и «революционными демократами».

Однако ирония судьбы состояла в том, что и «белый конь», и поддержка либерал-демократов оказались для Горбачева горькой иллюзией. Ловкий политический канатоходец просто не учел, что конец каната, на котором он балансировал, уже давно находился в руках тех, кто вообще не желал видеть его на посту главы государства. Г. Бурбулис откровенно говорил, что «для руководящего эшелона российских лидеров, поднятого августовской революцией к власти, искусственность и временность союза с Горбачевым была очевидна с самого начала».

* * *

Август 91-го был лишь эпизодом, важным, существенным, но все же эпизодом в общей канве тех событий, которые развернулись в нашей стране в конце 80-х годов. Только в этом контексте и может быть правильно найдено подлинное место того, что произошло в августе 1991 года.

Начался этот процесс, на мой взгляд, еще за два с лишним года до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, когда Ю. Андропов пришел к выводу о необходимости разработать программу перестройки управления промышленностью, а затем и всем народным хозяйством. Тогда к этой работе (а она проходила у меня на глазах) были привлечены М. Горбачев. Н. Рыжков, В. Долгих, ряд видных представителей науки, производства. Это только потом усилия, предпринимаемые в этом направлении, получат звонкое название «перестройки», потом будет заявлено, что «перестраиваться» должно все общество, каждый коллектив и каждый человек.

Важно здесь другое — с самого начала, и в 1985 году, и три года спустя, это задача означала радикальный сдвиг не за пределами социалистической общественной системы, а в ее рамках. Только так и никак иначе.

Но выдвинутая Коммунистической партией идея о социалистическом характере преобразований начинает постепенно размываться. Все глуше и невнятнее говорит о ней генеральный секретарь ЦК КПСС. Все более властно и угрожающе звучат призывы радикальных «демократов» идти дальше — покончить с «изжившим себя социализмом», объявить главным приоритетом частную собственность и частное

предпринимательство, создать в стране парламентскую и муниципальную системы западного образца, вытравить из сознания народа коллективистскую идеологию и, в целом, «вернуться на дорогу мировой цивилизации».

Как уже говорилось, к началу 1991 года борьба между этими двумя тенденциями, поляризация партий, общественных движений, значительных групп населения достигла предельного накала. Нажим сторонников капитализации общества, именовавших себя демократами и поборниками различных народных фронтов, нарастал с каждым днем. Перед лицом слабо организованной, отвыкшей от серьезной политической борьбы и разрушаемой реформизмом своих лидеров Коммунистической партии сколачивался разнородный, но мощный блок общественных сил, которых объединило одно — неприятие социализма и коммунистов. Под давлением этого блока, спекулировавшего на реальном недовольстве населения и густо сдобренного национализмом, началось постепенное, а затем все более быстрое отступление сторонников социализма и Советской власти, защитников единства Советской федерации, людей, приверженных тому конституционному строю, который существовал в нашей стране.

* * *

Пик этой конфронтации пришелся на конец лета — начало осени 1991 года, и нужен был только повод, только хлопок стартового пистолета, чтобы праворадикальные силы, именующие себя демократами, воспользовались этим и ринулись в бой. Таким поводом и стали события 19–21 августа.

Как известно, в те дни, пытаясь спасти социалистическую ориентацию общества, защитить Конституцию СССР, сохранить Советский Союз от развала и остановить скатывание страны в еще более глубокий кризис, наиболее близкие сподвижники союзного президента, собравшись на одном из загородных объектов КГБ, обсудили сложившуюся ситуацию в связи с намечавшимся на 20 августа подписанием Союзного — а фактически конфедеративного — договора, решили направить к президенту делегацию. Приехав в Крым, эти товарищи (Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников) предложили Горбачеву немедленно ввести в отдельных местностях страны чрезвычайное положение, о котором до этого уже велась речь. Каким был разговор с президентом во второй половине дня 18 августа, мне трудно сказать определенно. Горбачев утверждает, что в случае отказа от

чрезвычайных мер ему предлагалось уйти в отставку. Те же, кто был у него тогда, категорически это отрицают, заявляя, что разговор носил товарищеский, доверительный характер и Горбачев, прощаясь, пожал каждому руку. Но так или иначе — предложение о чрезвычайных мерах президентом принято не было. Однако, отвергнув его, президент, как уже упоминалось, и пальцем не пошевелил, чтобы удержать тех, кто выступал за введение чрезвычайного положения. Оставшись на своей форосской даче, он своим бездействием лишь стимулировал введение этих чрезвычайных мер.

Так начались три августовских дня, связанные с созданием не предусмотренного Конституцией СССР Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), с ничего не дающим стоянием танков в Москве, объявлением здесь комендантского часа и с заявлением о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях страны, которое, кроме Москвы, так больше нигде и не было введено. ГКЧП провел три заседания, принял четыре взбудораживших общество, но так и не выполненных документа, а затем был распущен указом вице-президента страны. Утром 21 августа войска из столицы выводятся, особые меры отменяются, а возвратившийся затем в Кремль президент СССР санкционирует арест членов ГКЧП.

Странный «переворот», не правда ли?

Ну, на самом деле, можно ли считать «заговором» акцию, организаторы которой заранее ставят о ней в известность президента, а тот не предпринимает ни одного шага, чтобы ей воспрепятствовать?

Возможен ли «путч» или «мятеж» при сохранении всех существующих высших и местных органов власти, управления, правосудия и при оставлении за ними всех их полномочий?

Наконец, что это за «государственный переворот», который направлен на защиту, а не на свержение конституционного строя, на укрепление законной власти, на сохранение целостности государства? Знает ли современная история еще один такой «государственный переворот»? Думаю, что нет…

* * *

Но все дело в том, что это была только увертюра, первые аккорды той трагической оперы, которая последовала за 21 августа. Не обращая никакого внимания на действующую Конституцию и законы СССР, под предлогом якобы имевшей место поддержки коммунистами «путчистских заговорщиков»

указами президента России запрещаются КПСС, КП РСФСР и их органы, конфискуется их собственность, закрываются многие газеты, распускаются союзный Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, в довершение всего 8 декабря 1991 г. главы трех республик, встретившись в Беловежской пуще, ликвидируют и само союзное государство, должность союзного президента. Тут уж нет и тени заботы о законности. Переворот как переворот! «Когда мятеж кончается удачей, тогда он называется иначе». Он звонко именуется «победой демократических сил», отмечается манифестациями и фейерверками.

Такова горькая реальность подлинного не августовского, а именно августовско-декабрьского переворота, связанного с переводом страны на рельсы капитализма. И чем дальше мы будем катиться по этим рельсам, тем более отчетливо будет понимать все это общество, каждая семья, каждый нормально мыслящий человек.

Теперь, прочитав более 35 тыс. страниц уголовного дела об августовских событиях, я с еще большей убежденностью могу подтвердить, что это был не «государственный переворот», не «заговор», а отчаянная попытка спасти закрепленный Конституцией СССР общественный строй. Это был не умещающийся в рамки закона ответ на другой, исподволь готовившийся действительный и грозный переворот, состоящий в переводе страны в капиталистическое русло и разрушении советской федерации, многие десятилетия объединявшей народы Советского Союза.

Хочу подчеркнуть особо. Не свертывание реформ, не возвращение к тоталитаризму, не огосударствление всего и вся. Нет, речи об этом не шло, хотя именно так пытаются изобразить «зловещие планы путчистов» многие теле-, радио-и газетные оракулы. Спасти социалистическую ориентацию развития общества, сохранить Союз, не допустить скатывание страны в пучину еще более глубокого кризиса — вот что вытекает из документов ГКЧП, когда их читаешь спокойно и непредвзято.

И примечательно, что наконец даже кое-кто из лидеров «демократов» стал признавать теперь, что «организаторы путча — это люди идеи», что «они думали об интересах страны в своем коммунистическом понимании», а не преследовали какие-то корыстные интересы или цели захвата власти. Ведь практически все рычаги этой власти были у них в руках, захватывать ее было незачем. Они стремились защитить ту власть, которая была закреплена в Конституции СССР. В этой ситуации кричать, что «путчисты» нарушили Конституцию и законы (а такие нарушения

имели место), и в то же время помалкивать о том, как в результате подлинного переворота эта Конституция вообще была разорвана в клочья, был разрушен основанный на ней конституционный строй, по-моему, просто смехотворно, а точнее, кощунственно.

* * *

Теперь многие утверждают, что этот так называемый «путч» был вообще кем-то заранее спланирован внутри страны и за рубежом, чтобы потом все преступления свалить на КПСС, на рядовых коммунистов, мешавших и мешающих новым хозяевам страны капитализировать СССР.

Вынужден сказать, что я и сам до сих пор не могу избавиться от этого впечатления.

В то время мы не раз говорили с союзным президентом об угрозе, которая нависла над страной, об активизации действий оппозиции, всякого рода экстремистских элементов. 3 августа 1991 года, всего за две недели до так называемого «путча» Горбачев на заседании кабинета министров констатировал «наличие в стране чрезвычайной ситуации и необходимости чрезвычайных мер». Причем, как он подчеркивал, «народ поймет это!».

Могли такой вывод сделать президент, не имея достоверной информации? Думаю, что нет. Но в то же время нельзя было не учитывать, что и сама эта информация могла быть сфабрикована и подброшена службам безопасности, которые, как говорится, проглотили ее и «сообщили по инстанции». Газета «Аргументы и факты» (3 января 1992 г.) выдвинула даже версию, что сценарий «путча» был разработан одним из находящихся на свободе сподвижников Горбачева и затем «подброшен Крючкову и компании». Я еще тогда ответил газете, что не люблю оценивать обстановку по сплетням.

Единственно, что следует отметить: уж очень много было тогда разных сил, заинтересованных в том, чтобы разгорелся пусть хоть маленький, хоть не очень кровавый, но путч.

Заинтересованы были «демократы», чтобы немедленно открыть огонь по коммунистическим штабам. «Столкновение было неизбежным. Это понимали и демократы, и консерваторы», — пишет Г. Попов. Недаром у него «задолго до путча» было множество вариантов, сценариев и контрсценариев.

Один из таких сценариев состоял в обвинении ряда членов Политбюро в подготовке к заговору и в сообщении этой «новости»

Горбачеву откуда-то извне. Для этого Попов 20 июня 1991 года отправляется в американское посольство. «Беседуя за чашкой кофе в моей резиденции, — вспоминает посол США в СССР Джек Мэтлок, — Попов, тогда только что избранный мэром Москвы, вдруг решил сообщить мне нечто важное. Для того чтобы его не подслушали по микрофонам КГБ, он написал записку. «Организуется переворот для смещения Горбачева, — говорилось в записке. — Мы должны дать знать Борису Николаевичу». Затем Попов написал имена четырех заговорщиков, которые занимали высокие посты в кабинете Горбачева: Павлова, Крючкова, Язова и Лукьянова. Я мгновенно уведомил об этом Вашингтон по самой надежной линии связи. Вскоре после этого президент Джордж Буш позвонил Горбачеву…»

Таким образом, использовались все варианты, направленные на то, чтобы спровоцировать защитников Советской власти на выступление, которое послужило бы поводом для удара по руководству страны и прежде всего по КПСС.

«ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать», — радостно потирает руки лидер либерал-демократов Г. Попов. (См. «Известия», 21 августа 1992 г.) Он, видимо, прекрасно знал, что заранее отработанный план противодействия «путчистам» под кодовым названием «План Икс» уже лежал в сейфе Белого дома у генерала К. Кобеца. В нем были расписаны все «контрмеры», в частности даже то, «какое предприятие, что должно выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.» (См. «Московский комсомолец», 31 августа 1991 г.)

Немалая заинтересованность в «коммунистическом путче» была и у разного рода движений, в том числе у «Движения демократических реформ» (А. Яковлев, Э. Шеварднадзе и др.). Прогнозы их лидеров, многочисленные заявления «об угрозе справа», демонстративный выход из КПСС — все это нужно было хоть как-то оправдать. Иначе о чем тогда шум? К чему крикливая пропагандистская кампания о том, что консерваторы перетянули президента на свою сторону?

Наконец, как уже отмечалось, пристальный интерес к нашим внутренним событиям проявлялся за рубежом, о чем говорят шедшие оттуда предупреждения и намеки.

Не слишком ли много совпадений — демаршей, планов, вариантов? А цель одна — спровоцировать защитников социализма и Союза ССР, дискредитировать коммунистов, их партийные организации, деятельность которых на предприятиях и учреждениях уже была к тому времени запрещена указом российского президента от 14 июля 1991 г. Вызвать путч,

разгромить его и двигаться дальше в объятия «мировой цивилизации», то бишь под диктат Международного валютного фонда, — вот простая и ясная цель. Черчилль, Джон Фостер Даллес и Маккарти бешено аплодировали бы такому «путчевому повороту», способствующему осуществлению их давней мечты — крушению коммунистической системы путем развала ее изнутри.

Возможно ли это? Да, на мой взгляд, такой вариант возможен. И в 40 томах следственного дела об августовских событиях, и в печати, и в неосторожных восторгах западных политиков можно найти тому подтверждение. Ведь недаром президент СШАДж. Буш после августа 1991 года прямо заявил, что это не только победа демократии, но и «наша победа — победа ЦРУ».

* * *

Мне часто задают вопрос — был ли Горбачев осведомлен о планах введения чрезвычайного положения и почему он так «странно» вел себя в Форосе. Я твердо знаю лишь то, что товарищи, приезжавшие к нему в Форос 18 августа 1991 г., не только внесли президенту предложения о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях, но и поставили его в известность о составе ГКЧП, от имени которого они выступали. Теперь об этом пишут сам президент и его ближайшее окружение.

Другое дело, как реагировал Горбачев на эти предложения и сообщения. Ведь многие могут поставить себя в подобную острую ситуацию. Скажем, находящийся в отпуске директор завода или совхоза, просто глава семьи, узнав, что дома затевается что-то неладное, видимо, не раздумывая бросится к себе на производство, в свой город, село, чтобы разобраться, остудить страсти, предупредить неразумные шаги. А тут речь шла о судьбе целого народа, огромного государства.

Я убежден, что у президента СССР были все возможности не допустить введения чрезвычайного положения, немедленно возвратившись в Москву вместе с теми, кто прилетал к нему в Крым, или, как крайний случай, задержав их в Форосе. Следственные материалы подтверждают это однозначно. Свидетельствует об этом и супруга президента, заявляя, что «если бы президентской охране был дан сигнал, то вся «делегация» была бы немедленно арестована» («Комсомольская правда», 20 декабря 1991 г., № 293). Я даже не ссылаюсь на то, что соотношение числа лиц, приехавших из Москвы, с численностью

форосской охраны президента было по крайней мере один к ста.

Но, видимо, у президента были иные соображения. И недаром в общественном мнении получила поддержку идея о том, что президент, посовещавшись со своими близкими, решил, видимо, выждать, посмотреть, на чьей стороне будет перевес. В психологическом плане, насколько я знаю Горбачева, это на него похоже. Некоторые деятели высказываются по данному поводу гораздо решительнее. Депутат Гдлян, к примеру, полагает, что Горбачев вообще неплохо обсчитал ситуацию: если побеждает ГКЧП, президент возвращается в Кремль на «красном коне» и использует плоды победы; если ГКЧП терпит поражение, то, покончив с «путчистами», президент опять-таки въезжает в Кремль, только теперь на «белом коне», поддержанный «революционными демократами». (См. «Аргументы и факты», № 34, 1991 г.) Ирония судьбы состояла, однако, в том, что и «белый конь», и поддержка «демократов» оказались для Горбачева иллюзорными и временными. Ловкий политический канатоходец просто не учел, что конец каната, на котором он балансировал, уже давно находился в руках тех, кто не желал видеть его на посту главы государства.

И хотя в своей книге «Августовский путч» Горбачев заявляет, что он был арестован, окружен войсками и изолирован, весь вопрос в том, насколько соотносятся эти заявления с фактами, которые приводят люди, бывшие в то время в Форосе или рядом с ним. Ведь следователи допросили всех, кого только могли, от адмирала до посудомойки и паркового рабочего.

И тут вырисовывается несколько иная картина. Средства связи на даче, оказывается, были. Работали радиоприемники, телевизоры, переносные рации, два междугородных телефона. Кроме того, на даче находились президентские автомашины, оснащенные спутниковой связью. Сотрудники охраны звонили по междугородному телефону своим семьям уже вечером 19 августа. «Вы сообщили об этом президенту?» — спросил их следователь. «Да, в тот же вечер сказали ему, что мы звонили женам». — «Как реагировал на это президент?» — спросил их следователь. «На этом наш разговор закончился», — отвечали охранники. «Автомашины на дачу и с дачи двигались, как и прежде; привозили продукты, выезжали люди», — говорит командир взвода ГАИ. «Никакой блокады резиденции со стороны сухопутных и морских пограничников не было. Служба неслась в обычном режиме», — добавляет начальник погранотряда. «Согласно инструкциям, охраняемое лицо для нас, охранников, главнее любого генерала, и если бы Горбачев М. С. решил выйти за пределы объекта, то я и другие охранники не препятствовали

бы ему в этом», — свидетельствует сотрудник службы безопасности. «Если бы была мне команда президента отправить его в Москву, я бы выполнил эту команду. Я же не мог насильно вывозить президента», — заявляет начальник службы Генералов.

Таково мнение участников «форосского заточения». Причем я здесь не открываю каких-то тайн. Почти все эти данные опубликованы в местной и центральной печати.

Была ли это «жесткая изоляция» или «выжидательная самоизоляция», рано или поздно определит суд, думаю, что не в пользу Горбачева.

Пока все чаще раздаются эмоциональные оценки того, что произошло в Форосе в те жаркие августовские дни. Как, скажем, не прислушаться к голосу известного кинорежиссера С. Говорухина, которого многие справедливо считают совестливым поборником правды. «Президент, — считает он, — был парализован, испугался, не действовал, не боролся, то есть вел себя недостаточно мужественно, на мой взгляд. Ведь завтра историки восстановят все диалоги. Кто, кому, что сказал дословно. Какова была интонация. И возникает картина неприглядная. Как мужчина, мне кажется, я бы себя так не вел… Разве таков должен быть авторитет президента, за которого боролся весь народ и которого вызволили? Да нет, конечно. Народ чувствует, его не обманешь»

(«Московская правда», 20 ноября 1991 г.).

* * *

Лидеры «демократов», пресса тех августовских дней да и кое-кто из авторов сегодняшних изданий пытались изобразить меня в роли «духовного отца заговора», Фактов под этими утверждениями никаких. Нет их и в томах уголовного дела.

Ни идеологом, ни инициатором августовских событий я не был. Каких-либо сведений о планах введения чрезвычайного положения и поездки с этим предложениями в Форос к президенту СССР я не имел. К этому выводу пришла и специальная депутатская комиссия, которая была назначена Верховным Советом СССР.

Действительно, прервав отпуск на Валдае, я вернулся в Москву уже после начала событий, когда в Крыму уже состоялась встреча с президентом СССР, а связь с ним отсутствовала.

Разделяя тревогу моих товарищей по Политбюро ЦК за судьбу страны, понимая, как и они, недопустимость развала Советского Союза и власти Советов, я в то же время не считал и

сейчас не считаю, что введение чрезвычайного положения тогда было абсолютно оправданным. Об этом я прямо говорил участникам совещания, проходившего в кабинете премьер-министра поздно вечером 18 августа. Ряд товарищей, бывших на этой встрече, почти дословно воспроизводят в материалах дела то, что я тогда говорил.

Будучи председателем Верховного Совета СССР (а его власть сохранялась полностью и никто на нее не покушался), я, естественно, отказался входить в состав такого чрезвычайного, не предусмотренного Конституцией органа, каким был ГКЧП, объявленный центром «заговора».

Но все дело в том, что такого «заговора» просто не было. Никто, насколько я понимаю, не собирался смещать союзного президента, лишать его власти и покушаться на его жизнь. Речь шла лишь о том, чтобы в условиях крайней необходимости побудить главу государства использовать его конституционные полномочия для наведения элементарного порядка в стране, предотвращения развала нашего Союзного государства, скатывания общества в пучину губительного, непредсказуемо глубокого кризиса.

Поэтому при всем критическом отношении к себе виновным в августовских событиях я себя не считал и не считаю.

Скажу только, что тогда, в те три августовских дня, все было гораздо сложнее, чем представляется теперь. Реакция в республиках на события в Москве была далеко не однозначной. Разноречивая информация поступала с мест. Депутатам, да и мне самому многое было непонятно, в том числе и позиция президента. В той обстановке принимать быстрые и выверенные решения было очень очень трудно.

И если я сегодня виню себя в чем-то, так это прежде всего в том, что недостаточно упорно и твердо отстаивал единство нашей федерации, линию на сохранение Союза ССР. К этому обязывали ясно выраженная на референдуме воля народа, решения Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. Гораздо более стойко и последовательно надо было защищать советскую форму народовластия, приоритет представительных органов власти, бороться против покушений на их полновластие, пресекать попытки ограничить активность депутатов, не считаться с их независимостью и неприкосновенностью. Думаю, что я виноват и в том, что не сразу разобрался во всей глубине предательства тех политических лидеров, которые отказались от социалистических целей перестройки, предали забвению интересы миллионов людей, потеряли ответственность за судьбу нашего великого народа и государства.

Во всем этом моя трагедия. И здесь, как говорится. из песни слова не выкинешь.

* * *

Многие задают мне вопрос, почему тогда не была немедленно созвана чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР.

По закону внеочередная сессия Верховного Совета должна была быть созвана не позднее семи дней со времени поступления предложения о ее созыве, а решение о созыве такой сессии должно было публиковаться не позднее чем за три дня до ее открытия. Теперь проследим, как действовал в этой ситуации я.

Прежде всего буквально через три часа после объявления по радио о введении чрезвычайного положения я подписал постановление о созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР, а перед этим — телеграмму о вызове в Москву членов Президиума Верховного Совета. Одновременно мною было дано поручение комитетам парламента проработать и представить Верховному Совету заключение по документам, связанным с установлением режима чрезвычайного положения. Этого требовала Конституция СССР. Ни малейшего отступления от ее требований не было.

Самый минимальный срок, в который депутаты со всех концов страны могут съехаться в Москву, — не менее четырех с половиной дней. А тут еще приходилось учитывать, что многие из них были в это время в отпусках, находились на отдыхе или лечении. Все это и предопределило дату начала созыва сессии — 26 августа, а заседания Президиума Верховного Совета — 21 августа. Скажу сразу, что даже на заседания Президиума и комитетов к 21 августа не смогли вовремя приехать многие депутаты.

Конечно, обстановка диктовала особую срочность. Всем депутатам были посланы экстренные телеграммы, организовано оповещение по телефону. Уже днем 19 августа решение о созыве сессии было передано по радио, а затем — по телевидению. Кстати, когда 22 августа состоялось второе заседание Президиума Верховного Совета, которое вел Р. Нишанов, на нем вносились предложения начать сессию раньше — в субботу 24 августа. Однако после обмена мнениями Президиум все же оставил в силе прежнее решение.

Кое-кто из журналистов, правда, пытался доказать, будто Лукьянов тянул с открытием сессии, чтобы собрать две трети депутатов, необходимых для «санкционирования парламентом

документов ГКЧП». Это заблуждение. Согласно регламенту Верховного Совета СССР, без наличия двух третей общего числа депутатов каждой из палат я просто не имел права открыть сессию, она была бы неправомочной. Что же касается домыслов о моем «желании обязательно узаконить чрезвычайное положение», то для этого, согласно Конституции, потребовалось бы гораздо большее, чем две трети, число присутствующих депутатов. Такова фактическая сторона дела.

Но картина будет неполной, если не сказать об обстановке, в которой все это происходило. Немедленного созыва сессии Верховного Совета СССР добивались как раз члены ГКЧП, рассчитывая быстро получить поддержку своих решений. В ответ на вопрос одного из корреспондентов о том, что было бы, соберись сессия 19 августа, депутат С. Белозерцев не раздумывая заявил: «Я совершенно уверен: если бы депутаты собрались, тут же бы дали добро на чрезвычайное положение» («Огонек», 1991, № 41, стр. 20).

Уверенность эта была чрезмерной. Мои беседы с депутатами в те дни показывали, что многие из них находились в растерянности, не ориентировались в обстановке, задавали массу недоуменных вопросов. Раздавались голоса, что сессию в такой обстановке проводить вообще нельзя, что на ней обязательно должен присутствовать президент, что совершенно необходимо предварительно убрать из Кремля размещенные там воинские подразделения, разобраться во всем основательно, охладить страсти. Выступая от имени «Движения демократических реформ», Э. Шеварднадзе заявил: «Парламент не может принимать ответственные решения под дулами танковых орудий и автоматов» (Э. Шеварднадзе. Мой выбор, 1991, стр. 360).

Всего этого я не мог не учитывать, готовя сессию. Опрометчивость в условиях противоречивости информации о позициях республик, о положении на местах могла привести к принятию решений, которые дорого обошлись бы стране. Поименное голосование депутатов при любом решении Верховного Совета поставило бы сотни депутатов под угрозу последующих гонений как с одной, так и с другой стороны в зависимости от того, чья позиция возобладает. Чего бы ни стоило это мне в личном плане, такой ситуации я допустить не мог. Тем более что я прекрасно знал настроения тех сил, которые во что бы то ни стало хотели дискредитировать Верховный Совет СССР, а затем разогнать его под предлогом поддержки «путчистов». К великому сожалению, эти мои опасения полностью подтвердились. Но перед депутатами, людьми, с которыми я проработал вместе больше двух лет, моя совесть чиста.

Уже 21 августа, еще до возвращения Горбачева из Крыма, Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, которым признал незаконным фактическое отстранение президента от исполнения его обязанностей и потребовал от вице-президента отмены указов и основанных на них постановлений о чрезвычайном положении. Надо отдать должное Г. Янаеву. Уже через час после заседания Президиума вечером 21 августа он подписал Указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения недействительными. Собравшаяся затем сессия союзного парламента, как известно, подтвердила позицию Президиума Верховного Совета и передала вопросы, связанные с августовскими событиями, на окончательное рассмотрение V (внеочередного) съезда народных депутатов СССР.

* * *

А был ли штурм Белого дома? О так называемом «штурме Белого дома» я впервые услышал от главы правительства России И. Силаева, который позвонил мне по телефону где-то около четырех часов дня 20 августа и сказал, что, по имеющимся у него сведениям, полученным из нескольких достоверных источников, ночью войска будут штурмовать Дом Советов РСФСР, и просил меня во что бы то ни стало предотвратить штурм. Я тут же позвонил руководителям министерств обороны, внутренних дел и КГБ. Каждый из них ответил, что ни о каком штурме речи не идет, хотя в Белом доме и вокруг него немало людей, имеющих на руках оружие, полученное у московской милиции, частного агентства «Алекс» и из некоторых других источников, а это опасно, могут быть любые провокации. Ведь вокруг Белого дома много народа.

Поэтому, когда после шести часов вечера мне о якобы готовящемся штурме Белого дома позвонили Р. Хасбулатов и полковник Н. Столяров из приемной А. Руцкого, я уверенно сказал им, что по заверениям, полученным мной от военных, никакого штурма быть не должно, и просил передать это Ельцину и Силаеву. Кстати, этот мой разговор со спикером российского парламента происходил в присутствии одиннадцати членов межрегиональной депутатской группы, с которыми мы тогда беседовали о предстоящей сессии. Позже вечером я перезвонил Язову, Крючкову, а потом и Янаеву. Все они однозначно и твердо заявили, что никаких указаний и приказов по этому поводу не давалось.

Вот все, что я знал о так называемом «штурме Белого дома» в те дни. Позднее, знакомясь с материалами дела об августовских событиях, мне пришлось прочитать горы свидетельств и документов, посвященных этому «штурму». Очень много сообщалось о нем в газетах и по телевидению. Появились даже мемуары «защитников Белого дома», а число этих защитников возросло после тех дней в десятки раз. Следственные материалы дают основания сказать, что намерения обезопасить обстановку вокруг Белого дома все-таки были, но они так и остались намерениями. Военные прекрасно понимали, что никакого кровопролития допустить нельзя, и очень жаль, что кровь все же пролилась. Ничем нельзя оправдать гибель трех парней на Садовом кольце. Это трагедия, которой, к сожалению, так кощунственно воспользовались либерал-демократы.

Но с другой стороны, стали проясняться и некоторые подробности, проливающие свет на то, что в действительности происходило тогда вокруг Дома Советов РСФСР. Скажем, зачем было от имени президента России призывать москвичей выйти на защиту Белого дома, когда еще рано утром 19 августа Б. Ельцин получил гарантии от командующего воздушно-десантными войсками, что он обеспечит надежную защиту резиденции правительства и президента РСФСР лично. Знали об этом и Руцкой, и Силаев, и генерал Кобец. Последний, по его словам, «по нескольку часов не отрывал трубку от уха», получая подробнейшие сведения обо всех перемещениях войск на территории Москвы.

И все же призывы «спасти Белый дом от нападения хунты» звучали, причем все более отчаянно. Строились баррикады, создавались боевые дружины, горели костры. Все это было очень похоже на зимние баррикады вокруг литовского, латвийского и эстонского парламентов. Казалось, сценарий писался рукой одного и того же изощренного драматурга.

Даже тогда, когда, по свидетельству одного из журналистов, в девять часов вечера было объявлено, что Ельцин звонил коменданту Москвы, который заверил его, что никакого приказа о штурме нет и штурма не будет, даже тогда отряд из двухсот добровольцев направился на пересечение Садового кольца и Калининского проспекта. Там их уже ждали баррикады из троллейбусов и поливочных машин, бутылки с зажигательной смесью, завезенные кем-то заранее бетонные плиты и арматура, которые потом будут сброшены на патрульные бронетранспортеры, двигавшиеся по Садовому кольцу к Смоленской площади, то есть туда, где в конце концов и пролилась кровь.

Кто все это организовал? Кому нужно было столкновение с уже уходящими из Москвы войсками? Либерал-демократы об этом молчат. И здесь нет ничего удивительного. «Штурм» Белого дома, жаркие речи на митингах, баррикады и заграждения на Краснопресненской набережной и Садовом кольце должны были остаться в эпосе «победы демократических сил». А выяснение деталей могло испортить эту героическую картину, если вообще не смазать ее. Так что живет и никак не может уйти из нашей политики завещание Макиавелли: «Мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии»…

* * *

Как известно, через несколько месяцев после августовских событий в печати промелькнуло интервью генерального прокурора Степанкова о том, что в дни «штурма» готовилась бомбардировка Кремля.

Я сначала даже не очень поверил в то, что генеральный прокурор России выдал эту «следственную тайну». Если бы она касалась «злодеяний так называемых путчистов», то куда ни шло. Но тут ведь речь шла о намерениях, которые вынашивали люди, действовавшие вместе с «демократами». Причем прокурор проговорился о совершенно реальном, никем не оспариваемом факте.

Действительно, об этом свидетельствует один из самых близких президенту России людей, приезжавших вечером 20 августа в штаб воздушно-десантных войск к генералу Грачеву. Он сообщает, что на следующий день, когда они вновь встретились с генералом, уже в более спокойной обстановке, Грачев рассказал, что у него была договоренность с Шапошниковым о том, что если не будет другого выхода, то «для того чтобы отвлечь силы путчистов от Белого дома, будет дана команда двумя самолетами бомбить Кремль, где находятся члены ГКЧП». Хотя сразу замечу, что никого из членов ГКЧП, насколько я знаю, в ту ночь в Кремле вообще не было. Однако дело вовсе не в этом. Вспомните, сколько писалось и говорилось о варварстве тех, кто посмел обстрелять Кремль в ноябре 1917 года. Люди, посягнувшие на эту российскую святыню, были буквально прокляты нашей интеллигенцией, деятелями культуры.

А когда кому-то из ближайшего окружения Сталина вздумалось снести храм Василия Блаженного на Красной

площади, великий наш архитектор Петр Дмитриевич Барановский твердо заявил правительству, что это варварство может быть совершено только через его труп. И отступили власти перед решимостью истинно русского человека и патриота.

А тут через пять десятилетий планируется средствами современной боевой авиации, лишь для того «чтобы отвлечь силы путчистов», обрушить бомбовый, а возможно, и ракетный удар по кремлевским дворцам и храмам! И ни единого слова, ни одного звука не слышно от «идейных отцов нации», от ее духовных пастырей! Они будто в рот воды набрали.

Неужели так меняются времена и вместе с ними люди? Неужели борьба за власть не имеет моральных, этических и просто человеческих берегов? Скажу откровенно, эта молчаливая «реакция» на информацию о намерении бомбить Кремль расстроила меня больше, чем тысячи проклятий, которые обрушивали на «гэкачепистов» проправительственные газеты, радио и телевидение…

* * *

Вопрос о возможности победы ГКЧП весьма гипотетический. Он задавался мне сразу двумя зарубежными газетами — американской и итальянской. Ответить на него и легко, и трудно. Если исходить из документов, опубликованных ГКЧП, то ясно, что не могло произойти изменения советского общественно-политического строя. Не был бы разрушен Союз ССР и утрачен наш стратегический паритет с Западом. По всей видимости, был бы предпринят ряд твердых мер по прекращению межнациональных конфликтов, стабилизации экономики и постепенному внедрению рыночных отношений, регулируемых государством. Жесткими были бы, вероятно, меры по обузданию коррупции и преступности. В то же время высокая политизация населения, думаю, не позволила бы ограничить завоеванные демократические свободы. Словом, возврата к прошлому, к авторитарным методам правления быть не могло.

Вот почему все более растет число людей, которые считают, что ГКЧП смог бы навести долгожданный порядок и надежнее защитить их интересы. Показательны в этом отношении опубликованные в августе 1992 года (через год после событий) данные независимой социологической службы. Они говорят о том, что если в 1991 году более двух третей опрошенных считали, что с приходом ГКЧП их жизнь ухудшилась бы, то в 1992 году число таких лиц составило всего 32 % и в последующем

уменьшилось еще наполовину.

И это неудивительно. Ведь если сегодня перечитать обращение ГКЧП к советскому народу, то станет ясно: все, о чем предупреждали его авторы, как говорится, «один к одному» совпадает с тем, что происходит теперь с нашей страной и обществом, что ощущает каждая семья и каждый человек.

Конечно, данные любых социологических опросов весьма относительны, хотя столь же проблематична и сама мысль о возможности победы ГКЧП. Проблематична уже потому, что был допущен явный просчет в оценке соотношения сил и настроений народа, возможностей поддержки им действий ГКЧП. Национал-сепаратистские, прокапиталистические силы и обслуживающие их средства информации занимали преобладающие позиции. Нельзя было не считаться с демократизацией широких слоев населения, молодежи, научно-технической интеллигенции и с их неприятием всякого рода чрезвычайных мер. Поэтому обреченность инициаторов введения чрезвычайного положения была очевидна.

Еще раз повторяю: моя позиция по сохранению Советской власти и союзного государства полностью совпадала и совпадает с тем, что заявляли мои товарищи по Центральному Комитету КПСС. Уверен, что попытка ввести чрезвычайное положение была актом отчаяния, последним рывком для того, чтобы спасти страну от распада и национальной катастрофы, положить конец нынешнему смутному времени.

Но факт остается фактом. Августовские события были, я бы сказал, виртуозно использованы политиками прокапиталистической ориентации, которые поставили перед собой цель не модернизации существующего государственного и общественного строя, а его разрушения. То есть на смену мнимому «путчу», «заговору», «мятежу» пришел фактический, крупномасштабный государственный переворот.

Этот послеавгустовский переворот А. Солженицын назвал «великой Преображенской революцией». Уже 22 августа, когда еще не успел закончиться так называемый путч, в Москве и ряде других мест такой удар был нанесен прежде всего по партийным комитетам. Опечатываются горкомы, райкомы, парткомы на предприятиях, начинается настоящий погром в зданиях ЦК КПСС и Компартии РСФСР. «Крутые парни» от имени «демократов» бьют стекла, срывают вывески, оскорбляют выгоняемых с работы сотрудников партийного аппарата.

Это потом будут взяты под стражу все члены ГКЧП, отправлено в отставку правительство СССР, заменен командный состав армии, КГБ и МВД. Потом начнется охота и доносительство на всех подозреваемых в поддержке «путчистов».

Это потом появятся указы Президента России о запрещении деятельности организованных структур Компартии РСФСР и КПСС. Все это будет потом. А пока главная цель была в одном — немедленно сломать хребет партии коммунистов, изобразив ее зачинщиком и организатором августовских событий. Уже 22 августа 1991 г. тогдашний мэр столицы громогласно объявляет, что «причастность КПСС к перевороту несомненна» и что надо срочно закрыть все партийные комитеты, распустить все партийные организации.

Таким образом, разгром Коммунистической партии, устранение ее с политической арены, как показывают бесспорные факты, было первейшей и наиважнейшей задачей переворота, в результате которого радикальные «демократы» пришли к власти. Они отлично понимали, что цели капитализации страны могут быть достигнуты только при условии, если будет разрушена и парализована та организация, которая является главным носителем социалистической идеи.

* * *

Оказалась ли партия способной противостоять такому нажиму сил, выступающих под флагами «демократической революции»? Ответ будет самый неутешительный. Коммунистическая партия к этому готова не была. Она оказалась дезориентированной и идейно разоруженной.

Причин тут можно назвать несколько. Первая из них, несомненно, в том, что перемены в жизни партии, ее приспособление к работе в новых условиях после внесения изменений в статью 6 Конституции СССР шли слишком медленно. Отказ от старых привычек, от сложившихся за десятилетия стереотипов, связанных с руководящей ролью партии в обществе, оказался делом очень непростым, требующим и мужества, и твердости, а главное повседневного внимания к мнениям и настроениям партийных «низов». А разброд и шатания в многомиллионной армии коммунистов были очень велики. Скажем, в Верховном Совете СССР работали депутаты-коммунисты, входившие в партийную группу коммунистов, другие коммунисты входили в группу центристов и, наконец, были коммунисты, являвшиеся членами Межрегиональной депутатской группы либо различных национальных (порой откровенно сепаратистских) групп и блоков. Такую же картину можно было наблюдать на местах. Партийные «верхи» зачастую оказывались глухими к идущим внизу процессам брожения.

Авторитет партии в народе падал с каждым днем.

Вторая причина была связана с резким снижением уровня организации всей партийной работы. Уже в 1989 году после XIX партконференции фактически перестает действовать Секретариат ЦК КПСС, который раньше откликался на все существенные события в стране, оперативно определял позицию партии. На XXVIII съезде КПСС партия и ее Политбюро приобретают по существу федеративную структуру. Серьезно нарушается принцип демократического централизма. Первичные партийные организации и местные партийные комитеты начинают действовать вразнобой именно тогда, когда требовалась наибольшая сплоченность коммунистов, особенно в связи с выборами в Советы, выступлениями национал-сепаратистов, необходимостью защиты трудящихся от бедствий нарастающего кризиса. Увеличивается разрыв между партией как массовой политической организацией и руководящими структурами ее центрального и местного аппарата. Министр юстиции России Н. Федоров, выступая в ноябре 1992 года в Конституционном суде, объяснял это тем, что партия «вышла из подчинения своего руководства». На деле же все обстояло с точностью наоборот: определенная часть руководства партии начала вести политику, противоречащую воле и настроениям партийного большинства, в том числе и большинства в ее Центральном Комитете.

Вот почему третьей причиной кризиса партии, ослабления ее влияния на жизнь общества и государства со всей определенностью нужно назвать оппортунистическую отступническую позицию Горбачева, Яковлева и некоторых других членов Политбюро. Как ни парадоксально, но многомиллионная партия, находившаяся в мучительных поисках своего места в обществе в условиях многопартийности, оказалась обременительной для ее генерального секретаря. Он и сам подтверждал это, не раз заявляя, что «не может работать с таким Центральным Комитетом». Показательно в этом отношении одно из интервью М. Горбачева уже в бытность его экс-президентом. В нем он откровенно признался, что до последнего момента сохранял за собой пост генсека прежде всего для того, чтобы сдерживать партию, не давая ей возможности «идти по проторенному пути»…

Конечно, можно было бы назвать другие факторы, подорвавшие Коммунистическую партию Советского Союза и ее роль в политической организации общества. Они, разумеется, были и в сфере идеологической, кадровой работы, и в отношениях партии с органами государства, и во взаимодействии с массовыми общественными организациями, но три момента,

названные выше, думается, играли все же главенствующую роль. Их разрушительное влияние на жизнь партии как раз и создало плацдарм для победы антисоциалистических и национал-сепаратистских сил, для втягивания страны в глубочайший за всю ее послеоктябрьскую историю кризис. Именно в этой трагедии партии и заключается, на мой взгляд, основная предпосылка того переворота в конституционном строе, который стал горькой реальностью наших дней.

* * *

На меня как из рога изобилия сыплются упреки в том, что, поддерживая коммунистов, я якобы стою за возвращение тоталитарных порядков, защищаю КПСС от «справедливого суда истории», разоблачаю всякого рода отступников, двурушников и перевертышей. В «Независимой газете» по этому поводу помещено даже открытое письмо одной эмоциональной журналистики — бывшего народного депутата СССР. Что ж, принимаю этот вызов как должное. Я был и останусь членом той партии, в которую вступил почти сорок лет назад. Эта партия вырастила меня, укрепила духом и поддерживает в самые трудные дни. Горжусь этой поддержкой и всегда буду в долгу перед коммунистами, верившими в меня и требовавшими достойно нести свою партийную ношу. Положение Председателя Верховного Совета СССР часто заставляло меня «держать дистанцию», сохранять нейтралитет, стараться найти какую-то равнодействующую в жарких спорах парламентских фракций. Наверное, не всегда это удавалось. Но я и тогда не отказывался, как не отказываюсь сегодня, от своих политических убеждений.

Что касается «краха КПСС», то уверен, что по нашей партии рано еще служить заупокойную молитву. Наше поражение временное, коммунистическая партия жива. Очищаясь от оппортунистической, ликвидаторской скверны, она возродится как организация миллионов рабочих, крестьян и интеллигентов, приверженных идеалам социализма, демократии и социальной справедливости в глубоком и полном их понимании.

Надо отметить, что «демократы» всеми возможными средствами добиваются раскола и разобщенности коммунистического и социалистического движения, стараются нив коем случае не дать ему снова глубоко врасти в рабочую и крестьянскую среду, выйти на передовую интеллигенцию, на широкие патриотически настроенные слои населения. Для этого все средства хороши: и заявления предавших партию бывших

коммунистических бонз, и выступления некоторых представителей художественной элиты и духовенства.

Исподволь, но весьма активно используется для этих целей и намеренно разжигаемый «вождизм» руководителей мелких партий социалистической ориентации, «самоедство» лидеров всякого рода гражданских и патриотических фронтов. И тут много зависит от руководителей социалистических движений: либо им хватит политической зрелости побороть свои амбиции и создать широкий антикапиталистический фронт, либо оппозиционные движения, рассеянные по своим мелким окопчикам, окажутся не способны сдержать «танковые армады» антикоммунистов, содержащиеся на средства новой российской буржуазии.

Таково, может быть, несколько прямолинейное, но искреннее мое мнение как политика.

* * *

Ныне, когда все более широкие массы потянулись в лагерь левых сил, они должны увидеть там не конгломерат мелких, иногда враждующих между собой группировок, а сплоченное, целеустремленное ядро бойцов за будущее страны. Вот почему объединение коммунистов, всех сил социалистической ориентации, всех движений, выступающих за восстановление мощной, глубоко демократической, многонациональной Советской державы, мне представляется главнейшей задачей сегодняшнего дня и ближайшего времени.

Эту работу надо вести снизу, начиная с промышленных и сельскохозяйственных предприятий, с укрепления позиций Советов на местах, с решения самых острых задач защиты людей от обнищания, разорения, национального и социального неравенства. Эту работу надо вести во всех бывших советских республиках, шаг за шагом восстанавливая дружбу и сотрудничество наших народов, их стремление к экономическому, научно-техническому, оборонному, а в конечном счете и к государственному единству.

Таким образом, консолидация, а не разобщенность, решимость действовать, а не покорное терпение, коллективизм и товарищество, а не групповой и личный эгоизм. В этом — главный смысл программных заявлений существующих у нас сегодня движений социалистической и патриотической ориентации, зовущих людей, действуя в строго конституционных, демократических рамках, защитить и обновить подлинно

народный общественный и государственный строй.

Здесь многое придется преодолеть — и идейную разноголосицу, и личные амбиции, и сознательное разжигание внутренних противоречий. Но другого пути у нас просто нет. Только сплотившись, можно обеспечить определенное демократическое равновесие и согласие в обществе, погасить кровавые костры межнациональных конфликтов, преодолеть хаос и разруху, восстановить статус мировой советской державы, с которой снова будут уважительно считаться другие народы и государства.

Часть 3
Следствие и суд по делу ГКЧП

Как известно, я был арестован в связи с делом ГКЧП и стал одним из главных обвиняемых. Для меня арест не был неожиданностью. Как уже упоминалось, задолго до августовского кризиса определенные силы видели во мне одно из препятствий для желаемого ими изменения позиций парламента в отношении судьбы Советской Федерации, капитализации страны в решении других вопросов. Бывший союзный президент на встрече в редакции газеты «Известия» прямо заявил, что мое участие в V съезде народных депутатов СССР могло бы серьезно помешать тому, что там произошло. Как известно, тогда в обстановке неприкрытого нажима на депутатов Съезд, являвшийся узловой структурой нашего союзного государства, перестал существовать. Оставаясь последовательным сторонником единства Союза я, конечно, всеми силами сопротивлялся бы роспуску Съезда.

Нетрудно догадаться, что мой арест объяснялся сугубо политическими мотивами. Ведь даже гордящаяся своей беспристрастностью редколлегия газеты «Московские новости» заявила буквально следующее: «Если выпустить сегодня Лукьянова, то это может дать мощный импульс оппозиции» («МН» от 15 марта 1992 г., № 11). Как видно, демократия без оппозиции гораздо больше устраивает эту газету, да и многих из тех, кто за ней стоит.

Добавлю только, что я был арестован, будучи не просто депутатом, а председателем высшего законодательного органа страны, чего вообще не знала и не знает мировая практика. Целую неделю председатель парламента находился в заключении, пока союзный Съезд народных депутатов под давлением президиума, нарушая Конституцию, без тайного голосования и предоставления мне слова освободил меня от должности. Многие государствоведы до сих пор считают это решение юридически несостоятельным.

Вот почему в моем заявлении на имя генерального прокурора Российской Федерации прямо говорится, что возбуждение против меня уголовного дела незаконно и означает не что иное, как расправу с политическим оппонентом, выступавшим за сохранение Союза ССР, его представительных органов власти и советского конституционного строя в целом.

В тюрьме я получил из Волгограда гневное письмо одного ветерана. «Прочитал вашу статью в «Правде», — пишет он. —

Непостижимо, как вы можете защищать этот Верховный Совет, этих депутатов, которые предали вас, поспешно и послушно дав согласие на лишение вас депутатской неприкосновенности».

Что можно ответить на этот справедливый в общем-то вопрос? Думаю, что не надо смешивать мою личную судьбу с судьбой Верховного Совета. Гораздо хуже было бы, если бы репрессии обрушились на сотни депутатов, голосовавших не так, как хотелось доблестным «победителям путчистов». Надо учитывать, какая тогда была обстановка, как нагнеталась атмосфера политической истерии и всеобщего доносительства. В Москве, да и в некоторых других городах, были даже опубликованы номера контактных телефонов, по которым каждый мог сообщить фамилии тех, кого он подозревал в сочувствии гэкачепистам. Одни люди возмущались этим как возвращением к худшим временам 1937 года, другие звонили. Все было. Тут ни убавить, ни прибавить.

Конечно, для меня те дни стали тяжелейшим испытанием. Помнится, мы сидели на сессии рядом с депутатом, ленинградским писателем Даниилом Граниным, и он тихо спросил меня: «Зачем вы пришли на это заседание, Анатолий Иванович, зачем слушаете все эти эпитеты, которые на вас сыплются… «серый кардинал», «Понтий Пилат», «манипулятор», «преступник»? Он вспомнил, что Михаил Зощенко, который вот так же выслушивал все ругательства в свой адрес, в конце концов от этого погиб. Я тогда ответил: «Каждый человек должен уметь смотреть правде в глаза. Все эти годы я слушал и старался понять депутатов. Буду слушать и на этой, видимо, моей последней сессии. Тем более что стыдиться мне нечего». Все видели, как я добивался, чтобы становление нового советского парламента проходило в нормальной обстановке, чтобы он действовал в интересах народа, чтобы депутаты становились политиками, государственными деятелями и учились столкновению умов, а не лбов.

Надо сказать, что другой ленинградец, член союзного Комитета конституционного надзора профессор Юрий Кириллович Толстой, оценил то, что происходило тогда в союзном парламенте, более резко. «Поспешно данная санкция на привлечение Лукьянова к уголовной ответственности, — пишет он, — была одной из самых позорных акций в истории Верховного Совета СССР. Выдать на «поток и разграбление» своего председателя, который делал все, чтобы придать этому форуму цивилизованный облик, мог только орган, не уважающий самого себя» (Ю.К. Толстой. «Страницы жизни», СПБ., 1992, с. 40).

Возможно, Юрий Кириллович прав, но я и сегодня не могу

держать зла на моих товарищей по Верховному Совету. Видимо, не тот характер. Тем более что ко многим депутатам довольно скоро пришло прозрение. Некоторые из них выступили потом в печати, осуждая свой поспешный шаг, другие обратились ко мне в письмах. Кроме того, часть депутатов, собравшихся на запрещенный властями VI съезд народных депутатов СССР, приняли, как известно, специальную резолюцию, в которой признали недействительными принятые под недопустимым давлением постановления о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности меня и других народных депутатов СССР, проходящих по «делу ГКЧП». Разве все это можно сбрасывать со счетов?

Уроки жизни — трудные, но полезные уроки! Особенно когда из них в конце концов делаются правильные выводы.

* * *

Следствие по «делу ГКЧП» тянулось больше года. И хотя прокуратура, вопреки закону, все время пыталась переложить на обвиняемых задачу доказывать свою невиновность, я с самого начала заявил, что виновным себя не считаю и оправдываться мне не в чем. Пусть сначала докажут мою вину те, кто возбудил уголовное дело и необоснованно арестовал меня.

Материалы следствия бесспорно говорят о том, что прокуроры не могли назвать ни одного документа ГКЧП, под которым была бы моя подпись или хотя бы маленькая пометка. Не могло следствие назвать ни одного моего действия, которым нарушались бы Конституция СССР, регламент Верховного Совета либо иной союзный закон. Что же касается моих убеждений, то я их ни от кого не скрывал и не скрываю. Но за убеждения нельзя держать в тюрьме и судить человека.

Однако прокуратуру и ее хозяев это мало смущало. Прокуроры сначала предъявили мне обвинение в «измене Родине». Потом, в конце 1991 года, это обвинение им пришлось официально признать ошибочным. Действительно, нелепо было обвинять человека, защищавшего Союз и Союзную Конституцию, в покушении на суверенитет и территориальную целостность своего Отечества. Поэтому новое обвинение было сформулировано как «заговор с целью захвата власти», хотя такого самостоятельного вида преступления наше законодательство не предусматривало.

Спустя год после августовских событий прокуратура вновь, теперь уже в третий раз, решила изменить свой подход,

вернувшись к обвинению в «измене Родине» и добавив к нему еще разного рода должностные преступления.

Зачем это было сделано? Ответ прост. Понимая, что в суде будет очень трудно доказать, что он имеет дело с покушением на суверенитет, территориальную неприкосновенность и безопасность Союза ССР, незаконно ликвидированного в ходе Беловежского сговора, следствие решило «скруглить» и дополнить формулировки обвинения, по возможности избегая их конкретизации, и таким образом дать суду хоть какие-то альтернативы при оценке августовских событий.

Правда, тут, как и следовало ожидать, прокуратура получила отпор — теперь уже все обвиняемые по так называемому делу об августовском заговоре решительно отвергли ее предложение давать показания следствию. Но как бы там ни было, а читать том за томом искусственно раздутого уголовного дела они были вынуждены.

Это ознакомление с материалами «дела ГКЧП» убедило нас в том, что с развалом Союза ССР юридическая основа обвинений в «августовском путче» становилась еще более шаткой, если не исчезала совсем. Ведь объектом преступления, именуемого «измена Родине», по точному смыслу и букве закона являлось нанесение ущерба суверенитету, территориальной целостности, государственной безопасности и обороноспособности СССР. Ключевое понятие здесь — суверенитет Союза ССР, который осуществляется через систему союзных органов, в первую очередь органов власти. Эта «власть» трактовалась законом именно как власть, действующая в масштабах всего бывшего Союза.

Теперь же, когда Советский Союз оказался разрушенным, не было больше ни суверенитета, ни территориальной целостности СССР, ни союзных органов, ни должностных лиц, на власть которых можно было бы покушаться. Не было и общесоюзных правоохранительных органов, правомочных рассматривать это дело, связанное с событиями, происходившими на территории нескольких, теперь уже независимых государств.

* * *

Ситуация в целом была неординарная. Она скорее всего требовала прекращения уголовного дела. И то, что узники «Матросской тишины», проходящие по «делу ГКЧП», оставались под стражей, было далеко не случайно. Это еще раз доказывало, что власти преследовали прежде всего политические цели. Более того, кое-кто из их сторонников открыто заявлял, что

«освобождение гэкачепистов может усилить и без того распоясавшуюся оппозицию».

Российская прокуратура клялась, что «следствие работает на истину». Скажу прямо: заметно этого не было. Гораздо честнее было бы сказать, что следствие работало на версию, которая была задана правящими кругами, старавшимися оправдать свои действия необходимостью борьбы против «заговорщиков» и «путчистов», угрозы «необольшевизма», «красно-коричневой опасности» и т. п.

А поэтому не все благополучно было в «датском королевстве» российской прокуратуры. И повинны в этом были не узники «Матросской тишины», а те, кто еще до суда объявил, что они виновны, «подлежат наказанию по всей строгости закона» и «практически обречены». Отсюда закономерны протесты общественных организаций, политических партий, резолюции митингов и демонстраций, ходатайства ученых-юристов, поток писем поддержки, поступавших в «Матросскую тишину». Заговорили о судьбе политзаключенных и в депутатском корпусе, на форумах различных массовых движений.

В этой обстановке генеральному прокурору России пришлось признать, что «настроение общественности начало склоняться в пользу обвиняемых». Но как это могли допустить властные структуры! И получив соответствующие указания, генеральный прокурор Степанков и его заместитель Лисов идут на невиданную акцию — они издают свою книгу «Кремлевский заговор (версия следствия)». Ознакомление с этим приключенческим романом показывало, что дело далеко не ограничивается «версией». Перед нами были хорошо скомпонованные под эту версию выдержки из свидетельских показаний, причем, естественно, только таких показаний, которые выгодны обвинению.

Мы оказались перед фактом вопиющего нарушения закона. Ведь не только следствие, но и суд, как известно, обязаны делать все возможное, чтобы ни один свидетель не знал о показаниях других. Только так можно выяснить истину, объективные обстоятельства дела. А тут версия следствия сама по себе превращается в версию обвинения, которую пытаются заранее навязать обществу.

Недаром американский журнал «Ньюсуик», опубликовавший в те дни выдержки из книги Степанкова — Ли-сова, отмечая, что в значительной части она состоит из протоколов допросов, заметил: «Если бы подобное дело рассматривалось в американском суде, такие разоблачения могли бы послужить основанием для снятия обвинения. В России же законодательные нормы не настолько ясны. Однако действия Степанкова ставят

под вопрос его мотивы».

Такова реальная атмосфера, в которой проходило следствие по «делу ГКЧП».

* * *

В то время мне часто задавали вопрос, почему я «молчу», отказываясь давать показания следствию. Да, я действительно «молчал», и эта моя позиция основывалась на принципиальных соображениях.

Во-первых, как уже говорилось, я не признавал и не признаю сегодня себя виновным. А посему мне незачем было оправдываться и доказывать свою правоту. Пусть сначала попробовали бы доказать мою вину те, кто возбудил уголовное дело и трижды поменял формулу обвинения.

Во-вторых, я не хотел и не мог контактировать с людьми, которые не только необоснованно арестовали меня, но и, игнорируя презумпцию невиновности, уже в ходе первых следственных действий объявили меня «уголовным преступником». Прочитанные тома дела показали, что следователи старательно отбирали свидетелей, главным образом из рядов парламентской оппозиции, анализировали каждый мой телефонный разговор, собирали обо мне все, что только могли, включая характеристики учителей средней школы, показания людей, посылавших мне новогодние открытки, и т. п. В то же время они упорно обходили факты и документы, которые опровергали избранную ими версию, оставляя без внимания все законные ходатайства моих защитников. Что поделаешь, таков уж был «социальный заказ», данный властями «своей» послушной прокуратуре.

В-третьих, «молчал» я и потому, что была опасность использования моих показаний во вред десяткам людей, прежде всего депутатов, встречавшихся или говоривших со мной в августовские дни. Многие из них далеко не сразу смогли определить свои позиции, прежде чем нажать кнопку поименного голосования. Ясно, что за этим могло последовать. Ведь «охота на ведьм», предложения о так называемых «люстрациях», преследование и замалчивание позиций инакомыслящих вовсе не исчезли из нашей общественной жизни. Вот почему я сделал все, чтобы ни один из депутатов (как бы он потом ни голосовал: за или против меня) не был привлечен к ответственности либо дискриминирован за то, как он поступал в дни августовского кризиса.

Доказательства же следствия рассыпались у всех на глазах. Примечательна в этом отношении была ситуация, возникшая в связи с опубликованием в итальянской газете «Стампа», а затем в наших газетах страниц моего дневника, написанных в те три роковых августовских дня.

Такой «дневник», а точнее — ежедневные записи моей работы, встреч и телефонных переговоров, я веду больше сорока лет. В них, как правило, отмечаются только время, фамилия того, с кем шел разговор, и в некоторых случаях его краткое содержание.

Надо сказать, что этот «дневник» довольно тщательно изучала, например, комиссия, созданная союзным Съездом народных депутатов в связи с событиями в Тбилиси, и убедилась в его полной достоверности.

В «дневниках» прошлых лет — пометки о контактах с Хрущевым, Косыгиным, Брежневым, Андроповым. Немало в нем записей о заседаниях Политбюро, Верховного Совета, встречах с зарубежными деятелями, о беседах и спорах, которые были у нас с Горбачевым. В частности, листая «дневник», можно с точностью до дня и часа рассказать о том, как мне трижды пришлось ставить перед союзным президентом вопрос об уходе с поста Председателя Верховного Совета СССР в связи с разногласиями с самим президентом, его окружением и той травлей, которую развернули против парламента газеты с конца 1990 года.

Точно так же бесстрастно зафиксированы в «дневнике» и все мои встречи, беседы и телефонные переговоры в дни августовского кризиса и после него. Следствие, как ему и рекомендовала наша демократическая пресса (см. «Известия» от 3 февраля 1992 г.), дотошно проверило подлинность того, что было записано в этом моем дневниковом календаре, допросив десятки людей. И что же? Все факты подтвердились. Расхождения были лишь в минутах. Вся беда прокуроров в том, что подробный комментарий к каждой записи может дать только их автор. А он с предвзятым, обуреваемым обвинительным уклоном следствием не хотел иметь никакого дела.

Поскольку я отказался давать показания и иметь дело с представителями следствия, каких-либо прямых личных контактов с другими политзаключенными «Матросской тишины» у меня, конечно, не было. Была только единственная возможность познакомиться с их позициями, взглядами и чисто человеческими качествами при чтении материалов уголовного дела. Ведь за каждым показанием, зафиксированным следователем, магнитофоном, видеокамерой заново вставал человек, которого я знал либо с которым каким-то образом соприкасался до

августовских событий. Древняя мудрость гласит: «Успехи показывают, что ты можешь, а неудачи — то, чего ты стоишь». Так вот, следствие достаточно точно позволило судить, кто чего стоит.

И здесь, скажу откровенно, разочарований у меня было сравнительно немного. В большинстве своем все, кто проходил по «делу ГКЧП», твердо отстаивали свои позиции, доказывая, что руководствовались прежде всего интересами страны, стремлением защитить единство Союза и его Конституцию. Выйдя из «Матросской тишины», Олег Шенин вполне обоснованно сказал корреспонденту: «Все, кто там сидит, держат себя очень достойно, никто, как говорится, не потек, никто не молит о пощаде, никто не изменил своим идеалам, своей этике» («День», 15–21 ноября 1992 г., № 46).

Мне трудно кого-либо выделить, но я назвал бы мужественную и честную позицию маршала Дмитрия Тимофеевича Язова, уверенность и выдержку генерала армии Валентина Ивановича Варенникова, твердость Василия Александровича Стародубцева, который на первое свидание вызвал в тюрьму не жену и дочь, а своего колхозного заместителя и главного бухгалтера, чтобы расспросить о делах хозяйства.

Но самое сильное впечатление произвели на меня тома уголовного дела, посвященные человеку, которого я хорошо знал и с которым мы много вместе работали в Верховном Совете СССР. Это материалы о Маршале Советского Союза Сергее Федоровиче Ахромееве — человеке высокого гражданского долга и кристальной честности.

В деле осталось неотправленное в июле прошлого года письмо на мое имя, в котором Сергей Федорович требовал поручить комитетам Верховного Совета рассмотреть и доложить парламенту вопрос о ведущейся в стране разнузданной кампании компрометации нашей армии и ее командного состава, о необходимости решительно защитить честь и достоинство советских воинов.

Мне кажется, что одним из самых трагических документов времен перестройки являют записные книжки маршала Ахромеева. Меня просто потрясло, какую точную характеристику еще весной 1991 года давал Сергей Федорович складывавшейся в стране кризисной ситуации и ее «крестным отцам», особенно Яковлеву и Шеварднадзе, как точно и беспощадно к самому себе и другим депутатам он писал о бессилии парламента исправить положение, сохранить завоевания социализма, дружбу и согласие советских народов.

Не пощадил маршал в своих записках и бывшего президента

СССР. Анализируя, как получилось, что страна оказалась на краю гибели, легкомыслие это или злой умысел, С.Ф. Ахромеев приходит к однозначному выводу: «виноват в первую очередь сам Михаил Сергеевич — его приспособленчество и компромиссность…

Будет программа и реализация, люди поддержат. Не будет — люди от Горбачева отвернутся. Отставка неизбежна. М.С. Горбачев дорог, но Отечество дороже!» Я мог бы многократно повторить за маршалом эти его трудные, но честные слова.

Касаясь августовских событий, Сергей Федорович пишет: «Почему я приехал в Москву по своей инициативе, никто из Сочи меня не вызывал, и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, еще раз лично убедился в этом. Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом». «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я считал смыслом своей жизни», — написал Сергей Федорович в своей предсмертной записке.

Пройдут годы, и, уверен, в августовские дни будут идти и идти люди к могиле этого мужественного человека, всем своим сердцем воина и патриота воспринявшего трагедию нашей Родины…

* * *

Между тем суд над ГКЧП продолжался. У меня не было особых иллюзий в отношении возможностей этого суда и характера его действий, хотя союзный Закон о независимости судей обязывал их объективно и профессионально подойти к этому сложнейшему делу. Как это будет происходить и каков будет итог, сказать было трудно. Полюса общественного мнения относительно августовских событий чрезвычайно разошлись. Одни предлагали ни в коем случае не выпускать гэкачепистов из тюрьмы, дабы не усиливать «поднимающую голову оппозицию». Другие выступали за амнистию или помилование. Третьи настаивали на оправдании. Не обошлось здесь и без «планетарного демократа» А.Н. Яковлева, полагавшего, что «хотя вина гэкачепистов бесспорна, их можно отпустить, запретив, однако, заниматься политикой» (см. «Аргументы и факты», № 33, сентябрь 1992 г.). Как все-таки великодушен был этот гуманнейший из гуманных, умудренных мудростью

наигуманнейших, экс-пророк «перестройки»! «Вы можете свободно выражать свои политические мнения, но с кляпом во рту», — предлагал он нам.

Друзья-демократы просто-напросто забыли, каменный мешок тюрьмы может высосать все жизненные соки из горстки коммунистов, но нельзя, невозможно загнать в казематы и задушить идеи социализма и братства народов, которые признает сегодня любой уважающий себя прогрессивный деятель нашей планеты!

В этом аспекте нельзя было не видеть того, что в общественном мнении по отношению к «делу ГКЧП» стали появляться новые тенденции.

В первые месяцы после августовского кризиса газеты и другие средства массовой информации, вторя официальным голосам, заявляли, что это был «путч», «военный переворот», и почти единодушно требовали «наказать преступников», поддерживая мнение о том, что нет ни малейших сомнений в необходимости наказания. Да и каким мог быть, например, тон московских проправительственных газет, если в письме на имя президента России от 24 августа 1991 года мэр Москвы Г. Попов громогласно заявил: «Сейчас, когда одержана наша общая победа, настало время всенародного суда над предателями и изменниками. Вина их очевидна. Руководство страны и ее народ должны знать все аспекты и последствия преступных деяний, совершенных самозваным ГКЧП». Из какого времени это письмо? Многие скажут — оно из 37-го года. Та же терминология, те же «предатели и изменники», та же слепая ненависть к обвиняемым без всякого следствия и суда. Разве можно было в те месяцы даже заикаться об объективности и презумпции невиновности?

Однако время шло, постепенно общественное мнение и тон прессы начали меняться. Стали слышны трезвые голоса о том, что в характере августовских событий и деле их участников надо разобраться более глубоко и взвешенно, не допустить огульных обвинений. Таких голосов было не очень много, но число их росло с каждым днем. Это был хороший знак.

К январю 1993 года после окончания следствия и ознакомления с томами уголовного дела все узники «Матросской тишины» были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде. Никто из нас, конечно, не отказывался от своих убеждений и не брал на себя обязательство прекратить политическую деятельность.

На следующий день после освобождения я заплатил за полтора года свои партийные взносы, стал на учет в одной из организаций Компартии и 30 декабря уже выступил на собрании

московской общественности, посвященном 70-летию образования СССР. Встреча была теплой. Я снова очутился среди единомышленников.

Оппозиционные настроения в обществе росли. Шла подготовка ко второму восстановительному съезду Коммунистической партии Российской Федерации. И все мы с огромным воодушевлением вновь погрузились в волны политической борьбы.

Процесс по делу ГКЧП начался 14 апреля 1993 года. Утром за несколько кварталов от здания Военной коллегии Верховного суда нас встречали многие сотни людей с красными знаменами в руках. Так с ними вместе мы и подошли к Верховному суду. Все последующие дни, когда шел судебный процесс, коммунисты и активисты «Трудовой Москвы» выставляли здесь «Красный пикет», бурно реагировали на каждое решение суда, интересовались, как идет разбирательство, как мы держимся.

Держались мы сплоченно и твердо. Все это время единственной нашей целью было сказать народу правду, показать, куда его завела политика разрушителей социалистического строя и советского многонационального государства. Это, естественно, не вызывало восторга у правящего режима. Послушные ему радио, телевидение, газеты обрушивали на нас потоки клеветы, оскорблений, брани. Дело дошло до того, что нам было поставлено в вину участие «гэкачепистов» в московской демонстрации 1 мая 1993 года, превращенной властями в кровавую бойню на площади Гагарина. Прокуратура поставила вопрос о возвращении нас в тюрьму. Однако суд здесь оказался на высоте и не дал совершиться очередному беззаконию.

В середине мая 1993 года суд принял еще одно весьма примечательное решение. Им было поддержано изложенное в моем выступлении требование подсудимых об отводе представителей обвинения, подчиненных генеральному прокурору. Как уже говорилось, руководители российской прокуратуры оказались лично заинтересованными в исходе процесса. В своей книге «Кремлевский заговор» они пытались навязать суду и обществу собственную, сугубо предвзятую обвинительную версию, называя нас «заговорщиками», «изменниками», «путчистами» и т. д. Суд признал невозможным разбирательство «дела ГКЧП» до тех пор, пока не будет обеспечена действительная самостоятельность обвинителей, и обратился к парламенту с просьбой назначить независимых прокуроров. Надо сказать, что в последующем и генеральный прокурор, и его заместитель сами оказались в опале у Б. Ельцина и были уволены со своих постов, хотя в целом это не уменьшило

натиска послушных президенту обвинителей.

После принятия 23 февраля 1994 года постановления Государственной Думы «Об объявлении политической и экономической амнистии» Военная коллегия Верховного суда пришла к выводу о необходимости прекратить производство по «делу ГКЧП». Однако вышестоящая судебная инстанция отменила это решение и вернула дело на новое рассмотрение.

Прошел еще месяц, и наконец 6 мая 1994 года широко разрекламированный антикоммунистический процесс над «гэкачепистами» завершился. На всех подсудимых была распространена амнистия, а несогласный с этим решением генерал армии В.И. Варенников был 3 февраля 1995 года оправдан за отсутствием состава преступления.

Думаю, что историки еще не раз вернутся к материалам этого процесса, выявляя в нем те или иные оттенки и особенности. Но главный итог останется неизменным: убрать с политической арены защитников Советской Конституции и единства Союза ССР российским властям не удалось. А для тех же, кто нарушил Конституцию и развалил Союз, суд нашего народа еще впереди…

Когда я был в Индии, в бомбейском домике Махатмы Ганди, мне напомнили его афоризм, который звучит примерно так: «Каждый, кто желает заниматься большой политикой, должен какое-то время посидеть в отечественной тюрьме».

Из тюрьмы многое предстает в ином свете, глубже оцениваются прожитые годы. Лучше были видны и недостатки законодательства в целом, в частности, виднее необходимость освобождения значительной части заключенных, которое не успел провести в свое время Верховный Совет СССР.

Что касается условий содержания в тюрьме, то я прошел нелегкий жизненный путь. Долго жил в голоде, считая каждую копейку, не имея денег, чтобы купить хорошую книгу или одежду, работал по двенадцать-четырнадцать часов в день. Поэтому неизбежные тяготы тюремного заключения для меня не обернулись катастрофой.

И администрация тюрьмы, и другие заключенные относились к политическим узникам уважительно. Это старая традиция.

Да, тюрьма — это трудно, тяжело, но я не могу выкрасить ее только в черный цвет. Наоборот. Около года я сидел в камере вместе с одним предпринимателем. Он вышел по амнистии. У нас были самые добрые человеческие отношения. Хотя я знаю, он мне сам рассказывал, что его предупредили: будь осторожен, ты встретишься с таким пауком, с таким махинатором, который был чуть ли не идеологом путча, манипулировал Верховным Советом. Все это быстро развеялось. Последние полгода я провел в

одиночной камере, отказываясь давать показания.

Одиночка — тяжелое испытание. Держался я спокойно, хотя, не скрою, почти полтора года в тюрьме даром для здоровья пройти не могли. Такое спокойствие было явно не по душе следователям и их руководителям, которые в своих многочисленных интервью неизменно заявляли, что бывший Председатель Верховного Совета СССР оказался, мол, психологически уязвимым, не сдерживает себя, грубо обходится с представителями прокуратуры и т. д. Думаю, что не сдерживали себя прежде всего сами блюстители закона, а у меня выдержки и терпения хватало, как хватало их в ходе самых жарких и нервных дебатов в парламенте.

Гораздо больше меня заботила судьба моей семьи. У нас всегда была дружная семья. Мой арест был для нее, конечно, тяжелым ударом, однако еще больше нас сплотил. Моя жена с благодарностью отзывается о поддержке и понимании своих коллег по Академии медицинских наук. Много добрых слов участия и помощи получила моя дочь, доцент МГУ, и ее муж. У внука в школе не было никаких проблем ни с учителями, ни с одноклассниками.

В ноябре 1992 года у меня на свидании побывала моя мама — вдова офицера, погибшего в годы Отечественной войны. Ей было 85 лет. Она жила в Смоленске и рассказывала мне, какой заботой окружили ее совсем иногда незнакомые люди, сочувствующие, помогающие, подбадривающие. Письма, которые я получал от матери, всегда были проникнуты верой в мою правоту.

В материальном смысле трудности у семьи, конечно, были, но кто их не имеет в наше нелегкое и тревожное время.

Самое же неожиданное последствие моего ареста — это то, что у нас оказалось гораздо больше добрых друзей, чем мы даже могли предполагать. И мои домашние, и я чувствовали это почти каждый день, получая десятки писем от совсем незнакомых людей со всех концов нашей страны и из-за рубежа. В большинстве этих писем — пожелания выдержки, благословения и поддержка. Иногда приходили денежные переводы, продукты, рецепты, эссе и даже целые стихотворные сочинения. Все это достаточно убедительно говорило о настроениях в нашем обществе. Жаль только, что не всем моим доброжелателям я смог тогда ответить и поблагодарить за участие и понимание.

Из более чем четырех тысяч писем, поступивших в тюрьму, я с особым трепетом читал те, что имели смоленский обратный адрес. Именно оттуда, с моей родной Смоленщины получил я заботливые письма от моей классной руководительницы в 27-й школе Софьи Наумовны Ханиной и от других учителей. Получил

я доброе письмо и от человека, который когда-то занимался с нами, мальчишками, в драмкружке, — от артиста областного театра драмы Василия Михайловича Кабанова. Очень теплые письма пришли и от известного в Смоленске профессора-невропатолога Михаила Александровича Лапицкого и от прихожан и священника одной из смоленских церквей, которые каждый день ставили свечу в храме за мое здоровье. Писали мне и деятели культуры из Новоспасского, и с родины Твардовского, из других районов Смоленщины.

Когда человек теряет опору и веру в свое общество, в своих товарищей, в своих близких, он терпит самую страшную жизненную трагедию.

Могу с уверенностью сказать, что такая трагедия меня миновала.

Со мной остались мои многочисленные друзья и товарищи. Более того, их число даже-выросло, а исключений буквально единицы.

Много писем пришло мне за то время от народных депутатов СССР и РСФСР. В некоторых из них — раскаяние и осознание несправедливости того, что произошло на последней сессии Верховного Совета СССР. Большая группа депутатов, ученых-юристов, врачей, деятелей куйьтуры подписали поручительство о моем освобождении из-под стражи.

Поступало немало резолюций и решений съездов, собраний, митингов, манифестаций, партийных групп. Для политических заключенных — это огромная моральная поддержка, помогающая преодолеть чувство одиночества, верить в то, что твои мысли, твои оценки разделяют тысячи и тысячи людей.

Не забыли меня и мои любимые писатели — Расул Гамзатов, Виктор Боков, Станислав Куняев, Валентин Сорокин, Василий Белов и многие другие. 26 марта 1996 года они устроили в одном из больших московских кинотеатров мой творческий вечер. Перед этим писатели обратились к генеральному прокурору с просьбой выпустить меня на три часа из тюрьмы, предлагая, что в качестве поручительства они готовы на это время сами находиться в моей камере. Прокурор, естественно, не ответил, но на вечер собралось около тысячи человек. Туда же удалось передать запись одного из моих стихотворений.

Я уже говорил о поддержке, которую получал от матери, жены, дочери, всех моих родных, о той верности и стойкости, с которой они встретили мою, а точнее — нашу общую беду.

Но еще раз хочу повторить: может быть, самое сильное, трогающее за душу ощущение нерасторжимости со своей Родиной я испытывал почти каждый день, получая добрые письма от

людей, живущих во всех бывших советских республиках.

Я и сегодня бережно перебираю эти непритязательные, но такие дорогие для меня послания тех дней. Вот ветеран войны, Герой Советского Союза из Москвы и металлург из Караганды, старшеклассник из Санкт-Петербурга и священник сельской церкви из Псковщины, нефтяник из Тюмени и врач с Камчатки, музейный работник из Крыма и военнослужащий из Белоруссии, ветеран труда из Донбасса мучитель из Узбекистана, многодетная семья из Казани и одинокая пенсионерка из Рязанской области.

Можете себе представить, как дорого мне каждое из этих писем. В них мнение тысяч людей. В них — моя надежда и, если хотите, опора для продолжения борьбы за наше справедливое дело.

Строки из писем в «Матросскую тишину».

«Здравствуйте, дорогие советские товарищи! Исполняется годовщина со времени вашего доблестного Заявления в защиту СССР, Родины, социализма. Без вины виноватые. Все честные, сознательные трудящиеся приняли к сердцу ваш призыв к порядку в стране и глубоко переживают за вашу судьбу, всех до единого…

Вы, наверное, знаете, что 9 Мая движение «Трудовая Россия» выразило гнев и возмущение у стен «Матросской тишины», словно встревоженный огромный пчелиный рой, гнев за несправедливость вашего заточения.

Вместе с тем многотысячный митинг, в котором и я принимала активное участие, был у ваших окон, чтобы поздравить вас с Днем Победы и теперь уже Победы вашего духа.

Физических и душевных сил Вам, многоуважаемый Анатолий Иванович! Всего Вам доброго. Читали Ваши стихи. Посылали в другие города.

С уважением Дорофеева Нина Ильинична, учительница, г. Щелково, Московская область».

«Наш великий народ умел всегда жалеть обиженных, преследуемых судьбой и властями. Но я Вас не жалею, я преклоняюсь перед Вашим Мужеством, перед Вашей Стойкостью, перед Вашей Смелостью. Я всегда уважал и уважаю людей, которых не сломала судьба.

Для Вас это письмо может остаться незамеченным, потому что к Вам приносят десятки весточек с различных

уголков нашей Родины, потому что все вокруг человека Вашего возраста и здоровья угнетает, потому что Ваши силы и способности уходят на изучение «Вашего» дела и подготовку к суду, да и автор Вам незнаком. Но я верю, что каждое письмо, которое приходит к Вам, которое доходит до Вас, наполняет Вашу душу светом, является для Вас лучиком в царстве обмана и предательства.

Я уважаю и преклоняюсь перед Вами не потому, что Вы тот Лукьянов — сильный и имеющий власть, а потому что Вы, Анатолий Иванович, не сломались, остались верны тому, чему не присягали дважды, остались Человеком.

Мое уважение к Вам прошло через мою душу, через мое сердце, ибо у нас в детском доме слепо не верили в авторитеты, уважаемым был тот, кто заслуживал уважение своими делами и поступками.

С искренней любовью и уважением к Вам, с верой в лучшее.

Андрей Трубицин, г. Ростов-на-Дону».

«Вы были и остаетесь для меня авторитетом как честный и принципиальный человек. Только Вы могли сказать на съезде «Подождите, М.С.…» Я не знаю, были ли Вы с ГКЧП или нет, но я верю в Вашу честность, поэтому уверен, что Вы хотели спасти страну. Думаю, при ином исходе августовских событий мне не пришлось бы бросить институт из-за того, что не на что учиться. И я не одинок. Если дальше так будет, страна останется без квалифицированных кадров.

В. Пушкин, г. Орск, Оренбургская область».

«Анатолий Иванович, желать Вашего освобождения — все равно что желать справедливости и торжества правды Божеской, человеческой и правовой.

Нет, взгляды, в том числе и политические, у разных людей могут быть разными. Но «бросать» политического соперника в застенок без вины, на неопределенный срок, не потрудившись хоть как-то сформулировать обвинение (а нечего было и формулировать, и все это понимали), только потому, что он — политический соперник — это методы не из арсенала демократии. Не этому 5 лет учились мы по Вашим учебникам у Ваших коллег и друзей.

Анатолий Иванович, для тех, кто знал Вас, пусть и не непосредственно, но давно, так же давно было ясно то, что с каждым днем понимает все больше и больше людей, — Анатолий Лукьянов на бесчестный поступок не пойдет и пойти не может. (Может быть, из-за этого Вы и здесь.)

Держитесь, Анатолий Иванович.

А стихи у Вас, Анатолий Иванович, добрые, как не из тюрьмы и писаны. На «воле» доброты-то как раз и не хватает. Искренне Ваш.

Алескер Джавад, г. Москва».

«Пишет Вам простая русская женщина. Хочу поблагодарить Вас за стихи, которые были опубликованы в газете нашей «Советская Россия».

Я даже переписала себе в тетрадочку. Кто меня приходит навестить, я им почитаю Ваши стихи (Нет, не прервать им связь времен).

Как бы я хотела Вам помочь, моим братьям по крови, русским. Я согласна была за вас всех отсидеть по 2 месяца, Вам бы было много легче пережить это смутное время. Вы бы отдохнули немножко.

Простите меня, пожалуйста, безграмотную женщину. Но за предателя Горби я бы сидеть не согласилась.

С уважением, инвалид I группы.

Никифорова Анна Ивановна, г. Ленинград».

«Уважаемый Анатолий Иванович!

И мне, и очень многим моим друзьям и знакомым важно, чтобы Вы знали, что в эти трудные времена мы помним о Вас, желаем скорейшего освобождения и возвращения к родным и друзьям.

Ваше мужество, принципиальность и стойкость во времена всеобщего предательства и трусости вызывают восхищение и уважение. Мы надеемся, что весь этот кошмар скоро закончится и Вы вернетесь к работе на благо нашего униженного и разграбленного, но еще не сломленного до конца Отечества, а оно будет жить, пока есть на нашей земле такие люди, как Вы.

Мы внимательно следим за всеми публикациями в прессе о состоянии Вашего здоровья, читаем все Ваши интервью и рады, что все Ваши суждения и мысли абсолютно совпадают с тем, как оцениваем

происходящее мы сами.

С уважением И. Мартынова».

«Москва, Кузнецкий мост, 13. Генеральному прокурору Российской Федерации В. Степанкову.

Господин прокурор!

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России мы просим Вас отдать на поручительство нам в течение трех часов, с 18 до 21 часа 26 марта с.г., Анатолия Ивановича Лукьянова. Обязуемся обеспечить безопасность А.И. Лукьянова и его доставку в следственный изолятор «Матросская тишина» после проведения творческого вечера поэта. Если Вас не удовлетворяет и это поручительство, то мы готовы на время проведения творческого вечера находиться вместо Анатолия Лукьянова в следственном изоляторе «Матросская тишина» в его же камере в качестве заложников.

Николай Бурляев, Александр Проханов, Станислав Куняев, Валентин Сорокин, Владимир Бондаренко, Николай Дорошенко, Сергей Кургинян, Анатолий Тихомиров, Николай Мишин, Александр Невзоров, Эдуард Лимонов».

Часть 4
Постфактум. Можно ли было спасти СССР?

Находясь в тюрьме и позже, выйдя на свободу, я много размышлял о том, можно ли было спасти СССР. Этот вопрос был и остается одним из самых важных для меня. Прежде всего следует сказать, что развал Советского союзного государства — результат взаимодействия многих разрушительных сил.

В первую очередь это те же самые силы капиталистической ориентации, но только обряженные в национальные одежды. Сдуйте с них националистическую пыль — и вы увидите под ней жадный оскал частного собственника.

Питательной средой для такого рода явлений был, конечно, но только глубоко загнанный внутрь дух сепаратизма и национальных амбиций. Свою отрицательную роль здесь играли и чрезмерный централизм в управлении, и невнимание союзных органов к интересам экономического и социального развития республик, к рациональному использованию их природных ресурсов, и факты неуважения к национальной культуре, языку и обычаям. Жесткая реакция союзных властей на любой, порою даже мелкий, всплеск национальных чувств только еще больше загоняла их в подполье и таким путем создавала эффект тлеющего торфяного болота. На поверхности все спокойно, звучат бравурные речи о дружбе народов, а внутри — незатухающие очаги межнациональной розни, непонимания и разногласий.

Ни для кого не секрет, что единство республик в составе Союза ССР во многом предопределялось централизованным, а не федеративным строением правящей Коммунистической партии. Республиканские партийные организации были составными частями единой КПСС. А значит, все основные кадровые назначения и перемещения шли из Москвы. Альтернативные выборы депутатов с вымыванием из их состава значительной части представителей так называемых «некоренных национальностей», общее стремительное ослабление партийного руководства позволили местным национальным кадрам довольно быстро понять, что теперь можно защитить себя от угрозы смещения или произвольных перестановок по воле центра. Средством этой защиты стал лозунг национального суверенитета.

Так к объективным факторам разрушения Союза добавился мощный субъективный — личный интерес, метко названный Борисом Олейником «национал-карьеризмом». Республиканский партийный князек, зарвавшийся номенклатурный губернатор,

распоясавшийся хозяйственник, прикрываясь заявлениями о защите национальных интересов, могли теперь игнорировать ранее неприступный центр. Если же тот начинал «артачиться», настаивать на своем, в ход пускались массовые националистические выступления, создавались народные и национальные фронты антикоммунистической направленности. Достаточно было малой искры, и пожар уже почти невозможно погасить.

Так случилось, например, в Прибалтике, когда именно со ссылками на «диктат центра» в кадровой и языковой политике, в использовании природных ресурсов удалось поднять целые пласты приглушенного на определенном этапе национального самосознания и его спутника — национализма. А начиналось все, казалось бы, с малого — с небольших языковых проблем, национальных символов, установления местного отсчета времени, уточнения наименования городов. Закончилось же, как известно, приходом к власти агрессивных буржуазно-националистических сил и разрывом прибалтийских республик с Союзом ССР. Затем с различными оттенками и местными особенностями этот сепаратистский опыт начал тиражироваться в Молдове, Закавказье, Средней Азии и ряде других мест.

Удивительно быстро во многих республиках выросли свои идеологи сепаратизма. Сначала шли интенсивные раскопки истории «имперского засилия». Потом появились искаженно толкуемые теории «абсолютного» суверенитета, национального гражданства, политика ограничения прав так называемых «мигрантов». Наконец, пышным цветом расцвели теории «экономического суверенитета», которые оставляли Союзный центр и без своей территории, и без федеральной собственности.

* * *

К сожалению, органы власти и управления СССР не сумели адекватно, а главное, своевременно ответить на этот вызов агрессивного национализма и сепаратизма. Партийные деятели вроде А. Яковлева советовали вообще не обращать внимания на эти процессы, а кое-где и на проявление религиозно-национального фанатизма. Союзный президент больше уповал на уговоры и свой авторитет, который после бакинских, тбилисских и вильнюсских событий таял, как утренний туман. Поездки Горбачева в Армению и Литву ни на один градус не остудили там национально-конфронтационных страстей. Начиная с Первого съезда народных депутатов СССР, национальные распри стали

почти каждодневным спутником парламентской жизни. Оппозиция внутри депутатского корпуса искусно использовала национальный фактор, включив его в борьбу против союзного руководства.

Очень многое зависело от того, какую позицию займет в этой сложнейшей ситуации Россия, ее руководители. Май — июнь 1990 года, Первый съезд народных депутатов РСФСР стали решающими для судьбы Союза. Принятая Съездом Декларация о суверенитете Российской Федерации закрепила приоритет республиканских законов над законами Союза ССР и открыла тем самым легальную возможность борьбы с союзным центром, переподчинения российским властям всей системы управления на большей части территории страны. Так был инициирован парад подобных деклараций в других союзных республиках, а затем и в российских автономиях.

Если же содрать словесную шелуху и назвать все своими именами, то в противостоянии с центром шла отчаянная борьба за власть, в которой подлинные интересы народов, миллионов и миллионов простых людей, судьба великой мировой державы отходили на второй план. В своей грызне за власть республиканские лидеры иной раз просто забывали, с каких высоких материй и деклараций они начинали, так как все это сопровождалось разрушением тех единых структур, которые разрушению не подлежали. Неизбежным результатом стало стремительное углубление экономического кризиса и резкое ухудшение жизни людей.

В тех условиях нужно было действовать, нужно было как-то попытаться стабилизировать ситуацию, задержать нарастающий развал государства. Для предотвращения этого развала сначала вполне можно было ограничиться пересмотром соответствующего раздела Конституции СССР и принятием союзных законов, укрепляющих суверенитет и расширяющих права республик. Как уже говорилось, шесть таких законов были приняты Верховным Советом СССР, в том числе законы о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации, об ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан, о языках народов СССР, о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Одновременно начались консультации по выработке первых вариантов проекта нового Союзного договора.

Но силы, противостоящие центру, не могли этим удовлетвориться. Чем, например, ответило на все усилия союзных властей руководство России? В конце октября 1990 года принимается Закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на

территории РСФСР», а за этим последовал Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», по которому все объекты государственной собственности на территории России, включая организации союзного подчинения, объявлялись собственностью Российской Федерации. Затем конфронтация переносится в сферу бюджетных отношений. Российский Закон о формировании бюджета на 1991 год воплотил давнишнюю мечту противников союзного центра: объявлялось, что бюджет будет формироваться на основе одноканальной системы налогообложения, а значит, Союз лишался собственных источников существования. Вслед за Россией на такой путь начали вставать другие республики. Развал Союза назревал, как снежная лавина в горах.

* * *

Ощущение этой опасности висело над IV съездом народных депутатов СССР, собравшимся в декабре 1990 года. Депутаты были встревожены. Поименным голосованием они принимают решение о сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, о сохранении ее исторического наименования — «Союз Советских Социалистических Республик», а также о проведении всенародного референдума, посвященного сохранению единства обновляемой советской федерации (документы, принятые эти съездом, также приводятся в Приложении к данной книге).

Однако и это решение встретило жесткое сопротивление. В нескольких республиках власти запрещают проведение референдума. В РСФСР руководство движения «Демократическая Россия» и другие оппозиционные силы обратились к гражданам с призывом сказать «нет» сохранению Советского Союза. В ряде контролируемых российским правительством газет публикуется плакат, где Россия в составе обновленного Союза изображается за тюремной решеткой («Российская газета» 15 марта 1991 г.). В таком же духе накануне референдума Ельцин выступает в московском Доме кино и по телевидению.

Однако, как известно, итоги референдума, проходившего 17 марта 1991 г., показали, что судьба Союза беспокоит широчайшие народные массы. За сохранение и обновление СССР высказалось 76,4 % граждан, участвовавших в голосовании, — более 113,5 млн. человек, то есть почти две трети взрослого населения страны. Казалось бы, все стало на свои места. Воля большинства народа должна была стать высшим законом для всех. Но страна

захлебывалась в забастовках и митингах. Руководители ряда республик открыто призывали не считаться с результатами референдума. Появились предложения о построении нашего государства на совсем иных, далеко не федеративных основах.

Еще 27 января 1991 г. представители «Демократической России» и других оппозиционных сил, собравшись на Демократический конгресс в Харькове, приняли решение об упразднении Союза и замене его Содружеством государств. В это же время первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов публикует свой проект Союзного договора. В нем предлагается создать на территории страны не Союз, а «Сообщество» или «Содружество», являющееся конфедеративным объединением суверенных, с международно-правовой точки зрения, государств без союзного гражданства и без союзной конституции (см. «Мегаполис-экспресс», 24 января 1991 г.). В феврале, незадолго до референдума, приходит сообщение о том, что руководители России, Украины, Белоруссии и Казахстана направили своих представителей в Минск, чтобы без участия союзного руководства рассмотреть предложения о создании «Содружества», означавшие по сути своей ликвидацию Союза ССР или, по крайней мере, превращение единого союзного государства в аморфное конфедеративное Сообщество независимых государств.

Обратите внимание на эти факты. Ведь они показывают, что идея создания СНГ без союзного центра возникла задолго до августа 1991 г. И если я столь подробно рассказал здесь о причинах и перипетиях, повлекших разрушение Союза, то только для того, чтобы каждый, читающий эти строки, мог сам убедиться, насколько наигранными и показными являются вздохи и причитания о погибшем Союзе ССР. Знайте, это вздыхают и причитают как раз те, кто сам методично разрушал Союз. Это просто крокодиловы слезы и очевидные попытки отвести от себя гнев миллионов людей.

* * *

Для предотвращения развала Союза было два пути. Первый, как уже говорилось, был связан с предложением внести существенные изменения в действующую Конституцию СССР, которая включала в себя, в несколько преобразованном виде, положения первого Союзного договора 1922 года. Эти положения намечалось дополнить нормами, которые позволяли бы, не ослабляя Союза, укрепить суверенитет республик, расширить их

полномочия, гарантировать самостоятельность республиканских органов в решрнии относящихся к их компетенции вопросов.

Однако постепенно под натиском представителей ряда республик и других национально-государственных образований большинство депутатов начало высказываться в пользу подписания нового Союзного договора, который стал бы органической частью Конституции СССР. В связи с этим с середины 1990 года под эгидой Верховного Совета СССР прошли консультации представителей республик, в ходе которых был выработан первый вариант проекта Союзного договора. Вслед за тем были подготовлены еще два его варианта.

Они в целом исходили из идеи сохранения федеративного характера нашего государства, которое предполагалось именовать сначала «Союзом суверенных советских республик», а затем просто «Союзом суверенных республик». В этих проектах достаточно четко очерчивались исключительные полномочия Союза, подтверждался приоритет союзных законов, были решены проблемы союзной собственности, единого гражданства, территориальной целостности страны, порядка формирования союзного бюджета.

По существу, исходные позиции этих документов и были поддержаны на референдуме 17 марта 1991 г., который высказался к тому же за сохранение нашей федерации именно как «Союза Советских Социалистических Республик», то есть за то, чтобы оставить неизменными как социалистический характер, так и советскую форму нашего государства. Поэтому, подводя итоги референдума, Верховный Совет СССР признал необходимым привести проект Союзного договора в полное соответствие с решением референдума, доработав проект с участием представителей всех союзных и автономных республик.

Однако такой вариант решения был воспринят в республиках далеко не однозначно. Страсти вокруг судьбы Союза не утихали. Более того, они становились просто взрывоопасными. Война законов стала бедствием, подрывающим единый правопорядок в стране. На глазах рвались налаженные народно-хозяйственные связи. Разгорались очаги межнациональных конфликтов.

Все это подтолкнуло М. Горбачева к мысли пойти на прямой контакт с руководителями девяти республик. Встретившись с ними 23 апреля 1991 г. в Ново-Огареве, он предложил подписать совместное Заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса. В принятом Заявлении было признано необходимым восстановить конституционный порядок и неукоснительное соблюдение союзных законов. Как первоочередная была поставлена задача

заключения нового Союзного договора с учетом итогов всесоюзного референдума. Было решено не позднее шести месяцев после подписания этого договора принять на Съезде народных депутатов СССР новую Конституцию Союза. Так начался «Ново-Огаревский процесс».

Перелистывая сегодня записи ново-огаревских встреч, в которых мне пришлось участвовать, вспоминаю, как трудно они проходили. И неслучайно. Позиции участников во многом были противоположны. Если, скажем, предложения Белоруссии и Казахстана были близки к сохранению и обновлению советской федерации, то представители Украины, Киргизии и некоторых других республик отстаивали идеи «Содружества» типа Европейского сообщества. Руководство РСФСР не соглашалось с предложениями о сохранении единого союзного гражданства, со многими аспектами разграничения полномочий Союза и республик. Серьезные расхождения были между Азербайджаном и Арменией, республиками Средней Азии. Особые позиции занимали представители автономных республик, требуя для себя статуса учредителей нового Союза.

Руководивший ново-огаревскими встречами Горбачев избрал довольно своеобразную тактику. Предоставив мне возможность защищать идею и интересы Союза, сам он старался играть роль беспристрастного арбитра, то присоединяясь к доводам союзного парламента и итогам референдума, то идя навстречу республикам. Скажу прямо, защищать в такой обстановке единство нашего федеративного государства было далеко не просто. В нескольких случаях я вынужден был прибегать к записи своего особого мнения. Так, в частности, особое мнение пришлось написать прямо на тексте проекта договора в связи с поддержанным Горбачевым предложением именовать нашу страну «Союзом суверенных государств». Ведь и тогда уже было ясно, что «Союз государств» и «Союзное государство»— понятия совершенно разные. Если первое означало слабую и зыбкую конфедеративную структуру, то второе было синонимом федерации, обладающей, как и ее составные части, собственным суверенитетом.

Особенно трудно было отстаивать союзные интересы при обсуждении вопроса о поступлении налоговых платежей непосредственно в бюджет Союза (то есть о двухканальной системе формирования союзного бюджета). Поддерживая эту систему, Горбачев говорил тогда: «Если нет федеральных налогов, нет и Союза. Ни одной федерации нет без федеральных налогов». При этом он ссылался даже на то, что одной из причин, вызвавших гражданскую войну в Северной Америке, была именно

проблема федеральных налогов.

Однако и по этим, и по многим другим вопросам представители ряда республик выдвигали все новые и новые требования, ведущие к размыванию формулировок Договора и означавшие постепенное ослабление и разрушение федеративной структуры нашего государства. Сравнение проектов Союзного договора, разрабатывавшихся перед референдумом, с проектами, подготовленными в ходе ново-огаревских встреч, дает возможность убедиться в том, как шаг за шагом шло отступление от тех принципов, которые были сформулированы IV съездом народных депутатов СССР и однозначно поддержаны народом на всесоюзном референдуме.

* * *

Естественно, может возникнуть подозрение, не является ли этот мой вывод субъективным мнением человека, который с сугубо консервативных, «имперских» позиций старался во что бы то ни стало сохранить «изживший себя Союз ССР». Но вот передо мною заключения по ново-огаревскому проекту Союзного договора трех больших групп независимых экспертов-юристов, историков, экономистов и политологов. Вчитайтесь в них.

Первая группа экспертов делает вывод: «Анализ текста договора приводит к тому, что Союз не будет обладать суверенитетом в той степени, которая необходима для нормального функционирования государства и в силу этого не является федеративным государством. Нормы практически всего текста договора свидетельствуют о конфедерации, которую авторы проекта, не желая противоречить открыто результатам референдума, стремятся выдать за федерацию».

«Проект договора создает условия для стимулирования центробежных тенденций в Союзе, действие которых может выйти из-под контроля тех, кто возьмет на себя обязательства по договору. Весь текст проекта позволяет усомниться в искренности желания авторов способствовать сохранению и обновлению Союза. Проект договора свидетельствует о конфедеративном характере будущего Союза, тогда как 17 марта 1991 г. большинство народа высказалось за сохранение и обновление Союза Советских Социалистических Республик как федерации равноправных суверенных республик» — таков вывод второй группы экспертов.

Третья группа экспертов делает еще более решительное заявление: «Признав федерацию, договор на деле создает не

конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР. В нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и пр. Проводя эту линию тайно, неявно, он вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр».

Добавлю только, что каких-либо других экспертных заключений, хотя бы в малейшей степени поддерживающих ново-огаревский проект, в нашем распоряжении не было. И Горбачев об этом прекрасно знал.

Вот почему 12 июля 1991 года Верховный Совет СССР принял постановление, в котором, поддержав в основном проект Союзного договора, счел возможным подписать его только после серьезной доработки и согласования между республиками с участием образованной на сессии Верховного Совета полномочной союзной делегации. Ей было поручено исходить из ряда принципиальных позиций и прежде всего из учета итогов всесоюзного референдума. Отдельно была поставлена задача «предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом ССР собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства, в том числе денежными средствами, непосредственно поступающими в союзный бюджет на основе законодательства СССР». Одновременно было подчеркнуто, что «окончательный текст Союзного договора, соответствующий принципам обновленного демократического государства, имеется в виду подписать на Съезде народных депутатов СССР».

Однако, как показала последняя встреча в Ново-Огареве, эти вполне обоснованные требования союзного парламента вновь натолкнулись на непонимание и сопротивление значительной части участников переговоров.

Последний вариант проекта Договора о ССГ оказался еще более опасным для сохранения союзных основ нашего государства. Спасти положение могло только дополнительное рассмотрение проекта в Верховном Совете СССР и в парламентах республик, что и намечалось сделать осенью 1991 года.

Таким образом, могу с убежденностью сказать, что у проекта Союзного договора было как бы два лица. Перед референдумом он обладал значительным созидательным потенциалом, который в случае приведения проекта в точное соответствие с итогами референдума создавал базу для сохранения и обновления Союза ССР.

В ходе же ново-огаревских встреч этот проект в результате многочисленных уступок и компромиссов превратился в

инструмент разрушения, который, вопреки ясно выраженной воле народа, мог привести только к одному — фактической ликвидации Советского союзного государства.

* * *

Мне часто задают вопросы о моем заявлении по Союзному договору от 16 августа 1991 года. Спор идет даже о том, когда оно было написано. Прокуратура, например, пыталась доказать, что заявление было написано позднее, специально для поддержки ГКЧП. Дело в том, что споры вокруг Союзного договора шли не только на встречах руководителей республик в Ново-Огареве, но и лично у меня с президентом Союза. И не один раз.

Мое заявление по Союзному договору было как бы финалом этих споров, еще одной попыткой предотвратить крушение нашего Союзного государства.

Как уже говорилось, последний вариант Договора о ССГ обсуждался в Ново-Огареве 23 июля 1991 г. Разговор на этой встрече оказался, может быть, самым тяжелым, а по ряду пунктов совершенно неконструктивным. Достаточно сказать, что по крайней мере две республики (Азербайджан и Киргизия) предложили вообще исключить из договора упоминание о том, что Союз ССР является суверенным федеративным государством, и не применять слово «федерация» ни в одной из статей проекта. Представители нескольких республик вновь и вновь настаивали на том, что у Союза не может быть своей собственности и что все закрепленное за ним имущество должно определяться как совместная собственность республик, составляющих Союз. Предполагалось также изъять из договора понятие исключительной компетенции Союза, рассматривая ее как сферу совместных интересов всех суверенных государств. Президент России предложил зафиксировать в договоре распространение юрисдикции Российской Федерации на все предприятия, расположенные на ее территории, включая и предприятия оборонной промышленности. Не удалось достигнуть и согласия по вопросам налоговых поступлений в союзный бюджет. Ельцин упорно отстаивал одноканальную систему поступления налоговых средств в бюджет России, часть которых она потом будет передавать Союзу. Наконец, представитель Украины выступил на встрече с заявлением, что Украина вообще намерена решать вопрос о своем отношении к Союзному договору не раньше середины сентября.

Поэтому, все же одобрив в целом проект Союзного договора,

участники встречи в конечном счете пришли к выводу о целесообразности подписать договор в сентябре — октябре 1991 года, имея в виду провести это подписание на. Съезде народных депутатов СССР с приглашением на него всех полномочных делегаций. Поддержка Горбачевым именно такого порядка заключения Союзного договора зафиксирована в стенограмме Ново-Огаревской встречи.

Перед этим предстояло досогласовать ряд статей проекта, хотя нетрудно заметить, что досогласовывать предстояло не просто редакцию договора, а решить принципиальнейшие вопросы, прежде всего о собственности и финансах Союза, от которых вообще зависело — быть Союзу федерацией или окончательно превратиться в некое беспомощное объединение независимых государств. Оценивая важность этих статей договора, сошлюсь только на заявление, сделанное на сессии Верховного Совета СССР бывшим председателем союзного Комитета конституционного надзора С. Алексеевым. Он говорил тогда: «Непременным атрибутом государства является его собственная финансовая база. Не просто плохо, если нет собственных налогов, — нет государства, если у него нет собственной базы. Дело здесь не в технических деталях, не в решении вопроса о том, что лучше: одноканальная или двухканальная система. Дело здесь не в моментах престижа, не в амбициях. Если так рассуждать, то просто не будет Союза, не будет Союза не только как федерации, но даже и как конфедерации. Будет международная правовая организация типа ООН, если она будет строиться на взносах» (Бюллетень заседаний, 11 июля 1991 г., № 109, стр. 18).

Как показали дальнейшие события, согласование этих принципиальнейших вопросов жизни и смерти Союза ССР состоялось не на общем заседании полномочных представителей республик, а в узком кругу политических лидеров, причем в сугубо конфиденциальном порядке и обстановке секретности.

Я уже упоминал о том, что 29 июля 1991 года в Ново-Огареве прошла закрытая встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, участвовавшими в проходивших в то время в Москве советско-американских переговорах. Естественно, в центре внимания этой встречи оказался проект Договора ССГ, недосогласованные в нем вопросы, порядок его подписания. Понимая, что проект договора в его последней редакции может не получить поддержки в Верховном Совете СССР и уж тем более на Съезде народных депутатов СССР, Горбачев предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре — октябре, как это было условлено ранее и подтверждено Верховным

Советом СССР, а буквально через три недели — 20 августа 1991 г.

В обмен на их согласие президент СССР принял требование Ельцина о включении в договор формулировки об одноканальной системе поступления налоговых средств в бюджеты республик. Из статьи 9 проекта, посвященной союзным налогам, Ельцин тогда же собственноручно вычеркнул слова; «Указанные налоги и сборы вносятся плательщиками непосредственно в союзный бюджет», и таким образом была окончательно подорвана самостоятельная материальная база существования Союзного государства. Одновременно Горбачев взял на себя обязательство издать сразу после подписания договора указ о переводе под юрисдикцию России всех предприятий союзного подчинения, расположенных на ее территории.

В своем заявлении по телевидению 2 августа 1991 г. Горбачев сообщил, что первыми договор подпишут делегации Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана, а затем, через определенные промежутки времени, — представители других республик, участвовавших в ново-огаревском процессе.

Таким образом, подписание Союзного договора отдельными делегациями планировалось провести вне рамок Съезда народных депутатов СССР, который рассматривался лидерами ряда республик и, очевидно, самим президентом СССР как помеха выполнению намеченного замысла. Ведь такой договор их вполне устраивал: с одной стороны, он вроде бы сохранял должность союзного президента, а с другой — фактически ликвидировал Союзное государство как федерацию советских республик. Не видеть этого мог только слепой.

Более того, предлагавшийся к подписанию существенно измененный на секретной встрече «тройки» проект договора до 16 августа 1991 г. не публиковался в печати, поскольку несомненно вызвал бы возражения общественности. Ограничились рассылкой текста договора главам полномочных делегаций. Причем ничего не говорилось о проведении заседаний республиканских парламентов, хотя это было предусмотрено в принятых ими ранее решениях.

Что же касается союзного парламента, то он напрочь устранялся от участия в разрешении коренных проблем существования нашего государства. Председателю союзного парламента и руководителям палат предлагалось лишь молчаливо присутствовать при подписании договора, противоречащего итогам всенародного референдума.

Я попадал, таким образом, в положение человека, который, не считаясь с ясно выраженной волей Верховного Совета СССР, «освящал» бы своим присутствием заключение договора, по сути

дела, разрушающего основы Советской федерации. Об этом мы говорили с союзным президентом, позвонившим мне на Валдай, в получасовом телефонном разговоре 13 августа 1991 г. — всего за пять дней до августовских событий.

Мое заявление, которое я подготовил после этого разговора, почти дословно воспроизводило позицию Верховного Совета СССР по проекту Союзного договора и не содержало даже намека на какие бы то ни было чрезвычайные меры. 18 августа я внес в заявление лишь небольшие уточнения. Ни от одного слова этого достаточно выношенного документа я не отказываюсь и сегодня. Он насквозь пронизан мыслью о том, что Союзный договор необходим и что его следует заключать после проработки в Верховном Совете СССР и приведения в соответствие с решением всенародного референдума.

* * *

М. Горбачев по сей день не устает говорить, что не он, а «путчисты» виновны в срыве заключения Союзного договора. На деле же представлять «путчистов» главными виновниками срыва заключения Союзного договора — значит начисто забыть, какое отчаянное сопротивление оказывали либерал-демократы и национал-сепаратисты идее сохранения Союза перед общенародным референдумом, об их призывах бойкотировать голосование, забыть, как злобно велась война законов, бюджетов, юрисдикции, как медленно, но верно выхолащивалось из проекта Союзного договора все, что хотя бы отдаленно напоминало федерацию.

Обвинения в срыве «путчистами» подписания Договора о ССГ стало основным рефреном почти каждого выступления Горбачева. В сентябре 1991 г. он даже вписал это обвинение в общее заявление руководителей республик и настаивал на том, чтобы оно вошло в резолюцию внеочередного V съезда народных депутатов СССР. Еще бы! Это давало возможность снять с себя вину за развал Союза. Но участники Съезда оказались сдержаннее и мудрее президентов. В своем постановлении они констатировали, что августовскими событиями не «сорван», а лишь «поставлен под угрозу процесс формирования союзных отношений», и здесь же поручили республиканским руководителям «ускорить подготовку к подписанию договора о Союзе Суверенных Государств» («Ведомости», 1991, № 37, ст. 1081).

Действительно, кто мог помешать заключить договор через

неделю после «путча» в дни V союзного съезда народных депутатов? Практически никто. Но нет, не тут-то было! Съезд распускается. Отвергается даже та «конфедерация», которая была поспешно предложена Горбачевым. И не «путчисты» тому виной, а в первую очередь опасения республиканских лидеров, что на смену власти центра придет власть Ельцина. Они с тревогой наблюдали, как быстро своими указами российский президент подчинил себе союзные органы управления, армию, МВД и КГБ. Были они хорошо осведомлены и о намерениях «демократов» слить посты президента РСФСР и президента СССР, отчетливо видели то, как стремительно захватывали бывшие союзные министерские кресла министры Российской Федерации. Г. Попов на страницах «Известий» раскрыл этот секрет, который для республик давно был секретом полишинеля. Об этом, кстати, свидетельствовала и позиция ряда республиканских лидеров, занятая уже в самом начале августовских событий, и поспешность в провозглашении независимости республик не в ходе, а именно после так называемого «путча».

Здесь не место длинным цитатам, но одну я все же вынужден привести, тем более что она проливает свет на историю гибели Союза и принадлежит человеку, вовсе не противостоящему российскому президенту, — Григорию Явлинскому. Когда корреспондент спросил его, почему Ельцин выбрал команду Гайдара, а не Явлинского, тот ответил: «У Бориса Николаевича и его ближайшего окружения были четкие политические установки, которые они считали приоритетными и хотели реализовать в любом случае. Прежде всего это одномоментный (в прямом смысле — в один день) не только политический, но и экономический развал Союза, ликвидация всех мыслимых координирующих экономических органов, включая финансовую, кредитную и денежную сферы. Далее — всесторонний отрыв России от всех республик, включая и такие, которые в то время не ставили такого вопроса, например, Белоруссия, Казахстан… Таков был политический заказ» («Литературная газета», 1992, № 44).

Как видим, тайное становится явным! Была четкая политическая установка: поставив страну перед свершившимся фактом, сделать все в один день. Таким роковым днем стало 8 декабря 1991 года. Поэтому вовсе не удивительно, а, наоборот, соответствует строгой правде заявление президента Казахстана Назарбаева: «Без России не было бы беловежского документа, без России не распался бы Союз» («Независимая газета», 6 мая 1992 г.).

* * *

Так что не надо пенять на «путчистов» как могильщиков Союзного договора. Ведь даже самые рьяные демократические радетели последнего варианта этого договора признают, что его подписание было мыслимо лишь в том случае, если «Горбачев собирался после подписания договора начать громить центр и его становой хребет — структуру КПСС или готов был дать это сделать республикам». Такой вывод Г. Попова весьма красноречив не только сам по себе, но и потому, что подтверждается рядом документов из следственного дела ГКЧП.

Переворот в государственном устройстве страны был задуман давно. Теперь он стал фактом. «Мы хотели сделать этот ПЕРЕВОРОТ, подписав договор, но только мирным путем», — заявляет Р. Хасбулатов, анализируя августовские события.

Таким образом, перед нами признание того, что настоящий переворот имел место не 19–20 августа, а позже, когда «демократам», захватившим власть, удалось начать ломку существующего конституционного строя и перевод его в «новое качественное состояние», как писал об этом И. Силаев. И здесь совсем по-иному видятся «герои» трагедии, в которую была ввергнута наша страна. Повторяю снова и снова: Союз ССР разрушили не народы, не трудящиеся различных национальностей. Его развалила ожесточенная борьба за власть политиков, не задумывавшихся даже как следует, на что они руку поднимали, какую тысячелетнюю историю поворачивали вспять!..

Кто виноват в разрушении Союза? — спрашивал позже экс-президента Горбачева редактор «Российской газеты». И сам же отвечал, что, как он думает, «решающую роль здесь сыграла КПСС», а стало быть, и ее бывший лидер. «Нет! — восклицает экс-президент. — Такой вывод неверен». Конечно, партия, и в частности Ю. Андропов, недооценивали важность национального вопроса, наивно полагали, что он у нас решен. Но к Горбачеву это не относится. Он все видел, знал и понимал.

Виновата же в разрушении Советского Союза, по его мнению, в первую очередь партийная номенклатура, особенно та ее часть, которая затеяла создание Компартии России. Виноваты сепаратисты, участвовавшие в беловежском сговоре, и, наконец, особо тяжкая вина, конечно, лежит на гэкачепистах, действия которых «никакая не защита Союза». В августе 1991 года, считает Горбачев, «партийная номенклатура поддержала гэкачепистов, а в декабре — «пущистов [подписавших договор о ликвидации СССР в Беловежской пуще]». Вот почему и те, и другие, и третьи изо всех сил стараются свалить вину за развал страны на Горбачева. Заметают следы. Напрасно. Отпечатки, оставленные ими, уже не удастся смыть — они в «компьютере истории». Вот так! Ни

больше ни меньше.

Да полноте, господин экс-президент, хоть вы и не относите себя к партийной номенклатуре, в памяти «компьютера истории» сохранилось немало ваших почтенных и не очень почтенных следов.

С 1983 года я присутствовал практически на всех заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС и за это время ни разу не был свидетелем каких-либо сомнений.

Горбачева в ценностях социализма, истинности марксизма или справедливости советского строя. Наоборот, во всех его выступлениях на Политбюро, а затем и в великом множестве его публикаций так и била в глаза твердейшая, безоглядная уверенность в незыблемости социализма и партийного руководства. Цитат приводить не буду. Они пока еще свежи в памяти.

Точно так же обстояло дело и с ценностями советской федерации. Никаких сомнений, никаких намеков на возможность ее изменения, полнейший ригоризм по отношению к тем, кто думает иначе. Слов было в избытке. Но вот когда пришла пора защищать Союз, сами основы его существования, то решительных действий (не слов, а именно действий) Председателя Верховного Совета, а затем президента СССР оказалось до смешного мало.

Нельзя не вспомнить, скажем, как на Первом съезде народных депутатов СССР представители Латвии и Литвы Горбунов и Ландсбергис потребовали реанимировать Союзный договор 1922 года с явной целью доказать, что их республики этот договор не подписывали, а потому вправе выйти из состава Союза. Горбачев отделался тогда общей репликой о необходимости укреплять республиканский суверенитет. Хотя уже в то время было ясно, какая угроза таится в этих предложениях. Тогда еще вполне достаточным было внести необходимые коррективы в действующую Конституцию СССР или принять законы о разграничении полномочий Союза и республик, о гражданстве, о языке, о защите прав национальных меньшинств (что, кстати, и было впоследствии сделано Верховным Советом СССР).

Но наступление праворадикальных, националистических и сепаратистских сил продолжалось. Появилась концепция так называемой «дефедерализации», под которой явно проступало стремление разгромить союзный центр. Вовсю стала рекламироваться идея «абсолютного суверенитета», хотя никогда и нигде такого суверенитета в исторической практике не было. Суверенитет всегда ограничен международными и иными обязательствами государства. Но и здесь со стороны союзного президента не последовало ни серьезной теоретической отповеди,

ни, самое главное, практических шагов по пресечению сепаратизма. И это далеко не случайно. Каждая острая постановка подобных вопросов на Политбюро натыкалась на бурные уверения Яковлева, Шеварднадзе, Медведева и других деятелей из ближайшего окружения генсека, что никакой угрозы для Союза сепаратистские поползновения не представляют. И Горбачев почти всегда сдавался.

В то же время пружина «суверенизации» раскручивалась все быстрее. Главным катализатором этого разрушительного процесса стала принятая в июне 1990 года Декларация о суверенитете Российской Федерации, закрепившая приоритет республиканских законов над законами Союза ССР и открывшая тем самым легальную возможность борьбы с союзным центром для других республик. Мои многочисленные переговоры по этому поводу с Горбачевым, как правило, ни к чему не приводили. Ответ обычно был один: надо искать компромисс, предупреждать об ответственности, принимать пустые, никем не выполнявшиеся постановления.

Когда началась подготовка нового Союзного договора, помню, каких усилий стоило отстоять в проекте именно федеративные начала существования Союза ССР — единство обороны, транспортной, энергетической, кредитно-финансовой системы, союзную собственность и гражданство, верховенство союзных законов. Ссылаясь на уклончивые, расплывчатые формулы президентских заявлений, представители ряда республик изо всех сил старались сломать каркас нашей федерации, превратить ее в конгломерат независимых государств.

* * *

Как уже говорилось выше, после того как на референдуме 17 марта 1991 года большинство взрослого населения страны высказалось за сохранение Советского Союза, у президента появилась твердая опора для решительных действий, тем более что праворадикальная оппозиция и сепаратисты не сложили оружия. Они делали все, чтобы дискредитировать итоги референдума. Настоящим бедствием стали война законов, разрушение хозяйственных связей, кровавые столкновения на межнациональной почве.

Однако президент снова колеблется, маневрируя между союзным парламентом, своими советниками и республиканскими лидерами, проявляя, как заметил Б. Федоров, «жесточайшую импотенцию воли». Естественно, этим ловко пользуются

противники укрепления Союза. Раздаются прямые призывы к разгону союзных органов власти и управления, бушуют забастовки и митинги, свирепствует так называемая демократическая пресса.

И вновь Горбачев идет на уступки. Но теперь, чувствуя, что у союзных представительных органов поддержки не получить, он начинает действовать единолично, в обход парламента и вопреки его воле. В апреле 1991 года на политической сцене появляется так называемое Ново-Огаревское совещание глав республик, которое берет на себя подготовку, а на самом деле полную ревизию выработанного под эгидой парламента и вытекающего из результатов всенародного референдума проекта Союзного договора. И недаром бывший президент в своих нынешних выступлениях старается вовсе не упоминать о референдуме. Его решение было напрочь перечеркнуто ново-огаревскими деятелями.

Вместо Союзного государства — федерации союзных республик ново-огаревский или, как называет его экс-президент, «горбачевский» проект договора предусматривал превращение нашего государства в союз государств. Думаю, что нет смысла особо доказывать, что «Союзное государство» и «Союз государств» — вещи совершенно разные. В первом случае речь идет о единой федерации, во втором — об аморфной конфедерации. По сути же дела это был проект ликвидации Союза ССР, отказа от советского строя и социалистического характера нашего государства, измена той Конституции, которую Горбачев клялся неуклонно соблюдать.

Правда, и здесь экс-президенту очень хочется доказать, что он был не один, что в Ново-Огаревском совещании участвовали Председатель Верховного Совета СССР и Председатель Совета Национальностей. Молчит Горбачев только о том, какую позицию отстаивали в Ново-Огареве представители союзного парламента. Молчит не случайно. Ведь достаточно заглянуть в протоколы совещания, чтобы убедиться, какую тяжелую многодневную борьбу пришлось тогда вести за сохранение советской федерации. Ни Ельцин, ни Кравчук, ни Акаев и слышать не хотели о результатах референдума. Раздавались предложения вообще не употреблять в договоре слова «федерация», ввести одноканальную (только через республики) систему поступления налогов, ликвидировать союзное гражданство и союзную собственность.

Дошло до того, что представителям Верховного Совета СССР пришлось записать на тексте договора свое особое мнение о том, что изменение союзного государственного устройства находится в противоречии с волей народа и Конституцией. Кстати, после этого к подписанию документов представители Верховного

Совета СССР больше не допускались. Их мнение, а точнее — позиция союзного парламента, полностью игнорировалось. Проект договора, который появился в результате этих политических манипуляций, по мнению независимых экспертов, прямым путем вел к уничтожению СССР. И Горбачев об этом прекрасно знал.

Я уже упоминал о том, что в течение нескольких часов перед заключительным заседанием Ново-Огарев-ского совещания мы вместе с заместителем председателя Комитета конституционного надзора СССР профессором Б. Лазаревым доказывали союзному президенту, что большинство статей проекта договора находятся в вопиющем противоречии с Конституцией и результатами референдума, что формула «Союз суверенных государств» означает полное разрушение той государственной системы, которая почти семь десятилетий строилась советскими народами. Горбачев вроде бы соглашался с нашими доводами.

И все же перед заключительной встречей в Ново-Огареве мне снова вручают завизированный президентом проект Договора «О Союзе суверенных государств».

— Что это значит? — с возмущением спрашиваю я у помощника президента по политическим вопросам Г. Шахназарова. — Ведь мы же вместе условились, что нам нельзя уходить от федерации, нельзя не считаться с результатами референдума.

— Я это помню, — отвечает помощник, — но формула «Союз суверенных государств», предложенная Александром Николаевичем Яковлевым, дает Михаилу Сергеевичу больший простор для компромисса…

* * *

Горбачев давно оценивает всех по своим меркам и со своей колокольни. Ему, видимо, даже в голову не приходит, что, кроме возни политических скорпионов, существуют такие понятия, как забота об интересах народа, защита величия и единства своей страны.

У всех, кто выступил в августе 1991 года против разрушения Советского Союза, было достаточно власти. В совокупности она превышала власть президента, да на его полномочия никто и не посягал. От президента требовали одного — защитить Союз от развала. Представлять гэкачепистов некими полупьяными недоучками, не понимающими, что они делают, столь же наивно, как и представлять бывшего президента страны невинным

агнцем, не ведавшим, что происходило в Сумгаите и Тбилиси, Вильнюсе или Фергане.

Многие из тех, кого сегодня обвиняют в «организации путча», неоднократно ставили перед Горбачевым вопрос о своем уходе из большой политики. Я был свидетелем таких заявлений со стороны Павлова и Язова, трижды сам говорил президенту о невозможности работать в той гнетущей обстановке. Каждый из нас — специалист в своем деле, профессионал, которому нечего было опасаться за свою карьеру.

«Я-то думаю: ну что из того, что тут страшного? — поучает Горбачев в «Российской газете». — Я вот не президент, сложил полномочия в известной ситуации, и что из этого?» Оказывается, сам он все осознал, сам ушел, а не его «ушли» беловежские заговорщики, предварительно сообщив об этом президенту Соединенных Штатов!

Даже на самом последнем витке существования Союза президент СССР умудрился еще несколько раз предать интересы страны.

Действительно, что мешало ему добиться подписания Союзного договора на Пятом съезде народных депутатов СССР через две недели после августовских событий? Ведь «путчисты» уже были упрятаны за решетку, а к власти пришли демократические спасители «форосского пленника». Но не тут-то было! При самом непосредственном участии Горбачева распускается Съезд народных депутатов СССР — последний оплот существования Союза. Отвергается даже та сугубо конфедеративная схема, которую поспешно предложил союзный президент. И не «путчисты» тому виной, а боязнь республиканских лидеров, что на смену власти союзного центра придет непредсказуемая власть Ельцина.

Спрашивается, что заставило Горбачева, едва дождавшись роспуска ненавистного ему Съезда народных депутатов СССР, подписать 6 сентября 1991 года постановления Государственного Совета о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии? Ведь даже не очень сведущий в юриспруденции человек скажет, что это вопиющее нарушение Конституции СССР и союзного закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», что это явная узурпация полномочий Верховного Совета. Однако юриста по профессии и беспринципного политикана по характеру — Горбачева это не смутило, как не смутило его то, что одним росчерком своего пера он в одночасье превратил в иностранцев и изгоев миллионы людей в своей собственной стране, обрек их на долгие годы страданий и унижений.

За августовскими событиями последовал действительный в полном смысле этого слова государственный переворот, прямое посягательство на советский конституционный строй, территориальную целостность, безопасность и обороноспособность страны.

Апогеем этого переворота стал беловежский сговор. И недаром его участники тайно сошлись недалеко от польской границы. Они с тревогой ждали, что будет делать союзный президент. Он оставался Верховным Главнокомандующим, и было достаточно одного президентского слова, чтобы от подписантов и их документов не осталось и следа. Теперь стало доподлинно известно, что Горбачеву из Белоруссии шли звонки от органов безопасности, как поступить с «вискулевским триумвиратом». Ведь речь шла о судьбе величайшей державы, о трехсотмиллионном народе, о глобальном равновесии мировых сил. Но не было нужного твердого слова от человека, поклявшегося сохранять и защищать Союз.

Не было этого слова и тогда, когда через два дня после опубликования беловежского заявления народный депутат В. Самарин принес в кабинет Горбачева подписанное почти пятьюстами народными депутатами заявление о немедленном созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР. Списки этих депутатов сегодня лежат передо мной. Здесь подписи более одной пятой состава Съезда, а значит, законная, конституционная обязанность созвать высший орган власти страны. Что последовало за этим? За этим последовало гробовое молчание президента Горбачева. И прав Н. Рыжков, когда он в одном из своих выступлений задал вопрос: почему спикера парламента, обвиняемого в затяжке созыва сессии Верховного Совета, держали в тюрьме, а президенту не ставится в вину то, что он вообще не созвал союзный съезд по требованию законного числа депутатов, не обратился к народу, к Организации Объединенных Наций, к мировой общественности.

Для разрушения Союза ССР не было объективных предпосылок. Его разрушили не народы, не трудящиеся разных национальностей. Советский Союз был развален в результате ожесточенной и грязной борьбы за власть безответственных политиков, среди которых на одном из первых мест стоит бывший президент СССР.

Было совершено преступление перед народами, преступление, нити которого ведут не только в столицы бывших республик, но и за рубежи страны. И когда такие ультрадемократы, как господин Бурбулис, называют преступные беловежские соглашения делом своей жизни, они сами

приковывают себя к позорному столбу.

ТРАГЕДИЯ СОЮЗА. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Какова ваша оценка «Беловежского соглашения»?

Роспуск Съезда народных депутатов СССР повлек за собой стремительное ослабление союзной власти. Начался обвальный процесс отторжения республик оттого политически и экономически единого организма, каким был Советский Союз. Сам союзный президент своими решениями открыл для этого зеленую улицу. 6 сентября 1991 года за его подписью выходят постановления только что созданного Государственного Совета СССР о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии. Это произошло на следующий день после роспуска Съезда народных депутатов СССР, на котором подобные решения могли вообще провалиться.

Вправе ли был Государственный Совет принимать постановления, фактически закрепляющие выход из СССР трех республик, народы которых более полувека жили в дружбе и согласии с другими народами нашей страны? Нет, такими полномочиями Госсовет не обладал. Его акты были в вопиющем противоречии с Конституцией СССР, союзным Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» и наносили тяжелейший удар по интересам сотен тысяч проживающих в Прибалтике людей так называемой «некоренной национальности».

Видя, что Союз разваливается на глазах и что почва уходит из-под его ног, Горбачев попытался воскресить ново-огаревский процесс. Теперь он уже был согласен на создание конфедерации в ее законченном виде, лишь бы только она имела избираемого населением хотя и безвластного президента. Но и эти переговоры ни к чему не привели. Республиканских лидеров уже в целом не устраивал подход к конфедерации, как к самостоятельному государству. Попытки же убедить Горбачева, что при этом для него найдется какое-то место, не устраивали союзного президента.

Такая позиция республик была далеко не случайной. С середины ноября 1991 года в тайне от союзного президента, за кулисами шла интенсивная подготовка к встрече, которая окончательно похоронила Союз. Эта встреча состоялась почти ровно через три месяца после роспуска союзного Съезда народных депутатов. Собравшись в Беловежской пуще, руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества независимых государств, объявив о «прекращении существования» Союза ССР как геополитической реалии. Судьба великого многонационального государства была определена

сговором трех политиков вопреки всем действующим конституционным нормам и без ведома президента СССР, который был поставлен в известность о случившемся после президента Соединенных Штатов Америки.

Застигнутый врасплох, Горбачев пишет заявление, в котором протестует против немедленного внесения беловежских соглашений на утверждение парламентов Союза и республик. «Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо, — заявляет он, — созвать такой Съезд. Кроме того я бы не исключал и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу». Однако понимание роли союзного Съезда пришло к президенту слишком поздно. Своими же руками он помогал покончить с этим органом власти, представлявшим все население страны и отстаивавшим решение, принятое народом на всесоюзном референдуме.

Что же касается «тройственного соглашения» в Беловежской пуще, то с правовой точки зрения оно не выдерживает никакой серьезной критики. Достаточно сказать, что российский президент, подписывая это соглашение, сознательно превысил свои полномочия, закрепленные в ст. ст. 1211–1218 Конституции России, присвоив себе функции Съезда народных депутатов РСФСР (ст. 104 Конституции). Одновременно были нарушены ст. ст. 2, 5, 73–78 и 108 Конституции СССР. Самые видные юристы вынуждены были признать, что в действиях «беловежской тройки» есть все, что характеризует государственный переворот — и покушение на суверенитет, территориальную целостность, обороноспособность огромной страны, и преднамеренное разрушение всех структур союзной власти, включая президентскую, и полное пренебрежение к воле народа, выраженной на референдуме.

И хотя до сих пор с парламентских трибун и страниц печати можно услышать, что разрушение Союза было предпринято прежде всего для того, чтобы поскорее разделаться с надоевшим союзным президентом, нельзя не содрогнуться от такого рода суждений. Не слишком ли огромной и страшной ценой было за это заплачено? Нет, это был реальный, разрушительный государственный переворот, насилие над волей советских народов. Поэтому не зря в гуще народной минские соглашения и называют «беловежским путчем». Мнимый «августовский переворот» был использован лишь как повод, как удобное оправдание для настоящего, подлинного августовско-декабрьского переворота, для слома Советского государственного и общественного строя.

И чем дальше раскручивается тяжелый маховик этого переворота, тем острее будут ощущать миллионы людей, что значили для них социализм, советская власть, Советский Союз, дружба народов и авторитет их страны во всем мире.

Как вы относитесь к факту роспуска Верховного совета СССР? Считаете ли вы его до сих пор законным органом власти?

Роспуск союзных структур власти в целом был губительным шагом, во многом предопределившим судьбу Союза. После беловежской акции трех президентов Верховный Совет СССР оставался последним оплотом, способным хоть в какой-то мере отстаивать общие интересы советских народов. Союзных депутатов могли отозвать только те, кто их избрал, а не высшие органы власти республик. Но эти органы все-таки пошли на такой противозаконный шаг. Верховный Совет СССР был вынужден прекратить свою работу. Хотя, повторяю, полномочия депутатов никто, кроме избирателей, отобрать у них не мог и не может.

Как сложится дальнейшая судьба народных депутатов СССР, сказать сейчас трудно. Достаточно напомнить гонения, обрушившиеся на них, когда они съехались на свой VI Съезд. Хотя с точки зрения юридической, с позиций постановления V Съезда народных депутатов СССР от 5 сентября 1991 г. полномочия всех союзных депутатов сохраняются до истечения срока их легислатуры.

Хочу еще раз сказать и о том, что время рано или поздно заставит по достоинству оценить труд народных депутатов СССР, накопленный ими опыт. Не так давно один из обозревателей «Известий» заметил: «Если смотреть объективно, то бывший Верховный Совет бывшего Союза сделал немало: стал походить на парламент, то есть постоянно действующий законодательный орган. Подготовлено немало прочных, устойчивых законов, их не стыдно заимствовать сегодняшним парламентам государств — членов Содружества».

Что ж, обозреватель, я думаю, прав. Чем дальше будет идти развитие экономических и политических отношений стран СНГ (а хотелось бы надеяться, что будет именно так), тем больше будет необходимо создание единых правовых основ их взаимодействия, а затем и учреждение общих межгосударственных парламентских органов. Начало, как известно, положено. А это значит, что снова придется, вспоминая об опыте парламента Союза ССР, сказать словами немецкой пословицы: «Ты хорошо поработал, старый крот!»

Возможно ли, по вашему мнению, восстановление Союза ССР?

Конечно, воссоздать Союз ССР в том виде, в каком он существовал, сегодня и невозможно, и нереалистично. Нужен

обновленный Союз, союзное государство суверенных народов, базирующееся на добровольности, современных реалиях и тенденциях экономической интеграции, научно-технического прогресса, тесного сотрудничества миллионов людей разных национальностей. В этом я оптимист и надеюсь, что такой будущий Союз впитает в себя весь положительный опыт советской федерации, дружбы наших народов и решительно отринет как страшные деформации прошлого, так и нелепые выверты сегодняшнего национал-сепаратизма с его кровавыми столкновениями, сотнями тысяч беженцев, горем ни в чем неповинных людей.

Никакие экспромты, никакая непредсказуемость и импульсивность здесь недопустимы. Национальные отношения — слишком тонкая и чувствительная материя. Их налаживание требует длительных, кропотливых усилий. В национальном вопросе легко в одночасье нарушить равновесие, а потом долгие годы требуются на восстановление доверия народов друг к другу, поддержание их нормальной совместной жизни.

Объективные предпосылки для воссоздания обновленного Союза у нас-имеются. Их диктует экономика, более всего страдающая от разрыва хозяйственных связей, пограничных таможенных, ценовых, валютных и других барьеров. Их диктуют потребности научно-технического прогресса, забота об охране здоровья и образования населения, взаимообогащения национальных культур. Наконец, их требуют глубокие традиции повседневного общения людей разных национальностей труде, в быту, в защите отечества.

Вместе с тем ясно, что на стихийность в таком движении к новому Союзу рассчитывать нельзя.

Она ничего не даст, если не будут действовать реальные политические, общественные силы, выступающие за восстановление дружбы и сотрудничества народов. Именно этим силам предстоит тяжелая борьба за налаживание совместного управления такими сферами общих интересов бывших союзных республик, как энергетика, транспорт, фундаментальные научные исследования, оборона, экология, защита прав человека. Здесь возможны отступления и поражения, поиск каких-то промежуточных этапов в воссозданий Союза, возможны сочетания элементов федерализма и конфедерации, координация экономических, внешнеполитических и оборонительных программ, особый режим существующих границ, договоренности о предотвращении межнациональных конфликтов.

О необходимости такой последовательной, наступательной стратегии общественно-политических сил говорит и то, что в

каждой из бывших республик наряду с конструктивными силами, выступающими за Союз, имеются агрессивно настроенные националистические, сепаратистские движения. У них не только есть своя массовая база, но и поддержка из-за рубежа. Ведь недаром международные финансовые магнаты открыто заявляют, что они намерены оказывать помощь не всем республикам вместе, а каждой из них в отдельности, соизмеряясь с тем, насколько быстро и твердо она будет двигаться по пути капитализации и свободного рынка. Далеко не случайно и то, что в США и других странах Запада практически уже не употребляется термин «Содружество» в отношении бывших республик СССР. Их именуют кто «новыми независимыми государствами», а кто и вовсе «Центральной Евроазией». И это не прихоть, это политика. Выражая ее, такой давний «друг» нашей страны, как Г. Киссинджер в одной из своих речей в начале 1992 года однозначно заявил: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции к воссоединению ее народов в единое, крепкое, централизованное государство».

И все-таки, несмотря на такие заявления наших зарубежных «доброжелателей», несмотря на весь накал нынешней борьбы националистических и интернациональных сил, на все пожары сегодняшних межнациональных конфликтов, мне представляется, что перспективы возрождения Советского федеративного государства и дружбы народов остаются. Они будут тем более ощутимыми, чем более решительной будет борьба за сохранение социалистических начал жизни нашего общества, за ограничение губительного эксперимента по втягиванию страны в орбиту дикого капитализма, социального и национального неравенства.

Каковы, с вашей точки зрения, перспективы существования и развития СНГ? Считаете ли вы СНГ жизнеспособным образованием?

Теперь, когда минул год с тех пор, когда усилиями «беловежского триумвирата» вопреки всем конституционным нормам и воле народа Союз ССР был разрушен, мы имеем возможность реально оценить, насколько пригодна для наших народов конструкция Содружества. Ясно одно, что самых острых проблем развития народного хозяйства, межнациональных отношений, военно-стратегической политики это Содружество решить до сих пор не смогло.

Мне кажется, что лидеры независимых государств, погрузившись в политическую пучину укрепления ими власти, вообще боятся сказать себе правду. А она состоит в том, что подлинная координация и сотрудничество, хотят они того или нет, требует прежде всего погасить очаги межнациональной розни

и быстро идти навстречу друг другу. При этом нельзя ограничиться только декларациями, многосторонними или двухсторонними соглашениями. Нужны эффективные механизмы взаимодействия, активно работающие межгосударственные силовые структуры, способные решать общие проблемы обороны и безопасности, банковские учреждения, органы управления энергетикой, транспортом, использованием природных ресурсов, информацией, метеорологией и т. д.

Ведь это же факт, что СНГ движется пока против всеобщего, доказанного мировой практикой течения интеграции. Но долго так продолжаться не может. Интеграционные процессы в экономике, науке, культурном обмене все же возьмут верх. Хотя, возможно, для этого придется на новом витке повторить то, что уже проходили республики, создавая Союз ССР в двадцатые годы. Тогда тоже все начиналось с международного и военного сотрудничества республик, двигалось от экономических соглашений к политическому союзу. Мне довелось много работать с материалами по истории создания Советского союзного государства. Но нынешние политики не очень любят рыться в исторических архивах. Они гораздо более склонны поносить своих предшественников.

В то же время не хочется изображать тенденции развития СНГ в одних только мрачных тонах. Нельзя не видеть, что для руководителей государств — членов Содружества с каждым месяцем все яснее становится невозможность решать многие вопросы жизни своих стран в одиночку, только своими собственными силами. Все острее становится потребность единого экономического, научно-технического и законодательного решения тех или иных проблем. Стали появляться наконец первые межгосударственные институты СНГ, такие, например, как межпарламентская ассамблея, координационные органы совместного регулирования ряда сфер развития хозяйства, культуры, борьбы с преступностью. Все это вполне закономерно.

Поэтому жизнеспособность СНГ, на мой взгляд, зависит прежде всего от того, насколько лидеры этого Содружества будут способны вести курс на интеграцию республик, наций и народов. Надеюсь, что, несмотря на все трудности, время работает именно на их объединение, а не на дальнейшую разобщенность. Это ведь закон общечеловеческого развития. Как бы ни были прочны запруды национальной обособленности и ограниченности, их все равно прорвет мощное весеннее половодье человеческого прогресса.

Может ли, по вашему мнению, Россия распасться также, как

Союз? Что нужно сделать для сохранения ее единства?

Я считал и продолжаю считать, что единство Российской Федерации надо всеми силами укреплять и оберегать. Это диктуется прежде всего тем, что интегрированность экономики в России гораздо сильнее, чем в любом другом государстве — члене СНГ. Только комплексное, согласованное развитие всех отраслей хозяйства, взаимный обмен материальными ценностями, научными достижениями, взаимообогащение культур могут обеспечить процветание народов России. Укрепление самого стоятельности бывших автономий вовсе не противоречит этому.

Странно, что до сих пор некоторые российские лидеры бросают упрек, что Лукьянов вместе с Горбачевым, поддерживая идею приобретения бывшими автономиями статуса самостоятельных субъектов Союзного государства, имеющих право на подписание Союзного договора, таким образом сознательно «натравливали» их против руководства РСФСР. Правда, сами педставители автономий обвиняли меня в прямо противоположном, говоря, что я якобы препятствовал принятию закона, регулирующего отношения Союза ССР с субъектами федерации, где автономии объявлялись такими субъектами. Подобное заявление «автономистов» имеется даже в материалах дела об августовских событиях.

На самом же деле эти взаимоисключающие обвинения только еще раз показывают их абсурдность. Я никогда и нигде не призывал дать автономиям «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить», но и не считал возможным применение для решения национальных вопросов каких-либо силовых методов. Думаю, что главным залогом единства Российской Федерации служит, прежде всего, кропотливая работа по поддержке в бывших автономных республиках сил, выступающих с позиций дружбы народов и интернационализма, который пока не очень-то в чести у нынешних российских властных структур.

Исторически сложившаяся целостность России должна быть сохранена во имя укрепления сотрудничества всех народов, живущих на территории бывшего Союза.

Говорят, что национальный сепаратизм стал знаменем и проклятием конца нашего века, и нужно научиться преодолевать эту опасную болезнь. Почему бы России с ее традициями дружбы и согласия народов, взаимопроникновения их культур, языков и наречий не послужить образцом в решении этой глобальной задачи? Здесь многое будет зависеть от четкости и продуманности политики как руководства Федерации, так и лидеров составляющих ее республик, национально-

государственных и административно-территориальных образований России.

Часть 5
СССР уничтожили целенаправленно

За Горбачевым стояла не только Тэтчер, это был по-настоящему заговор, идущий со стороны.

Из радиопередачи Русской службы новостей.

Ю. БУДКИН (ведущий): В студии Юрий Будкин. Здравствуйте. Я представляю вам наших сегодняшних гостей: последний председатель Верховного совета Союза Советских Социалистических Республик Анатолий Лукьянов. Анатолий Иванович, здравствуйте.

А. ЛУКЬЯНОВ: Здравствуйте.

Ю. БУДКИН: Его дочь, постоянная гостья нашей программы, именно в этот день и в это время член Московского Городского комитета КПРФ Елена Анатольевна Лукьянова. Здравствуйте.

Е. ЛУКЬЯНОВА: Здравствуйте.

Ю. БУДКИН: Понятно, почему мы сегодня собрались в таком составе, потому что сегодняшний день — это очередная годовщина КГЧП, 1991 год. Я, например, до сих пор помню как сейчас этот день, когда я шел, мне нужно было сделать звонок, я подошел (тогда еще были телефоны-автоматы), набрал какой-то номер и сказал: я сейчас к вам приеду. Мне говорят: ты, что, не знаешь, в городе танки. Куда ты собрался ехать? 18 лет назад. Первые воспоминания, которые были тогда, в 1991 году, когда все прошло и то, что вы сейчас помните, как-то меняются? Это вопрос к Анатолию Лукьянову.

А. ЛУКЬЯНОВ: Я думаю, что я помню, конечно, все, но только мне думается, что и люди сейчас стали по-другому немножко смотреть на эти события. По социологическим опросам, многие сегодня говорят, что это был акт защиты Союза. Это очень существенно. Читаю сообщения всякие, вдруг Жириновский говорит: нет, это было все в рамках закона и что надо было отстаивать линию ГКЧП.

Ю. БУДКИН: Елена Анатольевна, а у вас тогда и сейчас?

Е. ЛУКЬЯНОВА: Тогда и сейчас мне сравнивать трудно, я тоже помню все поминутно, у меня мнение не изменилось за 18 лет. Мне с самого начала было понятно, что руководство России творит некий миф, который не соответствует совершенно действительности. И вот сегодня как раз, 18 лет спустя, мы оба у вас в студии, я предлагаю развенчать несколько мифов. Первый из них, главный, состоит в том, что по сегодняшним уже написанным свидетельствам, воспоминаниям ГКЧП не был создан

Янаевым или кем-то из других руководителей государства, он был создан Горбачевым задолго до августа 1991 года. Миф первый — не сам по себе возник ГКЧП, а был создан заранее и планомерно президентом страны.

Ю. БУДКИН: То есть получается, Анатолий Иванович, если говорить о том, что Горбачев каким-то образом создавал ГКЧП, вы что, не знали, что вами руководит Горбачев или он прямо делал указания?

Е. ЛУКЬЯНОВА: Подождите, подождите. А почему вы Анатолию Ивановичу предлагаете ответить вопрос: вы не знали? Он не входил в ГКЧП, он оставался председателем Верховного Совета.

Ю. БУДКИН: Я сейчас не об этом.

А. ЛУКЬЯНОВ: Все было очень просто. Дело в том, что после референдума, естественно, где победили силы здоровые и был получен очень большой результат и весомый о сохранении Союза, естественно, что круги определенные были этим недовольны и обстановка очень сильно накалялась. Это было 28 марта 1991 года, такая была комната рядом с Политбюро, называется «ореховая комната», Горбачев созвал совещание. И на этом совещании речь шла о том, что придется ввести чрезвычайное положение. Горбачев сказал о том, что надо создать комиссию или группу, которая будет заниматься этими вопросами. Во главе этой группы он поставил вице-президента Янаева Геннадия Ивановича. Причем в эту группу были включены буквально все члены ГКЧП будущего за исключением двух — Тизякова, директора завода с Урала и Стародубцева Василия, который возглавлял аграрное движение. Все остальные вошли в эту команду, комитет, который должен был разрабатывать вопросы чрезвычайного положения.

Ю. БУДКИН: То есть получается, что Горбачев еще в марте все это сформировал?

А. ЛУКЬЯНОВ: Конечно. И речь идет о том, что не просто сформировал, ему было поручено. Было поручено Комитету готовить предложения о возможности введения чрезвычайного положения. С другой стороны — Комитету было поручено подготовить обращение к гражданам по поводу введения чрезвычайного положения в определенных местностях, это было поручено Крючкову и сказано: вы соберите всех своих идеологов комитета Госбезопасности, чтобы хорошо написали. И это было сделано. Болдину было поручено даже печать сделать ГКЧП, что он и сделал. Комитет заседал трижды и, надо сказать, достаточно жестко определял свои позиции и позиции, которые были необходимы для наведения порядка в стране. Все начиналось в

марте, 28 марта. Я был на этом заседании, потому что когда там зашел вопрос о Верховном Совете, я сказал, что я по должности не могу входить в этот Комитет.

Ю. БУДКИН: Елена Анатольевна просто попыталась сказать, что Анатолий Иванович не был в ГКЧП, нельзя его об это спрашивать, но я все-таки именно вас хочу спросить вот о чем. Создавалось такое впечатление первое время, а теперь уже у многих отложилось просто, что Горбачева каким-то образом закрыли в Форосе. Так вот, как было на самом деле?

А. ЛУКЬЯНОВ: Так, как решил суд. Суд установил, это военный суд, это серьезные люди, которые очень точно установили, что никакого закрытия, никакой изоляции Горбачева в Форосе не было, это абсолютно точно. И те, кто приехали к Горбачеву, они предлагали ему поехать в Москву, самолет стоял рядом на аэродроме, можно было взлететь и через полтора часа быть в Москве и решать все вопросы. Кстати, надо сказать, что Горбачев вот только теперь сказал, что если бы я вернулся, то, видимо, никакого ГКЧП не было бы вообще.

Е. ЛУКЬЯНОВА: Вот вам какая интересная история. То есть телефоны отключены не были, самолет на аэродроме Баальбек, на военном аэродроме в Крыму стоял, ожидая своего президента, чтобы доставить его в Москву. На суде выяснилось многое другое, например, кино привозили из Москвы, грузинское вино подвозили для питания семьи Горбачева. Вся страна видела его вот такого с глазами расширенными и Раису Максимовну, в ужасе. Он изолирован, его спасли из изоляции — вот второй миф, который, я думаю, пора уже давным-давно развенчать, потому что кое-кому очень хочется об этом забыть. То есть это была игра. И Горбачев на самом деле уже и сам озвучил: я хотел их всех переиграть.

А. ЛУКЬЯНОВ: Дело в том, что очень точно эту позицию Горбачева в Форосе определил Тельман Гдлян, прокурор. Дело в том, что у Горбачева были все возможности поехать в Москву, но если бы, скажем, я был бы просто председателем колхоза или директором завода и у меня что-то случилось, да я немедленно бы поехал. Но здесь был политический нюанс, расчет. Как это было рассчитано? Это точно совершенно сказал Гдлян. Пусть они там воюют, пусть ГКЧП воюет с Ельциным, все будет зависеть от победы. Если победят ГКЧП, я въеду в Москву на красном коне.

Ю. БУДКИН: Кто выиграет, к тому и вернусь.

А. ЛУКЬЯНОВ: Если победит Ельцин, я въеду в Москву на белом коне, вот какой был расчет. Но дело в том, что у этого расчета не было знания ситуации. Дело в том, что если бы этот расчет оправдался даже с белым конем, песня Горбачева была уже

спета и предрешена правящими кругами, людьми, которые окружали Ельцина.

Е. ЛУКЬЯНОВА: Собственно как и у всех предателей. Мы аналогичное видели с Керенским, он тоже был выкинут за борт политической жизни, скинут с политического поста, что, собственно, и случилось с Горбачевым. Но, к сожалению, он этого не понимал.

Ю. БУДКИН: Хорошо, но если мы говорим, что это большая игра, может быть и российское руководство заранее все это знало и посчитало тоже, и у них была своя игра, и им даже выгодно в каком-то смысле было?

А. ЛУКЬЯНОВ: Мне это сказать трудно. Я могу только сказать, что те товарищи, которые вошли в ГКЧП, и это было вечером 18-го числа, когда я приехал из отпуска, они только приехали из Фороса, они были полны желания навести порядок в стране, установить такой порядок, который давал бы возможность здоровым силам действовать. И это был честный разговор их, и я не думаю, что на них можно сказать, что их был какой-то расчет. Нет, такого расчета не было. Они рассчитывали, что Горбачев, который сам создавал ГКЧП, поддержит их, и ошиблись.

Е. ЛУКЬЯНОВА: Они не ожидали предательства. Они не ожидали того, что Горбачев окажется по другую сторону баррикад. А вот у российской стороны, у окружения Ельцина, я вполне допускаю, что сам Ельцин об этом знал, был сценарий, и не один. Вот об этом совершенно цинично, совершенно открыто, в своих воспоминаниях говорил Попов. Он написал, что сценариев была масса, что это было и выездное правительство на Урале, это восстание в воинских частях, восстания в республиках. Из массы сценариев они в течение длительного времени выбирали несколько, выбирали лучшие. И только в конце они поняли, что лучшим из сценариев, буквально, вот с таким цинизмом он пишет в своих воспоминаниях, кстати, август 1991-го, они посчитали, что лучшим из сценариев будет путч против Горбачева. То есть фактически угадали, сыграв на доверии, на честности тех людей, которых Горбачев назначил в ГКЧП и которые свою роль выполняли, зная, видимо, предательский характер Горбачева. Кроме того, есть еще один небольшой нюанс. В конце июля 1991 года состоялось секретное заседание, совещание на троих: Горбачев, Ельцин, Назарбаев; оно состоялось в Москве. Никто до сих пор точно не знает, что же на этом совещании было и что было обещано Горбачеву за определенное поведение. А я сейчас почти уверена, что ему нечто было обещано, именно в тот момент была достигнута договоренность о том, что с подписанием нового союзного договора прекратит действие советская конституция,

вот о чем шла речь. Поэтому вполне возможно, что роль Горбачева в этом сценарии была ему хорошо известна, и поэтому он так себя и вел в Форосе.

Ю. БУДКИН: И от того вопрос: Анатолий Иванович, а почему 19-е число? Всем известно, во всяком случае, как кажется нам, известно 20-го августа должны были подписывать союзный договор. Почему же 19-го все началось?

А. ЛУКЬЯНОВ: Вот как раз это серьезный вопрос. Дело в том, что надо было во что бы то ни стало подписать тот вариант договора, который готовил сам Горбачев и вот это окружение. На него давили и надо сказать, что он сдал последние позиции по этому договору, сдал после разговора Ельцина с Назарбаевым и с ним. О чем шла речь? Речь шла прежде всего о так называемой одноканальной системе налогов. Для того, чтобы Союз жил, нужно, чтобы налоги поступали в союзный бюджет. А Ельцин предлагал, и надо сказать, что его поддерживала и Украина, еще кое-кто из республик, создать одноканальную систему. То есть все налоги поступают в республики, а уж республики сами решают давать что-то Союзу или нет. Поэтому на этом договоре, который был подготовлен, я подписал, что я категорически против этого пункта. Речь идет о том, что так начиналась революция в Соединенных Штатах, Гражданская война, несколько штатов отказались платить в Федерацию. А тут получалось так, что у Союза СССР нет экономической базы, вот о чем шел разговор за кулисами (это в Ново-Огареве, не в Москве). И договорились о том, что Горбачев сдал позиции. И когда он ее сдал, естественно, он сам себе сковал руки и дальше он мог действовать только так, как договорились с Ельциным.

Ю. БУДКИН: Но что бы могло произойти, если бы не было того, что теперь принято называть ГКЧП? Горбачев позиции сдает, вы отказываетесь визировать этот документ, что бы могло произойти?

А. ЛУКЬЯНОВ: Ничего, потому что там стояли визы и других республик, ведь это было большое совещание в Ново-Огареве, визировали все участники этот совещания. Шел большой спор, и так появилась вот эта надпись или подпись на договоре и это совершенно точно.

Ю. БУДКИН: Теперь вопрос к вам, Елена Анатольевна. Я бы хотел, чтобы вы объяснили вот что. Теперь много лет прошло, наверное, вам, как юристу, будет правильнее объяснить нам, что же это было? Заговор? Путч? Есть определение?

Е. ЛУКЬЯНОВА: Это было законное выступление руководства страны против того беззакония, которое устраивала Россия с товарищами, вместе с Горбачевым. Потому что результаты

референдума 17 марта 1991 года, а как известно у референдума наивысшая юридическая сила. У любого решения референдума более 75 процентов от общего списочного числа избирателей, а не пришедших на референдум, проголосовали за сохранение Союза. Потом кто-то решил, что с этим можно не считаться, меняют союзный договор, в сторону аморфной конфедерации. Что делать? Выполнять чью волю? Вот этих двоих, троих, пятерых или шестерых, которые потом Беловежское соглашение подписали? Или волю народа соблюдать? Вот что это такое? Заговором, путчем объявил их Ельцин, объявил совершенно незаконно, до суда, до следствия. Своим указом вменил им несколько статей Уголовного кодекса, обвинил по 64-й статье. А что такое 64-я статья? Это измена Родине (того Уголовного кодекса), нанесение ущерба территориальной целостности и суверенитету СССР. По этой статье нужно было судить Горбачева, когда он незаконно подписал сецессию Прибалтике, нанеся таким образом чудовищный ущерб территориальной целостности нашей страны.

Ю.БУДКИН: А теперь ответим на вопросы наших слушателей. Пожалуйста, первый вопрос.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Меня зовут Юрий Николаевич. Хорошо, все эти члены ГКЧП, всем было ясно, что Горбачев предатель, но неужели среди вас, среди членов ГКЧП (вы не входили туда), не нашлось достойного человека с твердым характером, который взял и принял решение, которое было подготовлено о введении чрезвычайного положения? Всего-то надо было арестовать Горбачева и Ельцина и все бы встало на свои места. Но среди тех гэкачепистов с трясущимися руками не нашлось никого. Каждый, видимо, думал: а что я выиграю, если произойдет переворот? Каждый думал о себе.

А. ЛУКЬЯНОВ: Я совершенно уверен, что значительная часть, по крайней мере вся основная часть тех, кто застал ГКЧП, об этом не думали и не могли думать. Дело все в том, что практически ГКЧП ввел чрезвычайное положение, это было подписано Янаевым. То есть чрезвычайное положение было объявлено. Оно было отменено, это другое дело, через 72 часа после подписания, но это было сделано. И надо сказать, что здесь держался и Янаев сам. Вот обычно говорят, что у него дрожали руки якобы, кто-то фотографировал или снял эти дрожащие руки на пленку. Я могу только сказать, что он приехал больной, у него был грипп, и надо сказать, что он вел себя до конца, и как сейчас ведет, спокойно и жестко. Он свою миссию выполнил, потому что он и его товарищи рассчитывали на то, что Горбачев поддержит введение чрезвычайного положения, которое он сам задумал.

Ю. БУДКИН: Здравствуйте. Как вас зовут?

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Александр из Медведкова. Анатолий Иванович, рад очень слышать вас, очень редко вы бываете. Скажите, пожалуйста, а вот 19-я партконференция, я все время думаю, вот когда Горбачев ушел, вы тогда-то могли все там перевернуть. Все бы по-другому пошло.

А. ЛУКЬЯНОВ: Знаете, я могу только вам ответить одним: на пленуме, который предшествовал всем событиям, я был единственным, кто выступил и назвал все своими именами, угрозу Союзу, угрозу нашей стране отступления от социализма и от советской власти. Эта речь на пленуме была опубликована и я ни от одной буквы того, что говорил тогда, не откажусь.

Ю. БУДКИН: Еще один звонок. Здравствуйте.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Добрый день. Меня зовут Валентина. Я хочу обратиться к Анатолию Ивановичу. Ну, почему руководители наши не могли к народу обратиться? Почему они нас оставили вот в таком бедственном сейчас положении? Мы все ведь делали в Советском Союзе. Вот сейчас у меня нет слов, конечно, я переживаю. Анатолий Иванович, здоровья вам. В общем-то вы оставили нас беззащитных.

А. ЛУКЬЯНОВ: Спасибо вам. Но я только могу вам сказать, что в любом случае каждый, кто из нас был в руководстве страны, свою долю ответственности несет. И это так. Сегодня уже половины, даже больше половины, людей, которые входили в ГКЧП нет на свете, но с каждым я говорил и они оставались до самого конца на этой позиции. Что же касается обращения к народу, то это обращение было опубликовано сразу же, в первый день. И если сегодня прочитав это обращение, вы увидите, что практически предсказано все, что произошло с вами сегодня.

Ю. БУДКИН: Следующий звонок. Здравствуйте.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Анатолий Иванович, вы знаете, то, что произошло в 1991 году — это такое всемирно-историческое событие, которое мы даже еще осознать не можем. Мы, выросшие в Советском Союзе, пионеры, комсомольцы, члены партии, и вдруг это как карточный дом развеялось. Как вы считаете, перерождение партийного государственного аппарата прежде всего, наверное, причина этого?

А. ЛУКЬЯНОВ: Я очень уважаю такой вопрос, потому что это действительно наболело у людей и многие такой вопрос задают. Дело в том, что, с моей точки зрения, постепенно дело шло к такому финалу. Дело шло, потому что, как говорил Юрий Владимирович Андропов, мы сами иногда не понимали, в каком обществе мы живем. Нарастало это, нарастало постепенно, ослаблялась роль партии на стержень государства, происходило

наращивание. Посмотрите, что было. Была официальная часть нашего бюджета государственного и рядом был теневой капитал, вот они, теневики тогда и вышли на демонстрацию в тот день 19-го числа. Вышли на большую демонстрацию брокеры, люди из нового бизнеса так называемого, который был подпольным и который воспользовался и законом о кооперации, и так далее, они защищали демократию. Вот под этим лозунгом демократии тогда стало много достаточно поверивших в это людей. Сейчас вы не найдете ни защитников Белого дома…

Е. ЛУКЬЯНОВА: Они есть, но они стесняются своих медалей защитников.

А. ЛУКЬЯНОВ: Тех брокеров теперь не увидите, которые несли этот длинный флаг 100-метровый. Я думаю, что очень быстро пришло осознание этого, потому что уже в 1995 году 47 процентов по вопросам населения говорили, что надо было поддержать ГКЧП.

Ю. БУДКИН: Елена Анатольевна, это разочарование или осознание предательства, то, о чем говорите вы?

Е. ЛУКЬЯНОВА: Дело в том, что истерия вот этих дней 19-го и далее, далее, далее, она была нагнетена искусственно. Безусловно, она была нагнетена профессионально пиаровски, целым рядом СМИ. На самом деле вся эта истерия прикрывала за собой совершенно другие события, которые видно снаружи и до сих пор. Многие граждане об этом ничего не знают. Постепенно, именно за эти дни, прямо начиная с 19 августа и вплоть по ноябрь указ за указом вся союзная собственность, все драгметаллы, золотой запас, государственные органы, СМИ федеральные были переданы России. И вот это было определяющим для финала, который произошел в декабре 1991 года, когда был спущен государственный флаг СССР. Если бы за фасадом вот этой истерии не происходило постепенного захвата всей союзной собственности и всей союзной власти в пользу России, может быть Союз бы и не развалился, потому что остальные республики сказали: а что это такое происходит? Мы все вместе в Союзе, Союз — это Федеративное образование. Почему у нас одна Россия претендует на все то, что мы нарабатывали десятилетиями вместе? И люди начали потихоньку это понимать. И вот эта искусственность, нагнетенная эйфория, она стала уходить назад. За этим произошло как отрезвление, как бы новый взгляд, за деревьями увидели лес. Вот примерно такова моя позиция. Я думаю, сегодня надо все-таки Анатолию Ивановичу побольше поговорить.

Ю. БУДКИН: Следующий звонок. Здравствуйте. Слушаем.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Меня зовут Павел. Хотел

бы поблагодарить вас за то, что есть такая волна, на которой можно услышать правду. Это одна из немногих передач, которые сейчас можно услышать. Я бы хотел спросить, скажите, у вас не приглашают на такую передачу, как сейчас модны, «Пусть говорят», чтобы вы рассказали на всю Россию или к Познеру? Вас очень редко можно услышать.

А. ЛУКЬЯНОВ: Вы знаете, меня достаточно часто приглашают, но потом, когда меня послушают некоторые телевизионщики, все то, что я говорю резко, то, что я говорю правдиво, все это урезается. И поэтому я достаточно часто не соглашаюсь просто идти к ним. А это Русское радио, наше радио, это прекрасно. То, что есть возможность говорить то, что ты думаешь.

Ю. БУДКИН: Следующий звонок. Здравствуйте.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Я хотел спросить: а вам не кажется, что за Горбачевым стоит Тэтчер и английская королева?

А. ЛУКЬЯНОВ: Я сразу вам отвечу: не только Тэтчер и не только английская королева, это был по-настоящему заговор, идущий со стороны. Кроме внутренних сил, о которых я говорю, мы их тоже оцениваем, конечно, за рубежом были эти цели и были эти силы. Самое главное, что Тэтчер, с которой я встречался, она прямолинейная женщина очень, она выступила в ноябре 1991 года в Хьюстоне, в Соединенных Штатах и все назвала своими именами.

Ю.БУДКИН: То есть она фактически призналась в этом.

Е. ЛУКЬЯНОВА: Да, призналась, подробно рассказала почему они действовали против Советского Союза, что это было опасно. Она признала, что было найдено слабое звено в виде Горбачева, и дала ему оценку, она призналась, что они выдвигали Ельцина председателем Верховного Совета, это было очень трудно.

Е. ЛУКЬЯНОВА: И как они финансировали все.

А. ЛУКЬЯНОВ: Она признала то, что они, например, финансировали забастовки угольщиков, шахтеров.

Ю. БУДКИН: Может быть, она говорила лишь о поддержке, а не о прямом финансировании?

Е. ЛУКЬЯНОВА: Нет, нет, о финансировании: это дорого, это не дорого, — говорила она.

А. ЛУКЬЯНОВ: Она очень откровенно все это сказала. Это было в ноябре. Она сказала, что пройдет пара недель и вы узнаете о развале Советского Союза.

Е. ЛУКЬЯНОВА: А слушателям я хочу добавить, кто хочет посмотреть полностью вот это выступление, цитату Тэтчер в Хьюстоне, наберите в Интернете просто в поисковике «Кто украл СССР?», там будет полный текст вот этой цитаты Маргарет Тэтчер

по поводу событий 1991 года Горбачева, Ельцина и финансирование Европой всех разрушительных процессов в СССР.

Ю. БУДКИН: И последний звонок. Здравствуйте.

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ: Добрый день. Анатолий Иванович, доброго вам здоровья, живите долго. Наши дети должны знать то, что вы говорите, и должно это отразиться на нашей истории. Вот скажите, пожалуйста, когда Гайдары жгли костры и призывали всех богачей, чтобы они выступили против ГКЧП, почему по телевидению крутили одну музыку? Неужели не могли выступить вы и народу вот так разъяснить что к чему?

А. ЛУКЬЯНОВ: Я могу только сказать, что, по-моему, музыку крутили зря и просто испугались, кое-кто из радиодеятелей. Это было так, но я с вами абсолютно согласен, что надо сегодня говорить вот эту правду, говорить, как тогда мне довелось говорить, так и сегодня говорить. И я от этой позиции не отступлю, мне скоро 80 лет, но я не отступлю никогда от этой позиции.

Ю. БУДКИН: Я должен поблагодарить вас. Спасибо, что пришли к нам. Приходите еще. Анатолий Лукьянов, последний председатель Верховного Совета Советского Союза и Елена Лукьянова, член Московского Городского комитета Компартии России.

«СССР уничтожили осознанно и целенаправленно»

Ученые, юристы, коммунисты, профессора юридического факультета МГУ и просто единомышленники, отец, последний Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов, и дочь, делающая первые шаги в политике Елена Лукьянова, рассказывают корреспонденту «Нашего времени» о своем видении страны и мира

19 августа 1991 г. руководители государства, исключая вас и президента, объявили чрезвычайное положение, ввели в Москву войска. Вы подписали постановление о созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР. И все. Спустя два дня войска были выведены, ГКЧП самораспустился. К концу года перестал существовать Советский Союз. Народ остался в недоумении: что это было, как это могло произойти?!

Сейчас об этом написаны многие десятки книг. Шла борьба. Перестройка планировалась для укрепления позиций социализма, демократизации советского строя. Но были силы, тащившие страну к реставрации капитализма. Они были и в партийном аппарате вокруг Горбачева (Яковлев, Шеварднадзе и др.), в рядах интеллигенции и среди хозяйственной номенклатуры, ими двигали не только неудовлетворенные амбиции, но и финансовые интересы. Директора заводов руководили гигантской собственностью, тысячами рабочих, и не имели права владеть частной собственностью, приличной дачей или усадьбой, завещать их своим наследникам. Ведь именно эта партийно-хозяйственная номенклатура и выступила за создание кооперативов для перевода безналичных денег в наличные, и за разгосударствление государственных предприятий.

Почему все это нельзя было делать в СССР? Страну зачем было разваливать?

Экономические интересы нельзя отделять от всего остального. При таких настроениях партия оказалась ослабленной, а ведь единая партия была стержнем, скреплявшим федеративное государство в единый Союз. Поэтому вторым разрушительным фактором стали сепаратизм и национализм, инспирируемые внутри страны и из-за рубежа.

Не народа — руководителей?

Конечно. Один умный человек назвал это национал-карьеризмом. Началось с простого. Изменения написания названия столиц (Таллин с двумя «н»), с появления понятия экономического суверенитета, с предложения о поступлении налогов только в республиканскую казну и установления республиканского гражданства. Горбачев пытался найти некий консенсус. А его советники твердили, что ничего страшного не происходит, просто развивается демократия.

И что, Горбачев верил? Наивный такой?

О какой наивности может идти речь? Он находился под влиянием умных и жестких людей — это факт. И когда пишут «распад Союза» — это абсолютная неправда. Был развал Союза. Осознанный и целенаправленный. Все происходило на глазах и не раз вызывало жесткую полемику и в Политбюро ЦК, и в Верховном Совете. Это второй фактор.

Но был и третий. Несомненно, в ситуацию активно вмешивались западные страны. Сейчас и Метлок — бывший посол США, и Бейкер, и Телбот признают, что были далеко не равнодушны к происходящему. Недавно в Интернете было опубликовано выступление Маргарет Тэтчер в Соединенных Штатах в ноябре 1991 года. Она откровенный человек и прямо говорила о вмешательстве Запада в ситуацию с целью ослабления и развала СССР.

Поэтому, так или иначе, выступление ГКЧП было вынужденным. Его главной целью было не допустить заключения союзного договора в предлагавшемся тогда виде. Потому, что это был договор не об обновлении Союза, а о создании рыхлой и беспомощной конфедерации, что противоречило воле народа. 17 марта 1991 года прошел референдум, на котором 76,4 процента взрослого населения страны проголосовало за сохранение Союза. Хотелось бы не просто уточнить, а подчеркнуть: ГКЧП был фактически создан 28 марта 1991 года. В Ореховой комнате, рядом с залом заседаний Политбюро Горбачев созвал руководителей страны и, поскольку обстановка накалялась, предложил создать комиссию, которая разработает меры по введению чрезвычайного положения в стране. Комиссию было поручено возглавить Янаеву. Вошли в нее все, кого народ впоследствии увидел в составе ГКЧП, за исключением Стародубцева и Тизякова.

Комиссия работала, трижды проводились ее заседания. В мае Горбачеву были представлены на утверждение все ее документы, включая обращение к народу и даже образец печати ГКЧП.

Нестыковочка по датам. Документы о введении ЧП были подготовлены в мае. Союзный договор намечали подписать осенью на Съезде народных депутатов. А события произошли в августе. Вы заметили, Елена?

Просто выпала еще одна дата. 29–30 июля в Ново-Огареве Горбачев провел секретную встречу с Назарбаевым и Ельциным, после которой текст проекта Союзного договора изменился в сторону еще большей де-федерализации, появилось условие прекращения действия Конституции СССР после подписания Договора, само подписание было перенесено на 20 августа, а союзный парламент вообще был отстранен от этого дела.

Тогда непонятна позиция Горбачева. Он создает ГКЧП, утверждает проекты его документов. С одной стороны. С другой — достигает договоренности с Ельциным об игнорировании воли народа и парламента, а затем об уничтожении СССР и спокойненько уезжает отдыхать. Где логика, Анатолий Иванович?

Логика проста. Как говорил в свое время Тельман Гдлян, Горбачев рассчитал: победит ГКЧП — он въедет в Москву на красном коне; победит Ельцин — на белом. Ведь на суде было доказано, что никакой изоляции Горбачева в Форосе не было. И он мог как арестовать гкчепистов, приехавших к нему 18 августа «за благословением», так и немедленно возвратиться в Москву, чтобы предотвратить так называемый «путч». Но он предпочел третий вариант.

То есть в развале СССР виноват прежде всего Горбачев?

Считал и считаю, что каждый, кто входил в руководство страны, несет свою долю ответственности за то, что произошло с нашим государством. И с себя ее не снимаю. Где-то не проявили государственной воли, где-то просмотрели, где-то не просчитали последствия. Но с Горбачева особый спрос…

Все ли горькие плоды развала СССР мы пожали в геополитическом, экономическом, социальном планах?

Ясно, что это еще не конец смутного времени. За 17 лет оказались разрушенными целые отрасли экономики. Растет пропасть между бедными и богатыми. 90 процентов достояния страны принадлежит 10 процентам населения. Есть такое понятие «децильный коэффициент» — соотношение доходов 10 процентов самого богатого населения и 10 процентов самого бедного. Еще Платон в Древней Греции определил, что это соотношение должно быть не более чем 1:10. Иначе разрушается общество. В СССР коэффициент был 4:1. А у нас, в современной России, официальная цифра 1:15. По подсчетам академика Львова — 1:40.

Эта ситуация очень опасна.

Нельзя не заметить еще одной тенденции: корпоративный сектор все больше срастается с государством. Председатели советов директоров («Газпрома», «Роснефти», «Авиапрома», РЖД и т. д.) — это или чиновники администрации президента, или министры и другие члены правительства. Таким образом, нарастают элементы государственного капитализма.

Это плохо? Если командует государство…

Добавьте, что государством «командует» капитал, и вы будете близки к истине. Вспомним законы о земле, о недрах, о лесах, о воде и увидим, что они приняты именно в интересах капитала. Или возьмем сферу взаимоотношений с бывшими союзными республиками. Пока олигархи считали каждый кубометр газа, каждую тонну нефти, получили в Прибалтике проамериканских президентов-иностранцев. В Грузии, да и на Украине тоже. Сознательно испортили союзные отношения с Белоруссией. Что важнее — доходы «Газпрома» или устойчивость, стабильность, надежные границы?! Государству необходимо восстанавливать и развивать все возможные связи на бывшей территории Советского Союза. Вопрос о сохранении нашего жизненного пространства — вопрос жизни и смерти. А спокойно ли внутри самой России? Вы, видимо, заметили, как руководители некоторых автономий начали вновь ратовать за восстановление договорных отношений с Российской Федерацией в целом. Если за этими процессами не следить, то над Россией может нависнуть угроза разрушения ее единства.

Анатолий Иванович, вы были депутатом Государственной Думы первых трех созывов. Почему не пошли в четвертую Думу?

Очень тяжело юристу, особенно бывшему спикеру, смотреть на безвольный и безвластный парламент. Но я остался советником во фракции коммунистов, остался профессором Кафедры конституционного права. Кроме того, вот уже десятый год работаю председателем Центрального консультативного совета при ЦК КПРФ.

На выборах в Госдуму вы обещали возвратить каждому гражданину гарантированное право на труд, отдых и жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание, требовать недопущения увеличения платы за коммунальные и транспортные услуги и т. д. Тогда, наверное, это было возможно, хотя бы частично, а сегодня депутат реально может что-то сделать?

Очень трудно. Принимаются решения, предложенные президентом или правительством. Но многие вещи все же можно

пробивать. И бороться надо. Бороться настойчиво и упорно.

Теперь вопрос к Е.Л. Лукьяновой… Елена, прошел слух, что коммунисты предложили вам занять место отца в партийных списках на будущих выборах в Госдуму.

Во-первых, мой отец все три раза избирался в Государственную Думу по одномандатному округу. Теперь таких округов нет. Во-вторых, место моего отца в партии занять невозможно. Оно уникально. А вот пользу в Думе я могла бы, видимо, принести. Поэтому «первичка» Тверского района Москвы выдвинула меня для участия в федеральных выборах.

Попытаетесь ли вы дальше выполнять предвыборные обещания Анатолия Ивановича?

Отец и его товарищи, на мой взгляд, делали все от них зависящее, чтобы минимизировать ущерб, наносимый населению либеральными реформами. Но сегодня Дума превратилась в штамповальную машину, звонко рапортующую о принятии законопроектов, приходящих со Старой площади. Но это не значит, что надо сложить руки. Борьба — это судьба любой оппозиции. И я, безусловно, буду делать все, что могу, для ее продолжения. Предвыборная программа моего отца — это н е набор популистских заявлений, а стратегическая программная линия партии.

Как относитесь к появившимся в России династиям политиков?

Профессиональные династии — это здорово. Но политика — не тот случай. Если бы не события 1991 года, я никогда бы не пришла в политику. Из всех членов семей, арестованных по делу так называемого «ГКЧП», я оказалась единственным юристом. Процесс был абсолютно неправовой и неправосудный. Летом 1992 года меня попросили выступить экспертом в Конституционном Суде по делу КПСС. А дальше мое участие в политике диктовала логика, вернее, антилогика развития событий в стране.

Сегодня я избирательный адвокат, специалист по законодательному процессу. К сожалению, если меня изберут депутатом, от адвокатской деятельности придется отказаться.

Снова вопрос к А.И. Лукьянову… Анатолий Иванович, в 1991 году в «Матросской тишине» родился поэт Анатолий Лукьянов, потеснивший своих предшественников Осенева и Днепрова. Сейчас у вас опубликовано более 20 поэтических сборников. Но этого мало, вы собираете и публикуете литературные произведения в исполнении авторов.

Я начал собирать голоса поэтов и прозаиков в 48-м году. Тогда в проезде Художественного театра можно было купить и Гумилева, и Ахматову, и Бунина. Старые пластинки, записи с валиков фонографа, магнитофонных лент. Потом искал голоса литераторов по всему миру. В 2002 году вышел комплект из 10 дисков: «Сто поэтов за сто лет». От Бунина и Блока до Рубцова и Татьяны Глушковой. Книга стихов и голоса их авторов. Недавно увидело свет второе издание.

Сейчас заканчиваю фонотеку записей голосов ста прозаиков XX века: Лев Толстой, Куприн, Леонид Андреев, Вересаев, Ремизов… Если хватит сил, сделаю несколько дисков с голосами зарубежных литераторов — Экзюпери, Хемингуэя, Арагона, Рабиндраната Тагора, Пабло Неруды и других.

Моя цель и мечта — передать коллекцию людям.

Елена, а для вас, судя по всему, из всех искусств важнейшим остается кино? Вы — директор-распорядитель Круглого стола международного кинофестиваля «Новое кино. XXI век».

Важнейшим для меня является настоящее искусство. Я люблю хорошие книги, хорошую живопись, хорошую музыку. Что же касается кино, работа на кинофестивале «Новое кино. XXI век» — часть того большого дела, которым сегодня просто необходимо заниматься. Ведь разрушение СССР — это и разрушение многонационального культурного пространства, в том числе кинематографического и кинопрокатного. Именно восстановление единого кинопроката стран СНГ является главной целью нашего кинофестиваля.

Часть 6
На что поменяли Советскую власть

Сегодня практически любое указание президента беспрекословно выполняется думским большинством…

Анатолий Лукьянов в студии радио «Свобода»

ВЛАДИМИР БАБУРИН (ведущий): Сегодня у нас в гостях председатель Верховного совета СССР последнего созыва, председатель Центрального консультативного совета при ЦК КПРФ Анатолий Лукьянов.

Вопросы будут задавать Виктор Тимошенко, московский корреспондент газеты «Голос Украины», и Олег Пташкин, телекомпания НТВ.

Первый вопрос. Насколько я знаю, вы один из авторов законопроекта о гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации. На сколько вы сегодня оцениваете возможность оппозиции, реальной оппозиции заниматься оппозиционной деятельностью?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: С оппозицией идет постоянная борьба. Насколько я знаю, сейчас проект такого же закона готовится «Справедливой Россией» под руководством Миронова. Насколько я знаю, приняла Рада украинская закон об оппозиции. Правда, совсем другой — быстрее о расстановке политических сил внутри Рады. Мы закон об оппозиции выдвигали еще в 1996 году, и он был принят в первом и втором чтении, а потом заторможен. Поэтому мы многократно, коммунисты, вносили этот закон, и сейчас, насколько я знаю, вторично направлен он был в Совет министров, чтобы получить заключение, и вроде бы господин Грызлов говорил о том, что мы будем рассматривать его. Хотя при той расстановке сил, которая сейчас есть в Думе, шансов на то, что этот закон будет принят (а без оппозиции вообще никакого парламента нет, с моей точки зрения), не очень много.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Я понимаю, что вы не слишком высоко оцениваете время Бориса Ельцина. Тем не менее все-таки следует признать, что при Ельцине была вполне реальная оппозиция, и

Ельцин до конца никогда не уничтожал своих политических противников. Вы, выйдя из тюрьмы, сумели избраться в Государственную Думу, и никто не давал указаний Геннадию Зюганову не включать Анатолия Лукьянова в список КПРФ или в список одномандатников. Второй пример: Александр Руцкой смог избраться губернатором Курской области. Не думаю, что это сильно нравилось господину Ельцину. Как, например, не сильно ему нравилось и избрание господина Лебедя губернатором Красноярского края или избрание господина Коржакова депутатом Государственной Думы. Сейчас ситуация такая, что нынешняя власть дает оппозиции выбор, извините, от Краснокаменска до Лондона или между Краснокаменском и Лондоном.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Во-первых, должен уточнить, Ельцин с оппозицией расправился так, как никто в мире не расправился. Он расстрелял парламент. Такого не было никогда. И оппозиция тогда составляла целый парламент. Был такой пример в Чили, там был просто президентский дворец. А здесь был целый парламент.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Анатолий Иванович, но никто из парламентариев при этом расстрелян не был.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Они подверглись таким издевательствам, что один из них умер, а вообще, по тем данным, которые есть, которые были опубликованы, скажем, в «Независимой газете», жертв было, по крайней мере, более 500. Вот что такое позиция и его отношение к этому делу. Во-вторых, что касается того, что он согласился на амнистию в какой-то степени, а меня избирали, когда я был еще под судом, избрали депутатом Государственной Думы, то здесь у Ельцина было мало возможностей затормозить этот процесс. Он потом многократно говорил о том, что ему не дали, вовремя приняла решение Дума, которая была как раз оппозиционной, потому что первая Дума была действительно оппозиционной по отношению к Ельцину. Другое дело, что теперь такой оппозиции нет. Но Ельцин оппозицию не открывал. Оппозицию открыл фактически… Ну, я не буду говорить о первых годах советской власти, когда оппозиция была совершенно открытая, до 1922 года, и были левые эсеры, и меньшевики, и максималисты, были все.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: И там-то как раз оппозиция потом была реально расстреляна.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Ничего подобного! Если кто-нибудь расстрелял оппозицию и Учредительное собрание, то расстреляли «белые» как раз, Врангель. Это вот соответствует действительности. А что касается того, как относились к

оппозиции, то оппозиция возникла при Коммунистической партии, возникла Межрегиональная депутатская группа, и мне с ней пришлось очень много работать, в частности, встречаясь неоднократно с академиком Сахаровым.

ОЛЕГ ПТАШКИН: Анатолий Иванович, скажите, пожалуйста, а зачем, в принципе, парламентарии принимают закон об оппозиции? Почему оппозиционные партии не могут самостоятельно работать и препятствовать монополизации власти «Единой Россией», которая сейчас представляет единого монополиста? И еще такой момент. Хотелось бы узнать у вас как у человека, прожившего достаточно яркую жизнь, на какие грабли сегодня наступает «Единая Россия», если сравнивать ее с КПСС?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я думаю, во-первых, что оппозиция — это необходимая часть парламентской работы. Если оппозиции нет или, как заявил недавно председатель Государственной Думы Грызлов, Дума существует не для споров и дискуссий, здесь нечего делать дискуссиям, то мне тогда все ясно. Дело в том, что оппозиция позволяет делать настоящий закон. Во-вторых, оппозиция — это отражение определенных интересов населения, если тесно связаны. Поэтому никаких вопросов о том, что оппозиция нужна, у меня нет. Я недавно был в Греции и видел, как принят был закон об оппозиции, и там он действует.

ОЛЕГ ПТАШКИН: Я прошу прощения, у меня вопрос просто немножко в другом русле. Я говорю о том, почему не могут оппозиционные партии просто действовать на благо народа, отстаивать какие-то народные интересы, а не декларировать свои намерения о действиях путем принятия законов об оппозиции?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Никто не может обвинить коммунистов, и сегодняшних коммунистов и левые силы, что они не отражают мнение определенных слоев населения, прежде всего трудящихся, тех, кто сегодня большинство составляет. Особенно за пределами тех 10 процентов, которые являются правящим большинством. Вот поэтому речь идет о том, что эти интересы выражаются. На множестве законов можно показать, что вносилось и как отклонялось, сказать о том, как действовала оппозиция в первом, вторым созыве Думы, как потом были захвачены позиции в парламенте, во всех комитетах появилась «Единая Россия», которая, давайте говорить прямо, получила на выборах 37 процентов голосов (это вы знаете ведь) и в то же время стала располагать 300 депутатами, двумя третями голосов. Так что тут очень много можно говорить об оппозиции, и она необходима, об это совершенно ясно и четко мы говорим везде,

выражая интересы как раз своих избирателей.

А с другой стороны, могу вам сказать, вы говорите, что партии должны… Мы готовы консультироваться, действовать вместе иногда, когда они голосуют вместе. Тут вопроса нет. А вот что касается выражения интересов, то сейчас в Думе сложилась такая ситуация, при которой практически любое указание президента и любое указание правительства беспрекословно выполняется большинством думским. А потом начинаются изменения, скажем, как было с льготами для пенсионеров и по целому ряду других вопросов. Или, скажем, утвердили форму знамени Победы, сняв с него серп и молот, а потом пошли на попятную, потому что это вызвало возмущение людей. И так достаточно много можно было сегодня говорить о действиях оппозиции, нас выталкивают на улицу. И мы выносим не только этот закон об оппозиции, а мы вынесли закон о референдуме, отстаивали его дважды, в том числе и я, в Конституционном суде.

ВИКТОР ТИМОШЕНКО: Уважаемый Анатолий Иванович, есть фраза, которую приписывают экс-спикеру Украины Александру Морозу. Он говорил: «Кто желает восстановить СССР, у того нет головы, а кто не жалеет об этом, у того нет сердца». Какое у вас отношение к этим идеям?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я хочу сказать, что это ведь воспроизведение известной фразы Черчилля, и относилось оно к совсем другим вещам. Там говорилось: «Я не знаю молодого человека, который не был немножко революционером. Если он не такой, то у него нет сердца. А если он уже серьезный, зрелый человек и тоже продолжает такую деятельность, то у него нет головы, нет ума». Так что это перепев вот этих вещей. Я убежден, что Советский Союз, и братская дружба славянских народов особенно, умышленно был разрушен. Почитайте последние опубликованные в интернете выступления Тэтчер. Я с ней встречался, с этой дамой, и она тогда говорила, что это цель, цель — разрушить эту империю. С моей точки зрения, так или иначе, рано или поздно, при всех политических силах, которые будут сталкиваться и все прочее, союз славянских народов воскреснет. Он как Атлантида, его загнали вниз, но он поднимется. Я убежден совершенно в этом.

Я был не только депутатом Государственной Думы, я был еще депутатом Парламентского собрания Белоруссии и России. Украинская группа приезжала к нам, и она входила в этот союзный парламент, это были представители разных партий украинских, и они мне говорили об этом. Я не сомневаюсь, что нормальные, живые связи, в том числе и экономические, и

политические, культурные связи победят. Не раз славянские народы разобщались и собирались. У нас общая история, общие коллективистские подходы ко всему, связанные прежде всего с православной религией. У нас свои традиции. И еще неизвестно, откуда рождалась Русь — из Киева или еще из каких-то княжеств. Мне кажется, что это победит. И тут я остаюсь оптимистом. И мне кажется, что тот, кто так говорит, прежде всего не имеет сердца.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Анатолий Иванович, во время нашей последней беседы, еще в вашем кабинете председателя Комитета Государственной Думы, мы сказали, что где-то в середине — в конце 80-х, 1986, 1987, 1988 годы к вам пришло осознание, что большой бедой для Компартии было то, что в КПСС были коммунисты и были члены партии. Как вы полагаете, эту беду не КПСС ли сама положила, эту бомбу замедленного действия, требуя от достаточно большого количества населения Советского Союза некого выражения поддержки этих идей, что привело к тому, что люди шли в комсомол для того, чтобы поступить в университет? Вот нельзя было в МГУ поступить, не будучи комсомольцем, на большинство факультетов. Просто нельзя, потому что нельзя. На факультете, на котором я учился, нужно было быть не только комсомольцем, а нужно было еще обязательно характеристику из райкома ВЛКСМ принести.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Это журналистики, что ли?

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Да. Вот как вы полагаете, не привела ли именно такая политика к появлению достаточно большого количества людей, которых вы потом назвали не коммунистами, а членами партии, которым было наплевать на какие-то идеи, им главное было сделать карьеру, добраться до какой-то максимально для них высокой лестницы?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Карьеристы, конечно, были, и не надо это отрицать. Как и в любой партии есть. Они есть в любой партии, и, скажем, та партия «Единая Россия», которая сегодня управляет Россией, она действительно является квазикомпартией. Господин Черномырдин даже заявил: что ни делаем, как ни стараемся, а все КПСС получается.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Да, «какую партию ни строй, все КПСС получается».

Анатолий Лукьянов: Вот беда, понимаете. Я хочу вам сказать, что были беды в самой Компартии, которая доросла до 18 миллионов. Был целый ряд всяких, так сказать, недостатков, в формализме, в поступлении, может быть, в вузы… Хотя я поступал в МГУ — ничего не требовалось. Это был 1948 год, и у меня полкурса было беспартийных, и ничего страшного, они прямо с фронта пришли.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: В 70-е было уже нельзя.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Ну, все может быть, тем более на журналистике, который открылся не очень давно. Но Засурский тогда уже был деканом, я его хорошо знаю, и это был сильный декан.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: И есть, слава богу.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: И принимал он, далеко не всегда соизмеряясь с тем, комсомолец, не комсомолец. Потому что у него свой взгляд на журналистику и журналистов. Но мне кажется, что, да, были недостатки, были колоссальные недостатки, и конечно, что расшатывало партию. Не надо этого отрицать, надо это видеть. Но была сплоченность народа, а не раскол между бедными и богатыми, пропасть, которая сейчас. Была Победа. Был огромный подъем, когда ушел первый космонавт в небо. Был огромный подъем при любом положении, что бы там ни говорила Радиостанция Свобода в свое время. И это был подъем действительно большой! Было единство народа, без которого невозможна была бы Победа над фашизмом. Все это было. Но я не думаю, что это была только единственная причина, внутренняя, партии. Нет, речь шла и о приглушенном национализме и сепаратизме, речь шла о колоссальном давлении извне и сил, которые действовали очень сильно, очень активно. И об этом говорила не только Тэтчер мне, а она прямо говорили это, об этом мне говорил Рейган, с которым я встречался. Были силы извне, которые старались тоже сдвинуть Россию. И нужны были лидеры, которые на это пошли, и в лице Горбачева, и Шеварднадзе, и его окружение, и, скажем, несомненно, Ельцина.

Я прочитал большое интервью Солженицына, очень удивительный документ. Вот если бы ваша радиостанция взяла бы и прочитала просто это интервью журналу «Шпигель», где он дает оценку и Горбачеву, и Ельцину, и тому разлому дикому, который произошел в стране. А ведь это был, так сказать, лидер, это был человек, которого радиостанция «Свобода» превозносила. И мои друзья, и Максимов, и, скажем, Зиновьев, они же все говорили об этом. И теперь, проехав от Владивостока до Москвы, Александр Исаевич говорит совсем другие вещи о том, что произошло в стране. Дело в том, что удар по Компартии, первый, был не только изнутри, но и извне. И почему именно по Компартии? Потому что прекрасно противник понимал, что надо выдернуть этот стержень из федерации. Государство было федеральным, а партия была единой, построенной на принципе демократического централизма. И это был первый переворот, за которым последовал потом переворот антисоюзный, а за этим последовал антисоветский переворот, когда был расстрелян

последний советский парламент.

ВИКТОР ТИМОШЕНКО: Анатолий Иванович, я вас слушаю, и у меня очень противоречивые чувства и интеллектуальные эмоции. Я далек от того, что вы, совершенно мудрый человек, не трансформируетесь как интеллектуал. На ваш взгляд, что ушло, какие стереотипы, может быть, теоретические и идеологические, ушли у вас, а в какие вы стали верить. Например, вы верите в то, что только рынок или в том числе рынок должен дать толчок развитию российской экономики? Вы считаете, что, например, плюрализм идеологий должен существовать в стране? И многие вещи, которые сегодня нам подбросило политическое время, оставив позади то, что было при коммунистах, в советское время.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Вы знаете, я никогда не относил и не отношу себя к ретроградам. Дело в том, что по характеру своему я больше «шестидесятник». Это связано и с течением в целом и в литературе, и в искусстве, и в политике, вот тогда я родился как человек, который с самого начала верил в спор, верил в оппонентов, необходимость оппонирования каких-то идей. И скажу вам, что у меня не было каких-то из-за этого врагов во власти. Без этого, без веры в это мне бы просто невозможно было вести огромную аудиторию съезда, огромную аудиторию съезда народных депутатов, встречаться с Сахаровым, встречаться с Афанасьевым, с Ельциным. Я не тот заскорузлый ретроград, которым иногда меня представляют, нет, это не так.

ВИКТОР ТИМОШЕНКО: Но вы же были функционером, значит, вы были вынуждены с какими-то своими основополагающими идеями, на которых вы стояли, расстаться.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Конечно. Какие-то идеи были, и я могу сказать, что, например, я очень переживал, когда Хрущев разделил Советы на промышленные и сельские. И были разговоры с Брежневым и потом слияние опять, возвращение. Я очень переживал, встречаясь с Алексеем Николаевичем Косыгиным, когда разрушена была его реформа, которая, кстати, имела очень серьезный результат и учета рынка, и учета повышения роли предприятий, и так далее. Нет, я рос и таким остался и сегодня, достаточно терпимым к различным взглядам, но свои взгляды, которые у меня выкристаллизовались за 70 лет жизни, я остаюсь им предан.

ОЛЕГ ПТАШКИН: Скажите, пожалуйста, а как сегодня вы оцениваете реформы, которые проводят в России, в частности — национальные проекты? И насколько здесь эти проекты являются

профанацией, а насколько они являются реальностью?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Видите ли, в чем история, для того чтобы эти проекты действовали, им надо примерно в три раза больше давать ассигнований.

ОЛЕГ ПТАШКИН: И в три раза больше воровать, да?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Когда на все проекты выделяется только такая мизерная, в общем-то, сумма… Ну, что значит мизерная совершенно сумма — 0,4 процента — на село? Ничего не значит. Это раз. Шума будет много, будет посещение всяких хозяйств, похлопывание свиней, дойку коров смотреть будут… Нет, не получится, это уже все было. Речь идет, если говорить всерьез, о том, что значительная часть замороженных средств в стабфонде и так далее должна быть пущена на эти проекты. Во-вторых, для этого должно быть обеспечено очень серьезное государственное внимание и контроль со стороны государства. И третье, надо жесточайший закон, который 6 лет не принимается, о борьбе с коррупцией принимать. Мы этого добиваемся. Поэтому, к сожалению, эти нацпроекты, которые в значительной степени сфотографированы с тех инициатив, которые выдвигала Коммунистическая партия, скажем, по селу, по бесплатному образованию, по здравоохранению, по преодолению бедности.

Я думаю, что эти проекты только в том случае могут получить успех, если на этом будет сконцентрировано внимание государства и подняты самые низы народа, рабочие поймут, пенсионеры поймут, что это их программы. Пока что это программы бюрократии, которая сегодня управляет страной.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Анатолий Иванович, скажите, пожалуйста, на сегодняшний день до какой степени вы остаетесь марксистом?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я могу вам сказать, что я действительно, как профессор, доктор наук, достаточно хорошо знаю марксизм, и очень хорошо знаю такие основополагающие черты марксизма, которые, собственно, остаются еще действующими сейчас. И в то же время марксизм никогда не был застойным, это все время развивающееся учение, в том числе, как и ленинское учение.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Как раз Ленин, да, сказал: «Марксизм — не догма, а руководство к действию».

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Да-да, руководство к действию. И если уж кто-нибудь всерьез пересматривал эти догмы, то, несомненно, это относится и к Ленину, скажем, вся нэповская

программа очень интересная, которую можно было бы вернуть давно. Не надо было уничтожать ни потребительскую кооперацию, на промысловую кооперацию, надо было в этом участвовать, надо было вовлекать людей. Не надо заставлять, чтобы в государственный сектор относился, скажем, сапожник, который тачает сапоги. Но я только хочу сказать, что таким же реформатором марксизма был и Сталин. Мне пришлось очень долго заниматься архивом Сталина, где его рукой многие вещи написаны. Поэтому мне кажется, что есть такие вещи в марксизме, которые очень важны. Скажем, Маркс писал о русской общине, славянской общине, которая дала и Советы, кстати, и которая дала коллективизацию. Это же факт абсолютный. Прошли мимо, а теперь всплыло то, что писал Маркс.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Коллективизацию вы считаете шагом вперед?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: А уничтожение колхозов сейчас — шаг вперед? А то, что мы сейчас получаем 40 процентов продовольствия из-за рубежа, — шаг вперед? Нет, конечно. И коллективизация сама по себе была построена на фоне русской общины. А Советы построены были, в общем, очень интересно. В первой советской Конституции было написано, что низовым органом советской власти является сельский сход, община.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Вы знаете, Анатолий Иванович, я совершенно согласен с тем, что коллективизация на заре советской власти спасла города, спасла промышленность, но сколько людей погибло в деревнях, голодомор на Украине!

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я не собираюсь сейчас оценивать, там можно говорить все, что угодно, и о голодоморе, и потом возводить это в степень какую-то. Да, голод был, но связан ли он только с коллективизацией? Ясно совершенно, что честные исследователи говорят прямо и точно, что это был целый комплекс проблем. Да, были перегибы, да, отбирали зерно у крестьян, да, выселяли так называемых кулаков, все было, не надо отрицать ничего. Потому что всегда забывают опыт революций, опыт Французской революции и те жертвы, которые были, вспомните, опят американской революции с миллионными жертвами и Гражданской войны. Всегда выделяют только одну Россию. Мир этим живет. Тут можно было бы много спорить, у нас просто нет времени, но остается один элемент: русский дух, славянский дух, дух коллективизма, дух рассмотрения общего интереса выше личного, частного интереса победить никто не смог. Кстати, Маркс, который говорил об азиатском способе

производства и о евразийском характере России и славян, был прав. И мне кажется, что здесь и Ленин сам, в частности, и Сталин, и многие марксисты, в частности, Плеханов далеко не присмотрелись к этим очень интересным высказываниям Маркса.

ОЛЕГ ПТАШКИН: Анатолий Иванович, у меня вопрос такой, исторический. Вы, как последний председатель Верховного Совета, когда вы поняли, что это будут последние дни этого Совета и этой системы, какие ощущения ваши личные были?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я могу только сказать, что это началось с избрания меня председателем Верховного Совета, когда отношения между Горбачевым и мною начали накаляться. Потом, для меня не было никакой новости, что так же отношения накаляются и Ельцина с Верховным Советом РСФСР. Я отстаивал право Верховного совета. Я не могу брать на себя вину за развал Советского Союза, хотя это трагедией назвал Путин сейчас, а я хочу вам сказать, что я писал тот вопрос, который был поставлен на референдуме 17 марта 1991 года. Я вел до конца эту политику, Верховный Совет принял решение о том, что вот это решение референдума должно быть основой, а на его основе должен был быть союзный договор. Союзный, а не конфедеративный! И надо сказать, что все больше и больше расходилось мнение мое с Горбачевым, все больше и больше. Вот говорить о том, как и когда… Я только могу сказать, когда я почувствовал, что Горбачев и его окружение уходят от решения референдума в сторону, — когда начались разговоры о консенсусе, любимыми путями сохранить власть. Забыв о том, что народ две трети, даже больше, чем две трети взрослого населения страны и все республик сказали: сохранить Союз.

ВЛАДИМИР БАБУРИН: Анатолий Иванович, я хочу вернуться к своему вопросу из первой части — про коммунистов и членов партии. Я все-таки абсолютно убежден, что и КПСС, и в дальнейшем Советский Союз развалили именно члены партии, не коммунисты, а члены партии. Потому что в какой-то момент критическая масса в КПСС членов партии превысила число коммунистов.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я придерживаюсь своей позиции. Я слушаю все мнения. Развал Союза в значительной степени был результатом действий тех коммунистов и беспартийных, которые были хозяйственниками, которые почувствовали — «мы руководим огромным заводом, а сами ничего не имеем», их деток и всех прочих. Вот этот слой, которому очень захотелось выезда, очень захотелось иметь собственность частную и все прочее, вот

что было. Это было в партии и вне партии. И поэтому мне кажется, что только говорить о том, что это было делом партии, я не могу. Огромную роль играла интеллигенция. Разрушительную роль играла часть журналистов. Это все факт. И вы были свидетелями этого дела. Например, у меня есть выписки из протоколов, где Попов говорит: «Чем хуже им, тем лучше нам. Мы должны…» Он тогда говорит — представляете себе, это 1991 год! — о бархатной революции, о том, что необходимо действовать и довести советскую власть и партию до тех кондиций, когда скажут — «за частную собственность и за развал Союза».

«В России создано Олигархическое государство»

(интервью А.И. Лукьянова «Родной газете», 01.09.2003)

— Анатолий Иванович, какое же государство мы построили за последние 12 лет? Много ли в нем демократии и свобод?

— Если мы откроем Конституцию РФ, то прочтем: Россия — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Но сколько бы ни старались подогнать под это определение нынешнее Российское государство, ничего не получится. Почему? Потому что это государство изначально было предназначено для защиты интересов меньшинства, а не большинства. Правовым оно тоже не является и еще долго таковым не будет. И федеративная основа его также подорвана «удельными князьями» и установлением разного рода «вертикалей власти».

«Демократия» в переводе означает «власть народа», однако в России она находится в руках щепотки общества, 3–4 %, которые вовсе не заинтересованы делиться ею с народом. Это подтверждает сам президент. В марте 2002 года на пресс-конференции с пользователями Интернета он признал, что в последние годы «управление в России принадлежало узкой группе лиц, приватизировавших государственную власть».

В России создано олигархическое государство с суперпрезидентской формой правления. В нем власть принадлежит даже не отечественному, а компрадорскому капиталу. К власти пришли хищники, которые растащили общенародную собственность в ходе ваучерной приватизации и разрушили достаточно хорошо налаженное плановое производство. Они обогатились за счет того, что Ельцин и его команда за бесценок отдавали им целые отрасли экономики.

Крупнейшие гиганты индустрии, нефтегазовые промыслы, шахты, рудники отдавались им за 5 — б% от их реальной стоимости. Обогащение этой кучки избранных и их приближенных произошло благодаря тотальному грабежу большинства населения страны, которое сознательно ввергли в нищету.

В свете сказанного не кажутся ли вам несколько наигранными призывы к консолидации? Кого с кем и на какой основе? Должна ли быть у государства объединяющая идея?

Отвечу так: ни под какие призывы не удастся напялить на Россию камзол либеральной экономики. Российскому государству с его уникальной тысячелетней историей пытаются навязать совершенно чуждую модель, которая изначально противоречит историческому развитию русского народа.

Что мы видим сегодня? Нам навязываются протестантские принципы, которые оправдывают алчность и наживу, индивидуализм ставят выше общественного интереса. Атак называемые общечеловеческие ценности возносят выше национально-патриотических. Получается это в России? Не очень. Общинный дух нашего народа, тысячелетнюю традицию его коллективного бытия переломить через колено не удается. Люди отвергают либеральные реформы, а реформы отвергают людей. Россия вымирает по миллиону человек в год.

Поэтому, если кто-то хочет консолидировать общество, а значит, сформулировать объединяющую всех идею, он должен прежде всего заглянуть в святцы. А идея эта очень простая — спасение и возрождение России как великой державы со своим самобытным стержнем существования. Но тогда у нее не может быть другого характера кроме общинного, то есть власти трудовых масс, власти большинства народа, или демократии. Что, собственно, и записано в Конституции, но нет в реальной жизни.

В политической экономии есть такое понятие, как децильный коэффициент, определяющий соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных слоев населения. За этой пропорцией следят все правительства мира, гарантируя равновесие и стабильность в обществе. Если происходит резкое отклонение — увеличиваются налоги на богатых или зарплата беднейшим.

В СССР децильный коэффициент последние пятьдесят лет удерживался на уровне 1:4. Руководители Китая говорили, что у них это соотношение 1:3. Тогдашний премьер-министр Англии Мэйджор назвал мне цифру 1:7, президент Франции Миттеран — 1:7,5, а президент Рейган — 1:9. Что сегодня в России? Официально это соотношение 1:14, однако академик Львов

считает, что 1:40. Вице-мэр Шанцев утверждает, что в Москве — 1:100. Как в этих условиях «консолидировать» волков и ягнят, олигархов и «голодранцев» — тех, кто обокрал, и тех, кого обокрали? Не получится.

— За десять лет существования нынешней Конституции не прекращается ее критика. В прошлой Думе вы пытались внести в нее поправки и знаете, какое сопротивление это вызвало. Что же все-таки представляет собой Основной Закон РФ — тормоз или залог стабильности?

— Эта Конституция была написана по западным лекалам и имела только одну цель — спасение власти Ельцина и стоящего за ним компрадорского капитала. Разогнав в нарушение Конституции РСФСР Верховный Совет страны, он утратил президентские полномочия, что и зафиксировал Конституционный суд. Вход были пущены танки, и ни на какие законы не оглядывались. В первую очередь — на закон о референдуме, по которому Конституция считалась принятой, если за нее проголосовало не менее 50 % зарегистрированных избирателей.

Однако вопреки закону «волеизъявление» по ельцинскому указу пристегнули ко дню выборов в Госдуму — 12 декабря 1993 года. Сегодня ученые точно подсчитали, что за нынешнюю Конституцию высказались всего 23 % людей, имевших право голоса по действовавшему тогда закону о референдуме. Иными словами, доказать ее легитимность честному юристу невозможно.

Кроме того, наши проамериканские «конституционалисты» ввели провозглашенный Монтескье принцип разделения властей и довели его, как говорил дед Щукарь, «до бессознательности». То есть намертво отделили законодательную власть от исполнительной и судебной, чего в течение 200 лет не допускали русские юристы, всегда считавшие государственную власть единой и неделимой. В результате мы получили совершенно бесправный парламент и не подотчетное ему и народу правительство.

Не делится власть лишь у одной фигуры — у президента. А вообще-то ему за глаза хватило бы одной статьи 80 Конституции, согласно которой президент «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства». В советской Конституции такие полномочия были записаны не за одним лицом, а за целой партией, которая насчитывала 18 миллионов человек и достаточно эффективно управляла страной. Потому-то президенту и понадобилась своя администрация, которая выполняет функции ЦК, тоже сидит на Старой площади, всем

руководит, во все вмешивается и практически ни за что ни отвечает.

А как бы вы определили роль Думы и Совета Федерации в жизни страны?

Фактически никакой самостоятельной роли за ними нет, поскольку результаты голосований и всю их внутреннюю политику определяет администрация президента.

При этом среди депутатов Думы и членов Совета Федерации более 150 прямых представителей олигархического капитала, защищающих интересы крупнейших финансово-промышленных группировок. Позиция фракции КПРФ заключается в том, чтобы верхняя палата избиралась населением соответствующего субъекта Федерации и чтобы выдвиженцы могли отзываться избирателями.

Наши реформаторы выступают знатоками экономики, утверждают, что ее победоносное шествие тормозит забюрокрачивание. И, если бы государство не мешало, она бы семимильными шагами рванула вперед.

Либеральная идея ухода государства из экономики стара как мир. Однако в послевоенные годы в европейских странах удельный вес государственной собственности в экономике резко вырос. Госрасходы от ВВП в США увеличились с 14 до 33 %, в Японии — до 37, в Англии — до 40, в Германии — до 47, в Италии — до 49, а во Франции и Швеции перевалили за 50 %.

Государства всего мира стараются быть владельцами естественных монополий, нефти и газа, чтобы получать доходы и сглаживать разницу в уровнях жизни между бедными и богатыми. И только господин Гайдар через американских советников объявил своим главным лозунгом: «Государство! Вон из экономики!» По его следам идет господин Греф, которому неудобно повторять чужие нелепости, поэтому он говорит о некоей «дебюрократизации экономики». Результат налицо: по уровню потребления Россия откатилась в конец списка самых слаборазвитых стран мира. И самое главное — никакой перспективы вывода ее на передовые рубежи у нынешних реформаторов не просматривается.

Вот почему, на мой взгляд, они тащат страну не вперед, не в XXI век, а на столетие назад, в эпоху первоначального накопления капитала. Поэтому нужно смелее присматриваться к тем силам, которые предлагают свою программу вывода страны из кризиса, которая предполагает усиление роли государства. По нашим опросам, 80–90 % населения страны положительно ответили на

четыре вопроса, которые были предложены для всенародного референдума. Люди высказались за то, чтобы стратегические богатства страны — недра, железные дороги, энергетика, ВПК, космос — принадлежали всему обществу.

Я не знаю, сколько еще можно игнорировать мнение граждан страны. Но даже буржуазные политологи и экономисты признают, что терпение народа при такой пропасти между бедными и богатыми, большинством и обирающим его меньшинством далеко не беспредельно.

Беседовал Александр Головенко

«Сегодня надо, прежде всего, понять — от чьего имени политик выступает и кого защищает»

(Фрагменты радиопередачи. Ведущая Евгения Альбац, Гости: Илья Яшин, Ирина Рукина, Анатолий Лукьянов, Сергей Шаргунов. «Эхо Москвы», 27 ноября 2005 года).

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Добрый вечер. А.И. Лукьянов, как, наверное, помнят наши давние слушатели, в 1987–1988 гг. был секретарем ЦК КПСС, в 1990–1991 гг. — председателем Верховного Совета СССР, сейчас — председатель Консультативного Совета ЦК Компартии РФ, здравствуйте, Анатолий Иванович.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Здравствуйте.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Спасибо, что вы пришли к нам в студи. И дочь Анатолия Ивановича, Елена, баллотируется тоже, она кандидат в Мосгордуму по одномандатному округу. Сегодня в студии Ирина Михайловна Рукина, лидер «Партии Жизни» в Мосгордуме, здравствуйте.

ИРИНА РУКИНА: Здравствуйте Евгения, здравствуйте, уважаемые радиослушатели.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Илья Яшин, лидер молодежного «Яблока», здравствуйте, Илья.

ИЛЬЯ ЯШИН: Добрый вечер.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: И Сергей Шаргунов, руководитель молодежной организации партии «Родина», тоже кандидат в Мосгордуму.

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ: Добрый вечер.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Я хочу заметить, что у нас в студии люди разных возрастов. Разного жизненного и политического возраста. А. Лукьянов в политике уже, как минимум, три десятилетия, И. Рукина с начала 90-х гг., она уже три созыва в Мосгордуме. А И. Яшин и С. Шаргунов лишь недавно начали свою жизнь в большой политике. Первый вопрос А. Лукьянову: как вы оцениваете то, что

сегодня в центре Москвы был разогнан антифашистский пикет?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Мне кажется, что в любом случае во время избирательной кампании, особенно, подготовки, такие повороты событий очень нежелательны.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Такие — какие?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Вот такого сорта, если начинают кого-то преследовать. Практика показывает, что в этом случае обычно как раз может быть обратный результат того, что хотят организаторы и лица, которые стоят за выборами. Я думаю, что самое главное сейчас — выдержка огромная. Чем ближе выборы, тем осторожнее должны быть власти, и, уж по крайней мере, не допускать насилия.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Ваша позиция понятна, спасибо. И. Рукина — антифашистский пикет, как известно, по закону не требуется разрешение, требуется только уведомление. Организаторы подвали заявку на антифашистское шествие, которое было запрещено — шествие в ответ на шествие правых сил 4 ноября 2005 г., и вот сегодня этот пикет достаточно жестоко был разогнан. Ваша точка зрения, как депутата Мосгордумы?

ИРИНА РУКИНА: Евгения, меня это нисколько не удивляет. Я в состоянии войны нахожусь на протяжении всей выборной кампании. На этой же неделе было еще подобное событие — когда в моем округе буквально два дня штурмовали здание, все силы были стянуты — и милиция, и альпинисты, и МЧС, чтобы снять баннер «Российской партии Жизни» и нашего кандидата в третьем округе. В конце концов сняли. Это частный, режимный объект, институт, единственный баннер, который нам удалось разместить в Москве. Потому что все было куплено еще летом «Единой Россией» — управами, префектурами. Поэтому мы находимся в состоянии буквально войны. Наших кандидатов арестовывают, отвозят в милицию, чтобы сорвать встречи с жителями во дворах, потому что кроме дворов мы нигде не можем встречаться — только дворы. Я считаю, что это определенная агония и страх, нет других определений подобным действиям.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Спасибо. С. Шаргунов, лидер молодежной «Родины» и кандидат по какому округу?

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ: Знаете, я иду по 10 избирательному округу, по списку партии «Родина», одномандатником там выставлен Евгений Балашов, и с ним происходит нечто подобное, что было рассказано. Только что удивительно — что «Партия жизни», которая до этого представлялась мне определенной, я бы сказал, младшей сестрой партии власти, происходят вот такие приключения. Должен заметить, что вчера порядка 200

активистов союза молодежи «За Родину» были задержаны опять-таки силами правопорядка. Омоновцами — за наш пикет, который мы проводили у здания Мосгорсуда. И не столь давно жестоко были избиты депутаты от партии «Родина». Кстати, от партии СПС, КПРФ в г. Воронеже, где происходили акции против съезда так называемых «единоросиков», которые довольно кощунственно обозначили себя как «Молодая гвардия». Так вот всех свирепо били, я сам провел около 20 часов в Воронежском КПЗ, и так далее. Я считаю, что речь идет не о том, что власть способна одуматься, или быть осторожной, как надеется глубоко чтимый А.И. Лукьянов. Я думаю, что речь идет о том, что власть наглеет, и намерена защищать любые политические силы. Вот эта зачистка осуществляется сейчас повсеместно.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Спасибо. И. Яшин — ваше объяснение — какой был смысл власти сегодня разгонять пикет. В тот самый момент, когда люди скандировали «Фашизм — не пройдет», и были подняты плакаты с призывом остановить фашизм, и развевались флаги Российской Федерации, людей тащили в автобусы прямо с флагами. Потом флаги эти бросали, топтали, и так далее. Объясните.

ИЛЬЯ ЯШИН: Знаете, в Москве постоянно разгоняют разные пикеты, митинги и демонстрации, более крупные, более мелкие — все мы об этом прекрасно знаем. Я сам становился неоднократно участником таких вот запрещенных и разогнанных пикетов, сам неоднократно имел дело с омоновцами, с милиционерами. И каждый раз, после очередного разогнанного демократического митинга, во мне вскипала буквально гамма чувств — я испытывал возмущение, ярость, и так далее. Вот в этот раз ничего такого нет. В этот раз у меня только одно чувство — мне очень стыдно за то, что произошло сегодня у московской мэрии. Потому что в стране, которая потеряла столько миллионов своих сограждан в борьбе против фашизма…

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: 27 миллионов.

ИЛЬЯ ЯШИН: Когда ОМОН совершенно безумный, со стеклянными глазами — автобусы ОМОНа пускают на пожилых людей, на молодых людей, на студентов. На людей среднего возраста, которые стоят с антифашистской символикой, которые развернули плакаты антифашистского содержания, и в это же время у рынков Москвы выставляют 37 пикетов откровенно фашистских, которые основным своим лозунгом выдвигают «Понаехали тут, пошли вон из Москвы, это наша Москва» — и вот на этом фоне разгоняется митинг, интеллигентный митинг, на который собрались интеллигентные люди для того, чтобы выразить свою антифашистскую позицию — конечно, здесь даже

ни о каком возмущении речь не идет.

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ: Надо заметить, что у рынков люди тоже «винтели».

ИЛЬЯ ЯШИН: Ни о каком возмущении речь не идет. Просто очень стыдно за то, что сегодня происходило в Москве…

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: А. Лукьянов — вот вы человек очень многоопытный в политике, и мы с вами, в известной мере, много пережили вместе — я работала в газете «Московские новости» в то время, как вы были секретарем ЦК КПСС, а потом возглавляли Верховный Совет. И я помню наши митинги, и нам было с вами не легко. Но все-таки я честно вам скажу — я не помню такого разгона, который был сегодня. Скажите, ваша точка зрения по поводу того, что Мосгорсуд снял с выборов партию «Родина» — что вы думаете по этому поводу?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я думаю, что в данном случае пусть разбирается Верховный суд. Но с моей точки зрения, конечно, это не повод был, который — зацепились и передали в суд. Это никакого сомнения у меня нет. Это политический шаг, чтобы снять с выборов еще одного, очень серьезного для Москвы, конкурента. Что касается митингов. То вы, наверное, помните майский митинг, майское шествие 1993 г.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Помню, конечно.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Вот я был одним из участников — когда впервые лужковские ребята с водометами обрушились на это шествие, была кровь, было все. И я это прекрасно помню. Но после этого гораздо больше было людей, которые поддерживали левых, поддерживали оппозицию, поддерживали коммунистов. Я хочу вам сказать, что и этот шаг сегодняшний и то, что снимается «Родина», с моей точки зрения, только усилит позиции тех, кто выступает с оппозиционных левых позиций в нашем движении…

Сегодня, если вы говорите о разных поколениях политиков, то сегодня надо, прежде всего, понять от чьего имени политик выступает, и кого защищает. Я, например, понимаю хорошо, что в любом случае любая партия сегодня будет опираться на молодое поколение. Вот то раздраженное молодое поколение, которое сегодня принимает все удары и готово отвечать. И я думаю, что в этом случае мы, старшее поколение политиков, тот, кто понимает ситуацию, будут вместе с этой молодежью. И это очень важно. И это для партии, для коммунистов сейчас — мы об этом написали в нашей программе — мы будем вместе. И будем стараться не спорить сегодня, потому что мы имеем практически единый фронт «Единой России» и ЛДПР, а будем действовать вместе, защищая интересы и избирателей, и граждан, и молодежи, и стариков.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: Анатолий Иванович, вместе — против кого, и вместе — с кем?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Я думаю, что мы готовы сотрудничать, несмотря на все различия наших взглядов — это не исключается — с теми силами, которые за честные выборы, — и такое движение есть. С теми силами, которые вот на такие провокации будут отвечать так, как может молодежь и так, как могут те отвечать. И, прежде всего, будем с теми силами, которые сегодня в Москве чувствуют себя ущербными. Я открыл газету парламентскую — сегодня в Москве 20 % людей, живущих за пределами прожиточного минимума. Что это такое?

ИРИНА РУКИНА: За чертой бедности.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Это что такое? Это 2 млн. человек. И разница между 10 % богатых и 10 % бедных…

ИРИНА РУКИНА: В 53 раза.

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: В доходах — 52,5 раза. Эта вот эта разница говорит о том, что зреют силы, в том числе, молодые силы, я это вижу в университете, где преподаю, и приходит очень много молодых ребят — зреют силы. Которые этого терпеть не будут. И мы, коммунисты. Будем это всемерно поддерживать.

ЕВГЕНИЯ АЛЬБАЦ: То есть, я правильно понимаю, что вы ратуете за тол, чтобы в политику пришли новые молодые лица, «не поротое поколение»?

АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ: Они потом поймут, молодые лица, что надо обязательно использовать опыт стариков. Опыт людей, которые уже сейчас поработали…

«Нам не следует отдавать понятие «демократия» на откуп тем, кто использует это слово для прикрытия подлинной сущности современного буржуазного строя»

Интервью в газете «Правда». 25.07.2008

Писатель-историк Юрий Васильевич Емельянов и доктор юридических наук профессор Анатолий Иванович Лукьянов дают свою оценку проекту новой редакции Программы КПРФ.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Вопросы, выдвигающиеся в ходе дискуссии по проекту новой редакции Программы партии, касаются прошлого нашей страны, ее настоящего и ее будущего. Естественно, в центре внимания находятся вопросы о том, как должны действовать коммунисты, чтобы возродить власть

трудящихся, и возможен ли мирный путь прихода к власти. В связи с этим часто поднимаются проблемы отношения к государству, парламентаризму и к понятию «демократия» в целом.

Сегодня такие вопросы волнуют многих людей. После прошедших выборов и перестановок в руководстве страны началась дискуссия о том, будет ли Россия по-прежнему президентской республикой, или же произойдет поворот к парламентской республике. Кроме того, у многих товарищей вообще возникают сомнения: следует ли нам использовать само понятие «демократия», которая оказалась во многом дискредитированной «благодаря» политике современных либерал реформаторов? Ведь в ходе последних опросов населения лишь 36 % участников заявляют, что демократия — это наиболее предпочтительный для России политический строй.

При этом от понятия «демократия» иногда спешат отвернуться даже некоторые наши сторонники. Показательно в этом отношении поступившее в газету письмо Г. Чернова, который считает, что «демократия всегда была эксплуататорским обществом…Поэтому демократия, ни подлинная, никакая другая, не может быть ни ранней, ни зрелой, никакой формой социализма». Как вы думаете, что можно ответить тем, кто разделяет подобные взгляды?

А. ЛУКЬЯНОВ. Я бы ответил, что нам не следует отдавать понятие «демократия» на откуп тем, кто ныне использует это слово для прикрытия подлинной сущности современного буржуазного олигархического строя и своих корыстных целей. «Демократия», или, в переводе на русский язык, «народовластие», — это общественный строй, возникший в далекие времена как средство коллективного решения вопросов жизни общества. С появлением классов она, естественно, стала носить классовый характер. Ленин учил: «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, можно говорить только о классовой демократии».

История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной. Большевики раньше других поняли, что России нужна именно такая власть, которая объединяет самые широкие слои трудового народа. Октябрьская революция превратила Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в органы государственной власти в центре и на местах. Рухнула глухая стена между законодательной и исполнительной властью, общегосударственной властью и местным самоуправлением,

между депутатами и избирателями. Этот принцип был закреплен в первой Советской Конституции, девяностолетие которой мы отметили 10 июля. В ней особо подчеркивалось, что Советы могут принимать к своему рассмотрению «все вопросы, которые сочтут подлежащими их разрешению». Это означало установление верховенства представительных органов над всеми другими органами власти. Органы, выражающие волю всего населения, становятся главным звеном государственного механизма. Это и есть демократия по существу. Причем она была теснейшим образом связана со знанием депутатами интересов трудовых коллективов и всех избирателей, которые давали депутатам свои наказы, контролировали их исполнение и могли в любое время отозвать депутата, если он не оправдает оказанного ему доверия.

Демократия — это широкое понятие. Она не ограничивается деятельностью представительных органов. Ее неотъемлемой частью являются формы прямого народовластия: референдумы, всенародное обсуждение законопроектов, собрания, митинги, заявления и обращения к органам власти — словом, все, что связано с инициативой и самодеятельностью граждан.

Все эти вопросы тщательно обсуждались в ходе подготовки Конституции 1936 года при активном участии И.В. Сталина. Уже во второй статье Конституции, над которой Сталин работал особенно тщательно, было записано, что вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Кстати, нынешняя пропаганда старательно внедряет в сознание людей иное представление об авторстве Конституции 1936 года. В одной из популярных телепередач ее участник даже получил лишний, балл, когда назвал автором этой Конституции Н. И. Бухарина.

А. ЛУКЬЯНОВ. Бухарин работал в одной из подкомиссий по подготовке Конституции. Его главное предложение состояло в том, чтобы предпослать тексту Конституции Декларацию прав и обязанностей граждан СССР. Сталин же понимал, что суть социалистической демократии состоит не в декларировании, а в реальном обеспечении прав человека в обществе. Поэтому он отверг предложение Бухарина и настоял на том, чтобы права советского гражданина были закреплены непосредственно в статьях Конституции. Причем не просто провозглашены, но и самым подробным образом гарантированы. Так впервые в мировой практике в Основном Законе страны появилось право на труд, на отдых, на бесплатное образование и охрану здоровья, на социальное обеспечение в старости и на случай болезни. Либеральные критики Сталина до сих пор кричат, что эти права и

свободы никак не согласуются со свободой частного предпринимательства и рыночными отношениями. Зато со сталинским подходом к демократии и власти трудящихся они согласуются в полнейшей мере.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Это означает, что в Конституциях СССР был закреплен принцип: «Власть народа, из народа и для народа». Известно, что этими словами из послания Авраама Линкольна американская пропаганда характеризует современную государственную систему США, противопоставляя ее «тоталитарной системе» Советской власти. Ныне обвинения в несоблюдении в СССР этих принципов бесконечно повторяются в пропагандистских материалах о советской истории и в сотнях учебников, по которым учат школьников и студентов. Так, в учебнике «История России» под редакцией П. Самыгина для средних и профессиональных школ есть специальная глава под названием «Становление тоталитарного режима в СССР в 30-е гг. XX в.». В ней перечислены «основные признаки», якобы характерные для советского строя: «Государство не просто вмешивается в экономическую, политическую, социальную, духовную, семейно-бытовую жизнь общества… Оно стремится полностью подчинить, огосударствить любые проявления жизни» и установить «полное бесправие человека. Политические свободы и права зафиксированы формально, но реально отсутствуют». И так далее в том же духе.

А. ЛУКЬЯНОВ. Здесь нечему удивляться. Подобные обвинения сыпались на нас при Советской власти, сыплются и сейчас. Причем во многих случаях из уст тех деятелей, которые в прошлом с пеной у рта «боготворили» социализм. На деле же это — откровенная, преднамеренная ложь. Ведь только за первые десять лет Советской власти 27 миллионов человек прошли у нас настоящую школу управления, участвуя в работе Советов. Это была школа справедливости, школа защиты народных интересов и преемственности исторического развития нашей страны. Кстати, об этом не раз открыто заявляли противники советского строя. Так, например, бывший член Временного правительства В.Н. Львов писал: «Совет есть осколок общинного управления и потому понятен народу… Советская власть есть национальная революционная власть, созданная самим русским народом. Днем гибели России будет крушение Советской власти». Как говорится, как в воду смотрел этот бывший обер-прокурор Святейшего синода.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Возвращаясь к дискуссии по проекту новой редакции Программы КПРФ, хотел бы заметить, что многие коммунисты подчеркивают необходимость четко сказать о

возрождении Советской власти. Так, В. Пузий пишет: «Возвращение народовластия в лице Советов, следует заранее сказать, означает, что будет восстановлена прежняя полнота представительства трудящихся и их депутатов на безвозмездной основе».

А. ЛУКЬЯНОВ. Нельзя не согласиться с этим предложением. С самого начала люди труда, рабочие и крестьяне составляли основной костяк Советов. Причем многие из этих так называемых рядовых депутатов могли дать фору некоторым профессионалам. Они прекрасно разбирались в таких сложнейших документах, как бюджетные ассигнования, основы гражданского, административного, трудового законодательства и других отраслей права.

Помню, как принимался в Верховном Совете СССР проект закона о пенсиях для колхозников. Закон готовился в правительстве с участием многих специалистов. Однако целый ряд вопросов колхозной жизни был решен в общем и целом, без учета ее специфики. Тогда на сессии четыре депутата, председатели колхозов, выступили и сказали, что тот проект, который внесло правительство во главе с Хрущевым, не годится и принимать его нельзя, поскольку он не вполне учитывает интересы крестьян. Их поддержали другие депутаты — шахтеры, металлурги, врачи, представители иных профессий.

Н. С. Хрущев негодовал: «Как же так? Ведь закон был уже одобрен правительством и Политбюро?» Но депутаты стояли твердо, и ему пришлось отступить. Была создана комиссия во главе с К.Т. Мазуровым. Мне пришлось работать в этой комиссии, которая в конечном счете приняла решение изложить четыре статьи закона так, как предлагали депутаты. Вот пример того, как важно знание жизни, производства, запросов людей, инициатив, идущих снизу. И в этом была величайшая сила Советской власти.

Депутат избирался от трудовых коллективов. А в трудовом коллективе видно, кто он, как себя ведет, как защищает интересы людей труда. Мы имели более двух миллионов депутатов Советов всех ступеней. Они получали огромное число наказов, принимали их к своему исполнению. Депутаты все время находились под внимательным взглядом своих товарищей, своих коллективов, которые могли их не только поддержать, но и отозвать. Достаточно сказать, что всего за одно десятилетие избиратели отозвали 12 депутатов Верховного Совета СССР, 142 депутата Верховных Советов союзных и автономных республик и около 11 тысяч депутатов местных Советов. Вот что такое Советская власть.

Разгром Советской власти в 1991–1993 гг. сопровождался заявлениями о том, что нам нужны только профессиональные

депутаты. Число депутатов в России сократилось в 300 раз — с 1,5 миллиона до 4 тысяч (причем лишь пятая часть их работает в органах власти на постоянной основе). Казалось бы, наконец мы имеем профессионалов, которые знают, как управлять государством. Но получилось, что законы, отвечающие интересам трудящихся, даются им с великим трудом. Гораздо лучше и настойчивее они защищают интересы богачей и олигархических объединений. «Пивные короли» через «своих» депутатов пробивают рекламу пива. «Алкогольные короли» добиваются, чтобы у них были развязаны руки. Рыбные корпорации отстаивают проведение рыбных аукционов.

Металлургические магнаты создают систему сбора металлолома, в результате чего растет преступность и гибнут люди. Это усилиями депутатов — лоббистов олигархического капитала был установлен одинаковый 13-процентный подоходный налог и для миллионера, и для еле сводящих концы с концами школьного учителя, медсестры — и для несчастного, и для себя. Вот что значат разрушение Советов, отказ от полноценного представительства в органах власти людей труда.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Именно поэтому Е.К. Лигачев в своей статье о проекте Программы КПРФ предлагает четко записать, что «в стране насильственно сформирована власть крупной буржуазии и ее верхушки в лице олигархии и высшей госбюрократии».

А. ЛУКЬЯНОВ. Егор Кузьмич совершенно прав. Взгляните на состав Государственной думы. По подсчетам аналитиков, за годы существования Думы среди ее депутатов было всего 9 рабочих, 14 крестьян и около 50 врачей и учителей, занятых своей профессией. Но зато депутатами являлись более 400 предпринимателей и других представителей крупного и среднего капитала (в том числе такие, как Березовский, Абрамович, Брынцалов, и другие миллиардеры и миллионеры). Господство олигархов в системе управления признают они сами. Как здесь не вспомнить бывшего депутата Госдумы господина Березовского, который без стеснения заявлял: «Власть в России нанимается капиталом, и форма этого найма называется выборами. В то же время капитал должен защищать себя сам. Поэтому очень важно, чтобы те люди, которые считают себя предпринимателями, капиталистами, сами пошли на этот период во власть. Во всяком случае, отныне и навсегда голодранцы управлять Россией не будут».

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. О том, что народ сознает свое безвластие, свидетельствуют, например, данные опроса, проведенного компанией «Ромир мониторинг». Оказалось, что лишь 1,2 % опрошенных полагают, что «реальная власть в России»

принадлежит народу. А это означает, что почти все остальные опрошенные не считают, что в стране существует народовластие, то есть демократия. Зато 40,3 % ответили, что «реальная власть принадлежит крупному капиталу, олигархам», 21,2 % — что она «принадлежит президенту», 12 % уверены, что реальная власть находится в руках «организованной преступности», а 8,9 %— что она «у чиновников, бюрократии». Таким образом, хотя у участников опроса не было единого мнения относительно того, кто держит в руках бразды правления, подавляющее число опрошенных приходят к выводу, что народ отстранен от реальной власти.

А. ЛУКЬЯНОВ. Неудивительно поэтому, что авторы многих писем, поступающих в Программную комиссию, ставят вопрос: «А стоит ли вообще использовать буржуазный парламент как инструмент борьбы за реализацию требований народа?» Как известно, перед последними выборами в Думу шли также предложения о том, что нам не надо в них участвовать. Сейчас же поступает немало писем с призывами вообще игнорировать нынешний парламент.

Но вспомним, как на это смотрел Владимир Ильич? Не отрицая необходимости в определенных условиях прибегать к бойкоту буржуазного парламента, он называл отказ от работы в нем на все времена «ребячеством». Ленин подчеркивал, что коммунисты должны научиться работать в буржуазном парламенте. В своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал, что «участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне обязательно для партии революционного пролетариата». И совершенно прав Ю.П. Белов, когда в своей недавней статье в «Советской России», ссылаясь на ленинские указания, пишет, что российским коммунистам предстоит долгая и трудная борьба в нынешнем буржуазно-олигархическом парламенте. Она по сути своей есть форма острой политической, классовой борьбы, в которой недопустимы никакие компромиссы с властью при защите интересов трудящегося большинства. Об этом, как считает Белов, надо прямо и ясно сказать в новой редакции нашей партийной Программы.

Победа Октябрьской революции привела к провозглашению Республики Советов. С тех пор прошло немало лет, но и сейчас отечественные и зарубежные критики пытаются изобразить ее как нечто несовместимое с парламентским строем.

Но давайте вновь внимательно вчитаемся, что по этому поводу говорил вождь Октября — Ленин. Он подчеркивал: «Если наиболее совершенным и передовым из буржуазных государств

является тип парламентской демократической республики, то Советы дают возможность соединения выгод парламентаризма с прямой демократией, то есть соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов». Причем это не просто рассуждение. Этот принцип был закреплен 4 ноября 1917 года в резолюции Всероссийского ЦИК Советов. В ней подчеркивалось, что «советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом». Значит, по «своим методам», по разделению властей советский парламент и буржуазный парламент стоят на противоположных позициях. Но это вовсе не мешает представительному органу Советской власти именоваться советским парламентом рабочих масс, соединяющим выгоды парламентаризма с прямой демократией.

Такое понимание роли парламентских учреждений в Советской республике было сквозной идеей Конституций 1918 и 1924 годов. К этому вопросу Коммунистическая партия вернулась и тогда, когда Советская власть уже окончательно упрочилась и победила.

В свое время, выполняя поручение руководства страны, мне довелось несколько месяцев изучать архивные материалы, касающиеся работы Сталина над проектом Конституции СССР 1936 года. В этих материалах сохранилась короткая запись выступления Сталина перед членами Конституционной комиссии. В ней говорилось: «Съездов не будет… Президиум — толкователь законов. Законодатель — сессия (парламент)…

Исполком не годится, съездов уже нет. Совет депутатов трудящихся. 2 палаты. Верховное законодательное собрание». Расшифровывая это сталинское выступление, на VII Всесоюзном съезде Советов в докладе о проекте Конституции В.М. Молотов говорил, что речь идет о «движении к своего рода советским парламентам в республиках и к общесоюзному парламенту».

Именно так и решалась эта проблема в Конституции 1936 года, а затем в Конституции нашей страны, принятой в октябре 1977 года. Да, Верховные Советы Союза и республик превращались в парламенты, но в парламенты советского типа. А это значило, что Верховный Совет СССР оставался высшей властью в стране. Он избирал свой Президиум, выполняющий в период между сессиями так называемые президентские функции, формировал правительство, которое было подотчетно и ответственно перед Верховным Советом. Сохранялась система Советов на местах. Оставались в неприкосновенности подотчетность депутатов своим избирателям и возможность для населения отзывать их в случае невыполнения наказов

избирателей. Главной базой формирования депутатского корпуса в центре и на местах оставались производственные коллективы в городе и деревне.

Вот почему становилось возможным говорить о «советском парламенте», а значит, и о том, что наше государство по своей форме являлось демократической республикой с особой организацией народного представительства, республикой советского типа.

Стало быть, попытка новоявленных толкователей 70-летнего периода Советской власти как некоей «черной дыры» в развитии народного представительства является преднамеренной фальсификацией нашей истории и заведомой клеветой на прошлое нашего народа. Показательно, что с такой трактовкой российской истории не смог согласиться даже спикер нынешней Государственной думы Борис Грызлов. В своем докладе о столетии российского парламентаризма он вынужден был включить съезды Советов, ЦИК и Верховный Совет СССР в общую цепь парламентских учреждений, обеспечивавших «представительство всех социальных групп населения, создавших весьма стройную правовую систему и механизм взаимодействия депутатов и избирателей». В связи с этим, со вздохом отмечал Б. Грызлов, в нынешней России «многие избиратели положительно оценивают те или иные стороны советской системы, прежде всего — высокую социальную защищенность, и высказывают недоверие новым политическим институтам». Что ж, как говорится, от правды никуда не уйдешь.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Но тут возникает вопрос, как сочетаются эти заявления о полноте власти парламента с нынешней суперпрезидентской властью, а теперь еще и с возрастающей ролью правительства. Ведь в ходе дискуссии по проекту новой редакции Программы партии не раз ставился вопрос о необходимости вообще отказаться от института президентства. В.В. Пахомов, например, пишет: «Неужели страна не сыта президентством? Да если это государство советского типа, то во главе его должен стоять коллегиальный орган по аналогии с Президиумом Верховного Совета. И ни в коем случае не должно быть «всенародно избранного» индивидуума, которым могут управлять различные группировки: «семья», «питерцы», олигархи и пр.».

А. ЛУКЬЯНОВ. Такие мысли не раз высказывались и в других письмах в Программную комиссию. Их авторы говорят, что президентство несвойственно Советской власти и что от него надо решительно отказаться. В то же время другие товарищи считают, что «пока стране нужен президент. Но он должен

отчитываться перед представительным органом».

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. Как известно, по поводу президентства очень четко высказался Сталин в своем докладе о проекте Конституции 1936 года. Выступая против дополнения к 48-й статье проекта, в котором предлагалось установить, чтобы Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР избирался не Верховным Советом СССР, а всем населением страны, Сталин говорил: «Я думаю, что это дополнение неправильно, ибо оно не соответствует духу нашей Конституции. По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный — это Президиум Верховного Совета, включая и Председателя Президиума Верховного Совета, избираемого не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей».

А. ЛУКЬЯНОВ. Обратите внимание на точность этого предсказания Сталина. Как только президент России стал избираться населением отдельно от парламента, все это закончилось расстрелом Дома Советов из танковых пушек и разгоном органов Советской власти по всей стране.

Практика показала, что, когда президент избирается отдельно от парламента, руки его оказываются развязанными. Опираясь на свои безбрежные полномочия, закрепленные в Конституции, он может игнорировать любую инициативу депутатов, общественности и народа в целом. Не об этом ли говорит, например, плачевная судьба закона о борьбе с коррупцией, которая теперь объявлена в России главным злом? Как известно, этот закон еще шесть лет назад был принят парламентом в трех чтениях и похоронен одним росчерком пера Ельцина.

Вот почему в проекте новой редакции Программы КПРФ подчеркивается необходимость в целом преобразования президентской республики в республику советского типа и расширения контрольных полномочий парламента и других представительных органов в отношении правительства и всего аппарата исполнительной власти. Опираясь на весь исторический опыт советского народа, наша партийная Программа принципиально ставит вопрос обеспечения максимально возможного представительства трудящихся в органах власти и местного самоуправления, защиты прав трудовых коллективов и

создания всех условий для самоорганизации, самодеятельности и самозащиты граждан от любого произвола. При этом особое внимание уделяется демократизации избирательной системы и решительному пресечению влияния на выборы «денежного мешка» и административных рычагов, а также восстановлению возможностей отзыва депутатов избирателями.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ. В стране, где президент и правительство обладают практически неограниченными полномочиями, трудно рассчитывать, что парламент сумеет им противостоять. Поэтому так важно сегодня развитие всех форм внепарламентской борьбы оппозиции и самых разнообразных организаций и массовых движений граждан.

А. ЛУКЬЯНОВ. Да, как говорил Ленин, «действия масс выше парламентской деятельности». Поэтому работа наших депутатов в парламенте не может быть плодотворной без глубокого знания интересов и запросов масс, опоры на народные массы и их движения.

Показательно в этом отношении, что на состоявшемся в конце июня пленуме Центральный Комитет КПРФ в единой связке обсудил вопрос о повышении ответственности депутатов-коммунистов, работающих в представительных органах власти, и о консолидации всех патриотических сил в ходе массовых протестных действий. Неразрывное единство этих двух частей работы партии в современных условиях — залог того, что коммунистам, их сторонникам и союзникам только так можно успешно противостоять нынешнему правящему режиму.

С учетом этого новая редакция Программы КПРФ, ставящая в центр внимания активизацию всей работы партии в массах, действительно станет важнейшим документом, освещающим историю и перспективы нашей борьбы за интересы миллионов людей труда.

Приложение
Некоторые документы и материалы работы Верховного Совета СССР в 1990–1991 гг., депутатских групп, июльского (1991 г.) Пленума ЦК КПСС

Единство союза на основе единства Советов

(из выступления на учредительном съезде Всесоюзного объединения депутатов всех уровней «Союз». 2 декабря 1990 года)

Когда я ехал сюда, то думал, насколько важно сейчас объединение сил и усилий депутатов Советов всех уровней — от Верховного Совета до сельского. В свое время Ленин говорил, что наш Союз — это система Советов, федеральным союзом скрепленная. Он прекрасно понимал в то время, что объединение депутатов Советов всех степеней сохраняет союз народов. Эта идея, идея единства системы Советов, на основе демократического централизма построенной и федеральным союзом скрепленной, — эта идея проходит через многие выступления Владимира Ильича. Сейчас страна переживает большие трудности, и совершенно ясно, что в прошлом коренятся многие наши беды. Еще в январе 1983 года Юрий Владимирович Андропов показал на цифрах, в какую пропасть мы катимся. Но было бы неправильным только с прошлым связывать наши нынешние беды. И в настоящем сделаны ошибки, просчеты, недоучтены многие особенности. Об этом надо говорить прямо. С другой стороны, это результат не только просчетов, ошибок руководства, одного-двух человек. Это просчеты и ошибки многих людей, потому что в такой сложной обстановке мы никогда с вами не жили.

Безусловно, раньше мы имели прочную централизованную партийную структуру, которая позволяла скреплять и Союз, и систему управления, держать очень высокую степень ответственности. В ходе перестройки мы ослабили в значительной степени партийную структуру, но не подготовили адекватную структуру государственных органов, не создали стройной системы ответственности, которая необходима при любой демократии. В такой обстановке неизбежно раскачивание

дисциплины, разбалансирование экономики, растаскивание ее по местным, республиканским и прочим углам.

Мы стоим за обновленный социализм и от этой позиции отступить не можем. Мы за такой социализм, который имеет саморегулирующуюся экономику, многоукладную, разнообразную, с разными видами собственности, но в целом единую. Общественный сектор обновленной экономики в полной мере будет сохраняться и развиваться, но уже с иным содержанием, будет преодолеваться отчуждение человека от экономики, от хозяйства, от производства. Это очень существенно. Возможны вполне и частное хозяйство, индивидуальная, предпринимательская деятельность, но она будет действовать в той сфере, в которую крупное государственное хозяйство не доходит, не справляется, где оно не обеспечивает интересы человека. Отсюда — четкое отношение к государственной, общественной собственности на землю. Наша позиция — нельзя превращать землю в объект купли-продажи.

Теперь — что касается Союза, обновленного по форме и содержанию. Мы — за такой Союз, за возрождение и развитие каждой национальной культуры, национального языка, национальных особенностей. За равноправие народов и равноправие государственно-национальных образований. Но — за федеральный союз народов, а значит — за суверенное союзное государство, состоящее из суверенных республик. И не надо так представлять, что Союз — это лишь совокупность государственных образований. Союз — это объединение республик. Союз — это их совместные функции, без которых не может жить страна. Союз — это отражение тех интеграционных процессов, которые происходили в течение 70 лет. И отступать с этой позиции мы не собираемся. С другой стороны, мы за то, чтобы в этой федерации каждый гражданин являлся гражданином республики и одновременно Союза ССР. Но чтобы каждый человек мог чувствовать себя на территории всех республик, всех национальных образований свободно, как дома.

Следующая наша позиция — сохранение и наращивание всех сфер, всех необходимых атрибутов законности и правопорядка. На смену административным указаниям, на смену произволу, всеволию и вседозволенности должен везде прийти закон. Не война законов, а общая война за законность в стране. Это очень трудно, но это нужно сделать. И я думаю, что если мы встретим здесь вашу поддержку — это будет очень хорошо. Конечно, в каждой республике эти вопросы будут решаться по-разному. Единого рецепта государственное руководство по всем вопросам не имеет, да это было бы и безрассудным в 300-миллионном

обществе. С другой стороны, есть сложившиеся позиции, сложившиеся не сразу, ибо было бы неправдой сказать, что в апреле 85-го мы точно и подробно видели, куда мы идем и с чем столкнемся. Но решимость была и остается.

Наконец, последнее. Мне кажется, что вы, дорогие товарищи, должны очень четко и очень ясно представлять себе ту социально-политическую ситуацию, в которой мы живем, и те течения и движения, в которых вы работаете. Это сложный вопрос, но мне хотелось бы свою позицию обозначить. Сейчас мы имеем довольно ощутимую тенденцию к тому, что у людей наметилась определенная аллергия к громким речам и обещаниям, которых только в процессе выборов было дано чуть ли не на 3 триллиона рублей. Люди начинают понимать цену обещаниям, цеиу митинговой демократии. Одновременно наметилось движение к объединению всех патриотических, гражданских сил вокруг центра. И мы очень рассчитываем, что ваше объединение депутатов будет в числе этих сил и перед Съездом, и на Съезде, и в процессе осуществления его решений. В то же время продолжают отпочковываться, все более ясно выражаться другие силы. Вот возникли во всех союзных, автономных республиках национальные движения. Они возникли потому, что социальные партии, опирающиеся на какие-то слои общества, создаются медленно. Национальный же фактор — вещь более динамичная. Но посмотрите, что зачастую происходит. На смену совершенно обоснованному стремлению к национальному возрождению приходит сила националистическая, нередко с коричневым оттенком, которая становится уже реальной опасностью. С другой стороны, ряд партий и объединений исповедуют отказ от федерации, от провозглашения нашего Союза. Они ниспровергают многие приоритеты общественной собственности в пользу частной собственности, причем она выходит на первый план.

Вам предстоит очень трудная борьба, чтобы не скатиться ни вправо (вы меня простите, а это чувствуется иногда), ни влево. Надо идти тем курсом, который нам предначертан.

(«Союз», декабрь 1990 г., № 50)

Судьба Союза и роль Верховного совета СССР

(из выступления на заседании Верховного Совета СССР 12 июля 1991 года)

Особо хочу остановиться на проблемах реформирования

национально-государственного устройства нашей страны и на тех проблемах, которые здесь возникают. В течение двух лет мы шли, шли трудно, подчас мучительно, к сегодняшнему дню, когда Верховный Совет высказал поддержку проекту нового Союзного Договора.

Должен отметить, что вопрос о месте и роли Верховного Совета в этом договорном процессе последнее время, мягко говоря, искусственно подогревался и некоторыми средствами массовой информации, и определенными политическими силами.

В этой связи должен категорически заявить, что Верховный Совет не должен и не может навязывать своей воли, своего видения Союза республикам. Этого не может быть. Он неплохо понимал прежде и отчетливо понимает сейчас, что реформирование Союза — дело самих советских народов и избранных ими органов государственной власти. С другой стороны, Верховный Совет СССР не забывал, что он избран Съездом народных депутатов СССР и представляет собой постоянно действующий законодательный и контрольный орган государственной власти СССР. А следовательно, и сегодня он представляет интересы всех граждан Союза, несет перед ними ответственность за все, что происходит в стране. Об этом наши критики довольно часто забывают. В этой связи, учитывая, что в последнее время некоторые средства массовой информации ставят вообще под вопрос правовой статус союзного парламента в договорном процессе, хотелось бы назвать некоторые основания, определяющие это право. И когда вы будете в округах, мне хотелось бы, чтобы наша позиция дошла до избирателей, до Верховных Советов республик.

Во-первых, реформируется не вновь создаваемый, а уже существующий Союз, и, следовательно, во весь рост стоит проблема преемственности и сохранения нашей государственности. Могут быть любые преобразования в Союзе, любые отделения и присоединения, однако (и в этом суть) все они должны быть юридически обоснованы и оформлены.

Во-вторых, за годы существования страны на ее территории сформировались целые сферы производства и управления, которые обеспечивают общие потребности всего населения. Достаточно напомнить здесь важность сохранения единой энергетической, транспортной, банковской, валютной и ряда других общесоюзных систем жизнеобеспечения всей страны. За них отвечает Союз, и прежде всего Союз.

В-третьих, все граждане СССР сегодня полагаются на свое государство. А оно, в свою очередь, несет определенные обязанности по отношению к гражданам. Люди не виноваты в

происходящих негативных явлениях, в превратностях рынка. И первейшее дело Союза — выполняя свой долг перед населением, обеспечить социальную защиту каждого гражданина. Это тоже функция Союза.

В-четвертых, Советский Союз в настоящее время находится в орбите более 15,5 тысячи международных договоров, соглашений и конвенций, по которым он как обладает определенными правами, так и несет определенные обязанности. Каждый здравомыслящий политик понимает, что от Советского Союза сегодня зависит устойчивость миропорядка. И поэтому здесь следует действовать весьма осторожно и ответственно. Вот что такое в мировом понимании Советский Союз, вот чью волю мы должны выражать в договорном процессе.

И наконец, в стране должна поддерживаться надежная государственно-правовая система, сохраняющая общественный порядок, обеспечивающая безопасность и устойчивость общественных отношений, права и свободы людей. Вот почему Верховный Совет СССР должен, просто обязан быть участником договорного процесса, что, естественно, никак не ограничивает суверенность республик и уж совсем не означает покушения на их суверенитет.

(Стенографический отчет о заседаниях Верховного Совета СССР за 12 июля 1991 г.)

О сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик

(Постановление Съезда народных депутатов СССР)

Съезд народных депутатов СССР поименным голосованием постановляет:

Считать необходимым сохранение Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере обеспечиваться права и свободы человека любой национальности.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов Москва, Кремль. 24 декабря 1990 г. № 1853-1

О проведении референдума СССР По вопросу о Союзе Советских Социалистических Республик

(Постановление Съезда народных депутатов СССР)

В связи с многочисленными обращениями трудящихся, высказывающих беспокойство о судьбах Союза ССР, и учитывая, что сохранение единого Союзного государства является важнейшим вопросом государственной жизни, затрагивает интересы каждого человека, всего населения Советского Союза, Съезд народных депутатов СССР постановляет:

Провести референдум СССР для решения вопроса о сохранении обновленного Союза как федерации равноправных суверенных Советских Социалистических Республик с учетом результатов голосования по каждой республике в отдельности.

Поручить Верховному Совету СССР определить дату проведения референдума и меры по его обеспечению.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов Москва, Кремль. 24 декабря 1990 г. № 1856–1

О названии Советского государства

(Постановление Съезда народных депутатов СССР)

Съезд народных депутатов СССР поименным голосованием постановляет:

Поддержать предложение о сохранении названия Советского государства — Союз Советских Социалистических Республик.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов Москва, Кремль. 24 декабря 1990 г. № 1854–1

Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года

(Постановление Съезда народных депутатов СССР)

Рассмотрев сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах первого в истории нашей страны референдума 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой

национальности, Верховный Совет СССР отмечает высокую активность и гражданскую ответственность участников всенародного голосования.

В референдуме в целом по стране, по предварительным данным, приняли участие 147 млн. человек. За сохранение Союза Советских Социалистических Республик высказалось 112 млн. человек, то есть 76 процентов голосовавших. Таким образом, большинство граждан исходило из того, что судьба народов страны неразделима, что только совместными усилиями они могут успешно решать вопросы экономического, социального и культурного развития. Получила поддержку позиция IV съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР по вопросу о сохранении Союза ССР на основе демократических преобразований.

Несмотря на то что органами власти ряда республик (Грузия, Литва, Молдова, Латвия, Армения, Эстония) не были выполнены решения IV съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР о проведении референдума, имели место нарушения конституционных прав граждан, моральное давление на них, блокирование участков для голосования, более двух миллионов граждан СССР, проживающих в этих республиках, выразили свою волю и сказали «да» Союзу ССР. Такое проявление гражданственности Верховный Совет СССР оценивает как акт мужества и патриотизма.

Верховный Совет СССР осуждает использование властных полномочий в ущерб правам личности, их попрание под лозунгами национального суверенитета и демократии.

Верховный Совет СССР постановляет:

Государственным органам Союза ССР и республик руководствоваться в своей практической деятельности решением народа, принятым путем референдума в поддержку обновленного Союза Советских Социалистических Республик, исходя из того, что это решение является окончательным и имеет обязательную силу на всей территории СССР.

Рекомендовать президенту СССР и Совету Федерации, Верховным Советам республик, исходя из итогов состоявшегося референдума, энергичнее вести дело к завершению работы над новым Союзным Договором с тем, чтобы подписать его в кратчайшие сроки. Одновременно ускорить разработку проекта новой Конституции Союза ССР.

Президиуму Верховного Совета СССР, комитетам Верховного

Совета СССР и постоянным комиссиям его палат в законодательном процессе и контрольной деятельности обращать особое внимание на взаимодействие с Верховными Советами республик, всемерно способствовать улучшению функционирования всех органов государственной власти и управления.

Президенту СССР, Совету Федерации и кабинету министров СССР, учитывая озабоченность, выраженную населением в процессе референдума СССР, принять меры к восстановлению хозяйственных связей, нарушение которых осложняет работу многих предприятий и строек, приводит к резкому ухудшению снабжения населения продовольствием и другими товарами повседневного спроса.

Органам государственного управления обеспечить эффективное взаимодействие республик в интересах повсеместного укрепления дисциплины, организованности и порядка, безусловного выполнения народнохозяйственных программ и, в первую очередь, организованной подготовки и проведения весенних полевых работ в сельском хозяйстве.

Передать на рассмотрение кабинета министров СССР предложения и замечания народных депутатов СССР, внесенные на сессии Верховного Совета СССР при обсуждении итогов референдума.

Советам народных депутатов, всем государственным органам на местах решительно пресекать ущемление прав гражданина независимо от его национальной принадлежности, использовать всю силу закона для недопущения разжигания национальной вражды и ненависти, принять меры к устранению нарушений жилищных, трудовых, пенсионных и других прав и свобод граждан.

Предложить Комитету конституционного надзора СССР дать заключение о соответствии принятых в связи с проведением референдума актов высших органов государственной власти республик, ограничивающих права граждан СССР, Конституции СССР и законам СССР.

Генеральному прокурору СССР в двухмесячный срок рассмотреть факты нарушения конституционных прав граждан, имевшие место в ходе проведения референдума СССР, и о принятых мерах доложить Верховному Совету СССР.

8. Рекомендовать государственным органам, учреждениям и организациям, политическим партиям, иным общественным объединениям, а также средствам массовой информации полнее учитывать в своей деятельности волю народа к сохранению нашего Союзного государства.

Считать необходимым принять меры по обеспечению строгого соблюдения законов Союза ССР, недопущению противоборства союзного и республиканского законодательств, по консолидации и сплочению общества на путях его демократического обновления.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов Москва, Кремль, 21 марта 1991 г. № 2041–1

В договоре о Союзе отразить результаты всесоюзного референдума

(Заявление Председателя Верховного Совета СССР)

В связи с поступающими в мой адрес многочисленными обращениями трудящихся с просьбой высказать свое отношение к проекту опубликованного Договора о Союзе суверенных государств считаю необходимым отметить следующее. Как известно, проект Договора был в основном поддержан Верховным Советом СССР 12 июля 1991 года. При этом Верховный Совет образовал полномочную союзную делегацию и поручил ей при доработке и согласовании проекта Договора исходить из ряда положений, сформулированных высшим органом власти страны. Прежде всего было указано на необходимость отразить в наименовании и основных принципах Договора результаты Всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Аналогичный подход к наименованию и характеру нашего союзного государства был сформулирован и Съездом народных депутатов СССР. На заседании руководителей полномочных делегаций в Ново-Огареве эта позиция Верховного Совета СССР была подробно аргументирована. Однако она не нашла отражения в окончательном тексте Договора. И естественно, что данный вопрос, несомненно, потребует дополнительного обсуждения Съездом народных депутатов СССР, а возможно, и Всесоюзным референдумом, связанным с принятием новой Конституции. Верховный Совет СССР признал целесообразным предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом собственности, необходимой для его

нормального функционирования как федеративного государства. Особо было оговорено требование установления самостоятельных налоговых поступлений в союзный бюджет. К сожалению, эти важнейшие положения не нашли достаточно четкого отражения в опубликованном тексте Договора. Об этом свидетельствуют и недавние заявления кабинета министров СССР, правления Государственного банка СССР, ряда других союзных органов. Тут, видимо, тоже требуются немалые коррективы в тексте Договора.

Исключительно серьезное внимание уделил Верховный Совет СССР прекращению так называемой «войны законов», на деле означающей вопиющее беззаконие. В связи с этим для включения в Договор была предложена норма, не допускающая приостановления Союзом ССР республиканских законов, а республиками — союзных законов, и разрешения возможных споров путем согласительных процедур или решениями Конституционного суда СССР. Несмотря на то что это предложение было поддержано виднейшими советскими юристами, оно также не нашло должного отражения в тексте Договора, подготовленного в Ново-Огареве. Нет особой нужды доказывать, насколько это опасно для формирования устойчивой правовой системы в нашей стране.

Значительно более четкого определения в Договоре требует порядок его реализации в переходный период, обеспечивающий преемственность в работе органов государственной власти и управления. Без этого невозможно будет поддерживать хотя бы в минимальной степени функционирование народного хозяйства в чрезвычайно тяжелой кризисной обстановке, сложившейся в стране.

Все эти проблемы требуют, по моему мнению, дополнительного обсуждения на сессии Верховного Совета СССР, а затем, видимо, и на Съезде народных депутатов страны.

Без этого такой наиважнейший для судьбы нашего государства документ, как Союзный договор, не сможет в полной мере выражать волю советского народа о сохранении Союза ССР — великой державы, призванной служить интересам граждан всех национальностей и оказывающей серьезнейшее воздействие на международную обстановку во всем мире.

А. Лукьянов

16 августа 1991 года

(«Правда», 20 августа 1991 г.)

Мы подошли к водоразделу

(выступление на июльском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС 26 июля 1991 года)

Мы подошли к водоразделу, когда каждый из нас, каждый коммунист должен определить свою позицию. Сделать это обязывает время, глубокий кризис, охвативший практически все общество, падение доверия к органам власти, нарастание антикоммунистической истерии, ставшей в ряде мест легальной политикой государственного руководства. Обществу навязывают совершенно иные пути развития, проповедуется всеобщая денационализация, дефедерализация, десоветизация. Словом, отказ от многих и многих ценностей, которые прочно вросли в сознание и жизнь нашего народа. Водораздел, к которому мы подошли, должен обозначить, куда дальше пойдет партия: растечется ли она по нескольким рукавам или сохранит свое основное стержневое течение.

Обсуждаемый проект Программы и есть такой, на мой взгляд, водораздельный документ. Он позволяет сделать выбор, определиться по всем азимутам и прежде всего ответить на главный вопрос, ответить: чья мы партия? Партия трудящихся, рабочих, крестьян, интеллигенции или, как говорили совсем недавно, партия всего народа, включая быстрорастущее племя предпринимателей и дельцов теневой экономики. Ответить — стремимся ли мы к обновленному социализму, строю социальной справедливости и социальной защищенности человека труда или сворачиваем к обществу, в котором социализму места быть не может. Нам надо ответить, остаемся ли мы, двигаясь к смешанной, многоукладной экономике, на позициях приоритета общественных форм собственности либо этим приоритетом является частная собственность. Выбирая рыночную экономику, мы должны ясно сказать, является ли рынок целью или это средство для достижения благосостояния людей. Да и каким должен быть переход к рынку — диким и стихийным или регулируемым и управляемым? Твердо и четко надо ответить, какой мы видим нашу страну в будущем: союзным государством, обновленной федерацией равноправных и суверенных республик либо аморфным конфедеративным союзом государств с различными законами, банками, таможнями, сотнями тысяч беженцев.

Если мы ясно ответим на эти вопросы, если решительно объединимся на четких позициях, исключающих, естественно, коммунистический фундаментализм и всякий откат назад, нас поймут люди, за партией пойдут массы и не будет веры тем, кто под покровом либерально-демократических фраз пытается

толкать нас совсем в другую сторону. Говорю об этом потому, что за последнее время, а за три месяца, прошедших после апрельского Пленума, особенно, противники нашей партии делают все возможное, чтобы доказать, что КПСС исчерпала себя и стала консервативной силой. К сожалению, и с этой трибуны я слышал такие голоса вчера. Делается все, чтобы отлучить коммунистов от демократии, внушить людям, что наша партия и демократия — это несовместимые понятия. Между тем если присмотреться, что делают те, кто клянется и божится демократией, то за словесным туманом все отчетливее выступают стремление к авторитаризму, грубый зажим иных мнений, идеологическая нетерпимость, то есть та самая демократура, которую в пылу откровенности вынуждены признавать даже сами ультрадемократы. Нагляднее всего это проявляется в их политике по отношению к Советам. И очень жаль, что в докладе проблема партии и Советов практически не была затронута. Вспомните, товарищи, Первый съезд народных депутатов СССР проходил под лозунгом «Полновластие Советам!». Радикалы шли с ним на выборы, требуя перехода власти от партийных комитетов к Советам. Но минует всего полтора года, и курс резко меняется. Что же произошло?

Возьмем местные Советы. Выдавив партийные органы из всей цепочки властных структур, политики новой волны продемонстрировали свое удивительное неумение ни управлять, ни решать жизненно важные для людей проблемы. Попытки превратить местные Советы в некие законодательные и распорядительные органы тоже не удались. Как-то Рой Александрович Медведев довольно справедливо подметил, что Моссовет три дня обсуждал, выносить ли бюст Ленина из зала заседаний, и три часа — ход подготовки к зиме, когда зима была уже за окнами.

Такая картина довольно типична. На фоне широковещательных обещаний многие Советы себя не оправдали. Но на обманутые надежды людей надо было как-то отвечать. И тогда появляется тезис о несостоятельности вообще советской представительной системы, вместо которой необходимо создать по западным образцам парламентскую, муниципальную систему, и процесс такой, как вы знаете, уже начался. Зачем? И с какой целью?

Одна из целей — вывести из-под контроля представительных органов решение практических вопросов перехода к рыночной экономике, в первую очередь разгосударствление и приватизацию. Создать жесткую систему выполнения команд сверху. А это значит, что под флагом укрепления исполнительной

власти так или иначе начинается фактическое отстранение Советов и их депутатов от решения насущных вопросов общегосударственной и местной жизни. Одновременно развязываются руки для усиления давления на КПСС, на союзные органы, на армию, структуры государственной безопасности и внутренних дел.

И объявленная на днях президентом РСФСР департизация, товарищи, это лишь часть той кампании, направленной по существу против Советов, против партии, профсоюзов и других общественных организаций.

Кстати, слово «советский» уже изъято из названия восьми республик и пяти бывших автономий. В некоторых республиках президенты получили право роспуска не только местных, но и Верховных Советов. А возьмите Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР. Сегодня мы видим, с какой методичностью идет наступление новых политических лидеров и в целом оппозиции на высшие органы государственной власти страны. Им хочется немедленно распустить союзный парламент как слишком консервативный и недееспособный орган. При этом, конечно, умалчивается, что именно этот орган принял главные законы о движении к рынку, о предпринимательстве, о социальной защите граждан, что именно Верховный Совет, развивая демократию, гарантировал в новых законах национальное равноправие, право человека на объединение, свободу слова, свободу совести, свободу передвижения, что именно он заявил о необходимости прекратить войну в Афганистане. Однако эти факты нашим критикам нипочем. Их логика проста. Раз какие-то предложения радикалов не проходят, значит, нечего их отстаивать по правилам плюрализма. Надо сразу же требовать роспуска союзного, а теперь уже и некоторых республиканских парламентов. Интересно, какой бы шум подняла наша впечатлительная независимая пресса, если бы так действовали коммунисты!

Но вдумаемся, товарищи, поглубже. Что означал бы сейчас немедленный противоправный роспуск Съезда и Верховного Совета СССР. Он означал бы одно — гибель единственных конституционных структур, где пока еще представлены все пятнадцать союзных республик и другие национально-государственные образования, структур, которые олицетворяют общесоюзные интересы, целостность Союза, его международные обязательства.

Поверьте, я далеко не в восторге от работы Верховного Совета и своей работы в нем. Но объективность требует сказать: он был и остается одним из важнейших инструментов стабилизации

обстановки в обществе, стабилизации, которая поперек горла немалому числу наших политических противников. Поэтому неслучайно они в последнее время усиливают попытки вбивать клин между Верховным Советом и правительством, между Верховным Советом и президентом страны. Замечу, что вбивается и очень опасный клин между Генеральным секретарем ЦК и партией в целом.

Известно, что такие голоса звучат не только, так сказать, слева (а тут левые и правые перепутались), они раздаются и справа. Но давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять сегодня президента и что значит для президента потерять партию? Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для президента Горбачева потерять партию значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Аплодисменты.)

В целом считаю, что имеющиеся в проекте Программы формулировки по вопросам государства, права и управления, а также функционирования Советов, должны быть гораздо жестче и определеннее. Они должны учитывать и традиции, реальности жизни, и необходимость совершенствовать систему Советов прежде всего как систему представительства трудящихся. Из программного документа должно быть ясно, что КПСС намерена возглавить борьбу за демократию и законность, за сохранение Советов народных депутатов, что партия решительно выступает против любых посягательств на орган народовластия и, укрепляя исполнительную власть, будет последовательно развивать демократические, советские начала в организации нашего государства.

Практическим испытанием этой политики станет, несомненно, выборная кампания, в результате которой должны быть сформированы Советы всех уровней. Уже сегодня ясно, что коммунистам придется отстаивать своих представителей на выборах в очень тяжелой борьбе.

Вы видите, товарищи, по прессе, что наши оппоненты не только это прекрасно понимают, но и разворачивают серьезную подготовку к будущей избирательной кампании. При этом они не скрывают своих расчетов на то, что коммунисты, как и на прошлых выборах, будут заниматься самоедством, вести работу непрофессионально и недостаточно гибко.

Вот почему Центральному Комитету КПСС надо уже сейчас очень ответственно подойти к этим вопросам. Возможно, посвятив им специальный Пленум.

Острейшей проблемой станет работа в территориальных

округах. Но в то же время хочется еще и еще раз подчеркнуть, какой бы стороны наших действий мы ни коснулись, будь то движение к рынку, укрепление союза республик, работа в Советах или на выборах, ничего у нас, товарищи, не получится, если не будет демократического единства в самой партии, если не будет дисциплины и сплочения в наших партийных рядах.

И, думаю, то, что здесь говорилось об Уставе, совершенно правильно. Уже в ближайшее время советские люди должны почувствовать, что партия на деле борется за прекращение падения жизненного уровня трудящихся, за наведение строжайшего общественного порядка, что она ни в коем случае не допустит развала нашего Союза. А для всего этого нужна единая, хорошо организованная и целеустремленная партия.

Поэтому я заканчиваю тем, с чего начал, — мы пришли к водоразделу. Давайте четко и честно определимся. Нам необходима новая степень взаимного доверия партийного товарищества. Только так мы сможем сохраниться как партия демократии, как партия социализма. (Аплодисменты.)

(«Правда», 29 июля 1991 г.)